
VE
RI
TAS

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ II

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія С. Н. Худекова. Владимірскій пр., № 12.
1894.

Оглавленіе.

Страп.

Отдѣлъ I.

Изслѣдованія, наблюденія, разсужденія.

Отдѣлъ II.

Памятники языка и народной словесности.

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ II

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія С. Н. Худекова. Владимірскій пр., № 12.
1894.

Печатано съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ОТДѢЛЪ I.

Отчетъ о поѣздкѣ въ Сувалкскую губернію.

По предложенію проф. В. И. Ламанскаго на средства Императорскаго С.-Петербургскаго Университета и отчасти Императорскаго Географическаго Общества я отправился лѣтомъ 1893 г. въ Литву и прожилъ тамъ все вакаціонное время, именно, уѣхавъ изъ С.-Петербурга 5 іюня и вернувшись обратно 15 августа. Въ Литвѣ съ 8 іюня по 15 августа проживалъ въ семьѣ учителя начальной школы Гижевской гмины Волковышскаго уѣзда Сувалкской губ. Отсюда въ разное время мнѣ удалось посѣтить слѣдующіе города и деревни: Ковно (Kaunas), Волковышки (Vilkoviškis), Гиже (Gižai), Руда, Хмаришки (išlandžiai), Шилкальнисъ, Шлегашилисъ, Гурбшеле, Поезеры (Paažeriai), Визайды (Vižiaidai или Stadalnikai), Ораны (Oranai), Печулишки (—iškiai), Допкишки, Прешкода (Lapanka), Ольвита (Alvitas), Кетурвлоки (Keturvalakiai), Пильвишки, Маріамполь (Staropole-Senapilis], Гришкабуда (Griškabudis), Огуркишки (Agurkiškiai или Paliepine), Паскальнишки (Pas или Pakalniš Kiai или Leliokai), Акеце (Akečiai), Кераплай, Шуля, Сапежишки (Zapiškiai). Послѣднія семь названій мѣстностей относятся къ Владиславовскому уѣзду.

Цѣлью моей поѣздки было прежде всего выучиться живому литовскому языку, затѣмъ собрать какіе-либо матерьялы по этнографіи Литвы. Такихъ матерьяловъ мнѣ удалось собрать сравнительно немного. Это, преимущественно, пословицы, поговорки, загадки, нѣсколько сказокъ, остатковъ языческихъ вѣрованій, обычаевъ и 16 мелодій народныхъ пѣсенъ. Своими наблюденіями (тѣми только, въ точность которыхъ я самъ вѣрю) надъ языкомъ и отчасти вообще надъ народомъ я и намѣренъ подѣлиться въ настоящей статьѣ.

Но прежде чѣмъ къ этому перейти считаю пріятнѣйшимъ долгомъ выразить свою искреннюю благодарность за всѣ указанія и совѣты профессорамъ В. И. Ламанскому, А. И. Соболевскому, Э. А. Вольтеру, а также г. ректору

Императорскаго С.-Петербургскаго Университета П. В. Никитину, г. Вице-Предсѣдателю Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, г. Губернатору Сувалкской губ., г. И. И. Билло за содѣйствіе рекомендаціями и всѣмъ литовцамъ, у которыхъ я нашелъ такой радушный пріемъ, что Литва мнѣ не показалась чужбиной.

Литовцы посѣщенныхъ мною мѣстностей не отличаются ни слишкомъ высокимъ, ни слишкомъ малымъ ростомъ. Встрѣчалъ я и довольно высокорослыхъ (нѣкоторые—бывшіе гвардейцы), но также и ниже средняго. Ни первые, ни вторые не составляютъ характернаго большинства.

Глаза бываютъ преимущественно свѣтлые, больше всего голубые. Цвѣтъ волосъ ихъ нельзя назвать ни свѣтлымъ, ни темнымъ вообще. Очень много совсѣмъ свѣтловолосыхъ, но темнорусые, повидимому, преобладаютъ. Есть и брюнеты, но совершенныхъ брюнетовъ такъ же мало, какъ и черноглазыхъ. Бороды не носятъ, а болѣе вѣрные старымъ обычаямъ бреютъ и усы. Женщины и дѣвушки носятъ одну и ту же прическу: прямой проборъ, двѣ косы, положенныя красивой пышной коронкой вокругъ головы. Около этой коронки повязываютъ свѣтлую (часто просто бѣлую) ленточку (обыкновенно очень узкую) или что-то вродѣ узкаго галуна (послѣднее въ праздникъ конечно).

Одежду мужчинъ составляетъ бѣлая [1]) рубаха съ прямымъ неширокимъ отложнымъ воротомъ, обыкновенно довольно длинная, такіе же штаны; сверхъ рубахи цвѣтной кушакъ (непремѣнно) и жилетъ, обыкновенно темный (bruslotas); сверхъ этого сермяга (sermega) изъ грубаго свѣтлосѣраго сукна (milas) домашней работы или кафтанъ (žiponas) изъ черпаго сукна или пестраго (или даже одноцвѣтнаго темнаго, почти чернаго) холста (triničei, т. е. сшитый изъ trinitis или keturnitis). И sermega и žiponas, обыкновенно бываетъ длиною до колѣнъ, рѣдко немного ниже колѣнъ. При триничей и штаны часто носятъ также изъ trinitis.

Шляпы преобладаютъ съ полями (scribele) поярковыя и соломенныя, съ лентами, обыкновенно темными, но нерѣдко цвѣтными (даже стеклярусовую я видѣлъ). Носятъ и фуражки (šlikas). [Носятъ также обыкновенные сюртуки и брюки, крахмальные воротнички съ галстуками и котелки].

Обыкновенная обувь для каждаго дня—kurpes, klumpes (мн. ч.) въ родѣ опорокъ, (кожанный верхъ, придѣланный къ толстой деревянной подошвѣ); šliures—тѣ же kurpes, только безъ кожанаго задка. Кромѣ того въ Владиславскомъ уѣздѣ я видѣлъ žasialei—деревянные башмаки и kadukai—деревянная подошва, привязываемая къ ногѣ ремешками или веревками. Kadukai употреб-

---

[1]) Красныхъ и вообще цвѣтныхъ не носятъ. Если-бы кто-либо надѣлъ красную рубаху, того-бы стали называть kazokas и смотрѣли бы на него, какъ на чудище.

ляютъ въ лѣсахъ. Я видѣлъ въ нихъ мальчика-пастуха. Кромѣ того, по словамъ другихъ, въ тѣхъ же мѣстностяхъ употребляютъ vižos—лапти лыковые и nagines—холщевая обувь (у нищихъ). Самъ я не видѣлъ ни на комъ ни vižos, ни nagines. Въ праздникъ же большая часть въ высокихъ сапогахъ (čiabatai), при чемъ конечно штаны въ сапоги. Женщины носятъ сверхъ рубашки и юбки kiklikas или šniuruika—безрукавку, короткую въ родѣ корсажа или довольно длинную, въ талію или широкую, съ большимъ вырѣзомъ у шеи или глухую почти до самаго верха, разныхъ цвѣтовъ.

Рубаха—бѣлая съ широкими рукавами, схваченными у кисти, съ отложнымъ, очень мало вырѣзаннымъ, воротомъ. Цвѣтныхъ вышивокъ не видѣлъ ни у одной литовки. Мало замѣтный (бѣлыми нитками) узоръ на воротѣ и плечахъ дырочками и зубцами, и тотъ я видѣлъ лишь у нѣкоторыхъ. Національный костюмъ сильно вытѣсняется городскимъ. Бусъ замѣтно мало. Обыкновенно носятъ четки. Лентъ на бусахъ носятъ очень мало, причемъ преобладаютъ бѣлыя ленты.

Въ праздникъ, идя въ церковь, одѣваютъ (впрочемъ замѣтилъ я у немногихъ) вѣнки, причемъ кладутъ ихъ выше косъ внутри коронки изъ косъ, а не вокругъ ея. Иногда просто затыкаютъ цвѣты въ видѣ вѣнка за коронку, образуемую косами. Женщины большею частью ходятъ босыя, даже въ праздникъ нерѣдко, тогда какъ мужчины обыкновенно въ какой-либо обуви.

Въ церковь въ праздничный день и дѣвицы, и женщины безъ различія возраста обыкновенно являются съ небольшими букетами въ рукахъ; среди другихъ цвѣтовъ непремѣнно въ букетикѣ есть рута, а у многихъ и Божье дерево (Diemedis).

Въ день Успенія Пр. Богородицы, называемый въ народѣ Žoliniai (Žole—зелень) всѣ женщины (также безъ различія) приходятъ къ обѣднѣ съ разными овощами въ рукахъ.

Къ своимъ наблюденіямъ прибавлю еще немного о женскихъ украшеніяхъ со словъ одного учителя начальной школы.

1) Pakalke—дѣлается изъ толстой бумаги въ видѣ кольца шириною дюйма въ 4; около этого кольца обводится шелковая лента какого угодно цвѣта, шире бумажнаго кольца, и края ленты загибаются внутрь, такъ чтобы не было видно бумаги. Pakalke надѣваютъ на голову вокругъ косъ, украшая ее при этомъ рутой и другими цвѣтами. Pakalke украшеніе только дѣвушекъ, которыя еще не лишились права на рутовый вѣнокъ, ne patrotijo rutu vainikelio. Въ настоящее время pakalke почти вышла изъ употребленія. Когда дѣвицы носили pakalke, то носили и по буднямъ вмѣсто платка. Платокъ надѣвали только зимой поверхъ pakalke. Теперь же всѣ ходятъ въ платкахъ и лѣтомъ.

2) Galionas (галунъ?) тоже, что и pakalke; только здѣсь вмѣсто шелковой ленты серебряная или золотая ткань. Galionas до сихъ поръ еще употребляется въ день бракосочетанія (это я самъ нынче видѣлъ на бѣдной невѣстѣ-батрачкѣ), при чемъ его надѣваютъ также и подруги невѣсты. Но богатыя литовки въ настоящее время не надѣваютъ galionas на свадьбахъ.

3) Pabrivej или bindolikai дѣлаютъ изъ бѣлыхъ кружевъ и навязываютъ подъ платкомъ около себя, такъ чтобъ они были видны изъ подъ платка. Лѣтъ тридцать назадъ всѣ бы пальцами стали показывать на замужнюю женщину или вдову, рѣшившуюся пріѣхать на храмовой праздникъ (atpuskas) безъ pabrivei, и на дѣвицу безъ pakalke. Теперь pabrivei еще употребляютъ свахи на свадьбахъ, а также въ pabrivej убираютъ невѣсту послѣ бракосочетанія.

Остатковъ языческихъ вѣрованій мнѣ удалось найти немного. Стараніями духовенства они искореняются все болѣе и болѣе. Ни одинъ крестьянинъ не станетъ говорить напр. о лауме и т. п., не оговорившись, что теперь ничего этого нѣтъ, что все это было лишь во времена поганства Литвы. Приведу здѣсь то немногое, что удалось мнѣ узнать о Перкунѣ, дейвахъ, лауме, раганѣ, айтварѣ и пр.

О Перкунѣ.

Perkunas linksmina—Перкунасъ веселитъ (можетъ быть въ непереходномъ значеніи веселится?) говорятъ, когда гремитъ громъ. Kasi padanges kila, tam Perkunas liepe grišt—кто на поднебесье поднимается, тому Перкунъ велитъ вернуться, говоритъ пословица. Самое сильное проклятіе у Литовцевъ «kad tavia Perkunas užmuštu», т. е. «чтобъ тебя Перкунъ убилъ!»

Перкунъ преслѣдуетъ чертей (muša vialnius—бьетъ, ударяетъ въ чертей, убиваетъ ихъ) и такимъ образомъ является какъ бы другомъ людей. Черти стараются отъ него спрятаться, бѣгутъ къ людямъ въ избы, въ церкви, подъ какой либо крестъ [1]), обращаются въ животныхъ. Въ пѣтуха лишь не могутъ они обращаться, а потому и Перкунъ никогда не ударяетъ въ пѣтуха.

Kulka Perkuno—пуля Перкуна—это обломокъ каменной вещи, какъ напр. обломокъ каменнаго топорика, найденный въ д. Кетурвлокахъ Волковышскаго уѣзда и находящійся теперь у меня. Такіе обломки, а иногда цѣльныя

---

[1]) Въ Литвѣ ставятъ очень часто кресты при дорогѣ (въ особ. на перекресткахъ) съ изображеніемъ Распятія (muka) или какими-нибудь другими фигурами религіознаго характора, рѣзанными изъ дерева деревенскими художниками.

венци изъ камня нерѣдко находятъ въ Литвѣ. По вѣрованію литовцевъ такая kulka при ударѣ грома падаетъ съ неба и уходитъ въ землю на глубину удевятеренннаго человѣческаго роста—per 9 stūmenius gilio. Потомъ она въ теченіи 9 лѣтъ поднимается наверхъ, каждый годъ на высоту роста одного человѣка. Perkuno kulka очень помогаетъ отъ всякой боли: стоитъ только потереть ею больное мѣсто—и боль проходитъ. Эти кулки бросаютъ въ чертей свв. Петръ и Павелъ. Они всегда оба гонятъ чертей per šerenga (сквозь шеренгу, м. б.=сквозь строй?), а св. Яковъ погоняетъ (pavarineje).

Объ айтварѣ.

Aitvaras (у Куршата eitvaras) сверхъестественное существо, живущее въ домахъ, соотвѣтствуетъ русскому домовому отчасти.

Айтвара высиживаетъ семилѣтній пѣтухъ изъ яйца, снесеннаго имъ же въ томъ же году, въ теченіи 7 недѣль. Когда айтваръ выйдетъ изъ яйца, его надо кормить творогомъ и яичницей; а чтобы онъ носилъ деньги въ домъ, надо i kraiga indet tuščia stiabulia—въ конекъ крыши вдѣлать пустую ступицу отъ колеса, черезъ которую онъ насыпаетъ полную избу денегъ. Когда онъ носитъ деньги, его надо хорошо кормить и остерегаться разсердить, потому что иначе онъ всѣ деньги обратитъ въ черепки и избу сожжетъ. Отсюда поговорка turiu kaip aitvaras pinigu: galiu užmušt ir užmoket—«у меня денегъ какъ у айтвара: могу забить и заплатить».

Айтваръ бываетъ похожъ на маленькаго человѣчка, съ длинными когтями. Является также въ видѣ разныхъ животныхъ.

Съ одного мѣста на другое айтваръ перелетаетъ въ видѣ блуждающаго огонька. По словамъ другого lekentis aitvaras išrodo ant liepsninio smaigo, т. е. «летящій айтваръ кажется огненною палочкой».

О дейве.

При рожденіи ребенка около женщины въ ожиданіи этого собираются сверхъестественныя существа, такъ называемыя deives (ед. ч. deive). Число ихъ неограниченное, по словамъ разсказывавшихъ мнѣ крестьянъ. Повидимому это существа женскаго пола, какъ показываетъ и ихъ грамматическій родъ. Эти deives наперерывъ предсказываютъ будущность, хорошую или дурную, ожидающемуся ребенку. При словахъ которой дитя родится, той предсказаніе и исполнится.

Въ одной сказкѣ говорится, какъ 2 дейве погнались на болотѣ за телѣгой, и тянулись за ней по обѣ стороны въ видѣ двухъ бѣлыхъ фигуръ, провожая до самаго дома.

Дейве колотятъ бѣлье вальками на рѣчкѣ послѣ заката солнца. Поэтому въ Литвѣ не принято ходить на рѣчку бѣлье полоскать послѣ заката. Если какая нибудь дѣвушка пойдетъ, противъ обычая, на рѣчку съ бѣльемъ послѣ заката, то явятся дейве и отнимутъ бѣлье.

О **лауме** всѣ говорили только, что это такое же сверхъестественное существо, какъ и дейве. Большаго мнѣ не могли сказать о ней.

Ragana—прежде всего не сверхъестественное существо, а человѣкъ, именно же, баба и вполнѣ соотвѣтствуетъ руской вѣдьмѣ. Между тѣмъ какъ о дейве и лауме говорятъ, что теперь ихъ нѣтъ уже, что они существовали только во времена язычества въ Литвѣ, «когда Литва была еще поганой», въ существованіе раганъ и въ ихъ могущество вѣрятъ и теперь.

Чертъ у литовцевъ какъ и у русскихъ, имѣетъ много названій. Мнѣ извѣстны пока слѣдующія: vialnes, pikulas, kipšas, kialmas, ants, biznius, bigis, vienšniurkšlis, smailakulnis, balinis, jůdasis, čiartas, diablas, nedoras, aniůlas, prakeaiktasis, ledokas, pikta dvase, lipicierius (люциферъ), belčebulas (вельзевулъ), также aitvaras, smakas (драконъ, смокъ).

Въ старину, говорятъ, черти являлись на свадьбы и танцовали съ дѣвицами. У дѣвицъ послѣ этого оставались синяки на тѣлѣ въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль. Обыкновенно черти пріѣзжали одѣтыми по-пански на прекрасныхъ коняхъ и одаривали пирогами, табакерками и другими вещами. Въ полночь они исчезали, а кони ихъ превращались въ хворостъ, пироги въ конскій гной, табакерки въ конскія копыта. Опытные люди узнавали ихъ, потому что у чертей бываетъ по одной ноздрѣ, откуда и прозвище ихъ vienšniurkšlis. Черта человѣку можно убить только серебряными пулями.

Упомяну здѣсь объ одномъ уже не соблюдающемся обычаѣ. Въ настоящее время лишь въ шутку приглашаютъ гостя, входящаго въ домъ въ первый разъ, поцѣловать печь—pabuciůt piačiu. Исполненія этого не требуютъ ни отъ кого. Я самъ былъ свидѣтелемъ этого много разъ.

На всемъ томъ пространствѣ, какое мнѣ удалось проѣхать, не замѣчается большаго различія въ говорахъ. Всѣ эти говоры въ то же время мало отличаются отъ говоровъ Сувалк. губ., описанныхъ В Миллеромъ и Фортунатовымъ (Людвиновскій говоръ) и Бругманномъ (Годлевскій или Гарлевскій говоръ, употребляющіе который называются Garliauckiniai).

Въ говорѣ Гижевской гмины *е* (обознач. Шлейхеромъ и Куршатомъ черезъ простое *е*) въ началѣ словъ произносится, какъ русс. *а*: arelis вм. erelis, aisim вм. eisime; въ серединѣ и въ концѣ словъ, какъ русс. *я* (безъ jотаціи) въ ударяемыхъ слогахъ и какъ звукъ, колеблющійся между *я* и *е* въ неударяемыхъ (т. е. почти какъ неудар. *я* въ нашемъ литературномъ яз., напр. въ словахъ дитятко, тяжелый, серебряный и т. п.). Послѣ зубныхъ

это *e* иногда произносится почти, какъ *a*, напр. въ словахъ udega, teka слоги de и te произнос. почти da и ta, вѣрнѣе какъ д'а и т'а: вуад'ага, т'ака: *e* долгое (обознач. Шлейх. и Курш. черезъ *ė*) въ началѣ и въ серединѣ слова подъ удареніемъ произносится, какъ русс. *e*, а внѣ ударенія почти какъ русс. ей или ій. Напр. tevas=тевас, но vėlû=вейлу или війлу. Въ концѣ слова это *e* произносится почти, какъ русс. *и*, и въ этомъ случаѣ произношеніе его колеблется между *e* и *и* нерѣдко даже въ ударяемыхъ слогахъ.

Вообще же о звукѣ *e* надо замѣтить, что онъ никогда не произносится твердо, напр., какъ нѣмецк. *e* въ sehr, der, Vater, Zehm, Menge и т. п. или польское *e* въ teraz, serce, daremnie, zapomniałem и т. п. Звукъ, обозначаемый Шлейхеромъ черезъ ĕ, а Куршатомъ черезъ ie, произносятъ довольно отчетливо, какъ надо было бы произнести русс. йĕ, или йя̆, или ея̆, при чемъ вторую изъ этихъ гласныхъ (ĕ, я̆) слѣдовало бы произносить быстрѣе, чѣмъ первую (сравн. быстроту произношенія русскаго й) и, разумѣется безъ jотаціи. Звукъ, обозначаемый обыкновенно черезъ *ů* произносятъ, какъ русс. уâ, при чемъ тоже вторую гласную надо бы было произнести быстрѣе, чѣмъ первую, совсѣмъ кратко. Какъ въ *ie*, такъ и въ *ů* составныя части, т. е. звуки *i* и *e*, *y* и *a*, сливаются въ произношеніи почти неуловимо ни для уха, ни для органа произношенія русскаго человѣка. Тѣмъ не менѣе всякій литовецъ изъ той мѣстности замѣтитъ и поправитъ, если произнесешь совсѣмъ слитно, т. е. вм. ie—*e*, а вм. *ů*—*o*. Оба составныхъ гласныхъ въ *ů*—*y* и *a*, вполнѣ ясно слышны только въ односложныхъ словахъ, напр. въ тв. п. ед. ч. мѣстоименія tas—tů=туа, въ особ. если оно стоитъ въ концѣ предложенія и подъ логическимъ удареніемъ. Слово šů (собака) подходитъ подъ это же правило, т. е. произн. шуа, но часто также и шува, какъ въ говорахъ Гарлевскомъ и Людвиновскомъ. Являющееся въ немъ *в* обыкновенно также приставляется, если слово начинается съ *ů*. Напр. ůdas, ůdega произносятъ вуадае, вуад'ага. *O* произносится глухо, а въ неударяемыхъ слогахъ совсѣмъ, какъ русс. у: р. ед. àrklio=арклю, bàlno=балну, им. мн. mérgos=мергус. *u* долгое (обозн. Шлейх. и Курш. черезъ *ų*) произносится почти въ двое протяжнѣе, чѣмъ краткое *u* (i). Звука *ы*—нѣтъ. Носовыхъ тоже уже не существуетъ. Звуки *ш*, *ч* бываютъ и твердыми и мягкими: žuvis=жувис, и žiuri=жюри *Л.* бываетъ или твердымъ или мягкимъ, смотря по положенію balnas=балнас, balnelis=бальнялис. (Подробн. см. у В. Милл. и Форт. или у Бругм.).

л, *р* и *н* иногда слышны почти, какъ сонанты, особенно въ пѣніи. Напримѣръ balnas иногда почти = баллнас, čiulbejo почти = чюльльбеjо или чюльлибеjо.

д и *т*—передъ мягкими гласными нѣсколько тверже, чѣмъ въ русскомъ языкѣ и мягче, чѣмъ въ нѣмецкомъ языкѣ.

На концѣ всѣ согласные тверды всегда.

Придыхательные (*ф*, *х*) существуютъ только въ заимствованныхъ словахъ, какъ напримѣръ furmonka (Fuhrmann), familija (семейство), chiba (польское chyba) и т. д., но и въ нихъ охотно замѣняются твердыми. Такъ вмѣсто furmonka говорятъ также purmonka и kurmonka, kiba вмѣсто chiba, kvoroba вмѣсто chvoroba и т. д. При сочетаніи звуковъ, какъ гласныхъ, такъ и согласныхъ, наблюдаются всѣ тѣ законы, которые очень точно отмѣтилъ Бругманнъ въ описаніи Гарлевскаго говора. То же я долженъ сказать о формахъ склоненія и спряженія. Отмѣчу здѣсь развѣ только то, что двойственное число почти совсѣмъ утрачено; даже при числительномъ д в а обыкновенно ставится не двойственное, а множественное число. Ничтожные остатки его находимъ въ формахъ мѣстоименія (mudu и т. п.) и въ глагольной формѣ e i v a (идемъ!). Звательный падежъ вообще сохранился. Но отъ ponas вмѣсто звательнаго употребляется именит. пад. ponas, pons или даже только pon. Отъ arkliukas, dedukas звательный падежъ arkliuk, deduk.

а въ окончаніи именительнаго падежа единственнаго числа словъ на a s или выпадаетъ, или остается. И то, и другое бываетъ одинаково часто и при томъ безъ тѣхъ ограниченій, какія даетъ Куршатъ.

terp—произносятъ терп.

jis—jис, а не ис, какъ въ Людвиновскомъ говорѣ (по свидѣтельству В. Миллера и Фортунатова).

есмь—asu или aosiu

есть—irà или ir

нѣтъ—nërà или nër

бываетъ—buna

Предлогъ въ обыкновенно *i* (безъ носоваго оттѣнка), но также нерѣдко i n или даже i n t. Int является еще въ видѣ приставки въ глаголѣ int-eina (онъ входитъ). Союзъ *и* только i r; надъ употребляющими bei—смѣются.

Надъ говорящими d a r вмѣсто dabar (=теперь) смѣются и называютъ ихъ dartinicai. (Такъ говорятъ между прочимъ вблизи Маріамполя).

Въ заключеніе упсмяну два прозвища, какими надѣляютъ гижевцевъ и говорящихъ однимъ съ ними говоромъ жителей средней и восточной части Волковышскаго уѣзда, такъ называемыхъ Vilkaviškečei, ихъ сосѣди съ сѣвера и съ юга: kapsai и gůgai. Капсами называютъ ихъ жители Владиславовскаго уѣзда за то, что они говорятъ kap и tep вмѣсто kaip и teip. (Впрочемъ я и среди гижевцевъ не разъ слышалъ и kaip, и teip. Такъ между прочимъ по большей части выговаривалъ гижевскій крестьянинъ, разсказывавшій мнѣ сказки).

Южные сосѣди капсовъ—дзуки (которыхъ капсы дразнятъ поговоркой dzukas, kumiales anukas, т. е. «дзукъ—кобылы внукъ» и даже почти не считаютъ за литовцевъ), прозвали ихъ guagai, за ихъ сравнительно ясное произношеніе u какъ ў ă.

Что касается словарнаго матерьяла, то въ этихъ мѣстностяхъ мало нашлось бы поживы для составителя литовскаго словаря. Заимствованія изъ польскаго (безчисленныя), нѣмецкаго и русскаго (отчасти) вытѣсняютъ все болѣе и болѣе чисто-литовскія слова. Между прочимъ, большая часть бранныхъ словъ взята изъ польскаго языка.

Литовцы Владиславовскаго уѣзда (именно, средней и восточной части его) извѣстны у своихъ сосѣдей съ юга подъ названіемъ Zanovikai (зановики, т. е. живущіе за рѣчкой Новой, по-литовски Nova), а часть ихъ, живущіе въ лѣсахъ, подъ названіемъ girinikai (отъ gire—лѣсъ, собственно «лѣсники», лѣсные литовцы). Центромъ для нихъ служитъ село Гришкабуда (Griškabudis).

Зановики замѣтно отличаются отъ капсовъ.

Говорятъ они нѣсколько мягче и протяжнѣе, словно имъ лѣнь выговаривать слова. Двугласные всѣ произносятся раздѣльнѣе, яснѣе, чѣмъ въ Волковышскомъ уѣздѣ. Оба составные звука (напр. *a* и *i*, *a* и *u* въ двугласныхъ *ai*, *au* и т. д.) слышны рѣзко, почти съ одинаковой силой. Особенно замѣчательно это въ произношеніи звуковъ *ie* и ů.

Желающаго слышать самое чистое, ясное произношеніе послѣднихъ надо отсылать именно къ зановикамъ; здѣсь и неопытный легко замѣтитъ ихъ въ живой рѣчи, тогда какъ въ Волковышскомъ уѣздѣ ихъ легко смѣшать съ *e* и *o*. По той же причинѣ здѣсь не говорятъ kap и tep, но правильно kaip или kai и teip или teipgi, teigi, taigi (даже слышалъ я не разъ у крестьянокъ въ быстромъ произношеніи «тйки, тйке»—въ смыслѣ русскаго «да»). Вообще говоръ ихъ можно назвать пѣвучимъ. Еще болѣе имѣетъ на это право говоръ литовцевъ того же уѣзда, живущихъ около Лукши и затѣмъ далѣе по направленію къ Нѣману, извѣстныхъ у своихъ земляковъ подъ названіемъ Velioniškei. Повидимому болѣе различія между говорами зановиковъ и капсовъ въ лексическомъ отношеніи. Такъ, напримѣръ, гряда—у капсовъ lise, у зановиковъ lisve; бѣлье—у капсовъ—drapanos, у зановиковъ drabužes; вѣялка у капсовъ—arpa, у зановиковъ arba; передникъ у капсовъ—žiurkštas, у зановиковъ žiurstas. Вмѣсто обыкновеннаго у капсовъ обращенія къ гостю ponuli (звательный падежъ), у зановиковъ говорятъ poniali. Есть слова, которыя у зановиковъ вполнѣ употребительны въ разговорѣ, а у капсовъ имѣютъ особый смыслъ неприличный, что вызвало замѣну ихъ другимъ словомъ. Въ типѣ я не замѣтилъ ничего отдѣляющаго зановиковъ отъ капсовъ. Капсы по характеру какъ будто поживѣе, поэнергичнѣе зановиковъ. Относи-

тельно костюма зановиковъ упомяну лишь, что шляпы съ полями (skribele) почти отсутствуютъ, вмѣсто нихъ—фуражки (šlikas), жипоны короче и прямѣе, чѣмъ у капсовъ.

Въ Владиславовскомъ уѣздѣ, именно въ деревнѣ Акечей мнѣ случайно удалось видѣть кривуле. Это сучковатая довольно толстая (почти вершокъ въ діаметрѣ) палка, длиною больше половины средняго мужскаго роста, красиво развѣтвляющаяся на верху двумя кривыми рогами. Когда надо созвать сходъ, староста (šaltišius) приноситъ эту палку къ ближайшему хозяину въ избу и ставитъ у печи. Тотъ обязанъ передать своему сосѣду и т. д. Такимъ образомъ кривуле должна въ день обойти всѣ дворы; какъ разъ въ такой моментъ я и видѣлъ ее у одного крестьянина въ избѣ прислоненною къ печи. Эта кривуле была окрашена въ темный, красновато-коричневый цвѣтъ. Въ иныхъ случаяхъ къ рогатой рукояткѣ привѣшиваютъ или вставляютъ въ расщепъ бумажку съ обозначеніемъ для чего именно созывается сходъ (skodas или schodas). Въ случаѣ если кто-нибудь не явится на сходъ по такому приглашенію и безъ уважительной причины, остальные въ видѣ штрафа пьютъ въ корчмѣ на его счетъ. Сходъ большею частью бываетъ въ корчмѣ. Слово кривуле употребляютъ также и въ переносномъ значеніи—сходъ. Отсюда выраженіе krivule krivuliaut=собирать сходъ. Кривуле можно встрѣтить вездѣ въ литовскихъ деревняхъ Сувалкской губерніи.

Въ видѣ приложенія къ этой статьѣ я представляю изъ собраннаго мною матерьяла 2 сказки о Перкунѣ, 1 объ айтварѣ, какъ важные по содержанію, 1 сказку («о семи мудрецахъ») какъ наиболѣе удачный, характерный и наиболѣе точно записанный образецъ мѣстнаго говора, затѣмъ 103 лучшія пословицы и 60 загадокъ. [1])

Г. Гинкенъ.

---

[1]) См. ниже, во II отдѣлѣ.

Нѣсколько словъ о говорахъ Лукояновскаго уѣзда Нижегородской губерніи.

Въ бумагахъ, оставшихся послѣ знаменитаго собирателя матеріяловъ по русской діалектологіи покойнаго В. И. Даля, хранившихся у дочери его О. В. Демидовой, находится немало данныхъ для характеристики русскихъ говоровъ. Не все написано рукой самого В. И.; много встрѣчается отдѣльныхъ тетрадокъ, написанныхъ разными руками, очевидно, присылавшихся ему разными лицами. Есть напр. замѣтки о Сибирскомъ нарѣчіи, начало словаря Архангельскаго нарѣчія, разговоры и разсказы, записанные въ разныхъ губерніяхъ. Многое, конечно, изъ этого матеріяла уже напечатано, вошло въ «Толковый словарь» и статью о нарѣчіяхъ русскаго яз. В. И. Даля, но немало могло остаться и ненапечатаннымъ. Хотя, благодаря любезности владѣтельницы этихъ рукописей, предоставившей часть ихъ въ мое распоряженіе, я получилъ возможность разобраться въ нихъ, къ сожалѣнію, однако, я не имѣлъ времени заняться этимъ обстоятельнѣе и рѣшить, что именно напечатано. Это тѣмъ труднѣе, что многое могло быть напечатано позднѣе или раньше въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ. Нѣкоторые образцы Нижегородскихъ говоровъ, встрѣчающіеся здѣсь вчернѣ, напр. я случайно нашелъ напечатанными даже болѣе полно покойнымъ М. А. Колосовымъ въ «Русск. Филол. Вѣстн.» т. I (1879), № 2, стр. 161—163, откуда они перепечатаны также и Смирновымъ въ его «Сборникѣ древне-русскихъ памятниковъ и образцовъ народной русской рѣчи», стр. 176 —177. Къ числу неизданнаго, кажется, относятся три карты говоровъ Нижегородской губ. (по крайней мѣрѣ мнѣ ничего объ этомъ неизвѣстно); можетъ быть, онѣ не были воспроизведены печатью вслѣдствіе типографскихъ затрудненій, такъ какъ для отмѣтки различныхъ оттѣнковъ говоровъ здѣсь употреблены различные цвѣта. О двухъ изъ этихъ картъ (Княгининскаго и Сергачскаго уѣздовъ) нѣчего и говорить, такъ какъ по неполнотѣ своей (большая часть уѣздовъ оставлена пустой, вѣроятно, по недостаточности данныхъ) онѣ неудобны для напечатанія въ настоящемъ видѣ; третья же карта (Лукояновскаго уѣзда) составлена довольно полно, такъ что важно было-бы её напечатать. Если здѣсь и не все

совершенно и точно въ географическомъ отношеніи (много погрѣшностей въ разстояніяхъ селъ между собою), то во всякомъ случаѣ сдѣлать эту карту извѣстной спеціалистамъ по діалектологіи было-бы нелишне хотя бы для образца, а со временемъ, можетъ быть, удастся болѣе точно и совершенно означить на картѣ говоры всѣхъ уѣздовъ и губерній.

На существованіе этой карты и на помощь, оказанную будто-бы Лукояновскими помѣщиками при этомъ В. И. Далю, бывшему въ 1850-хъ годахъ управляющимъ Нижегородской Удѣльной конторы, намекнулъ еще въ іюлѣ 1892 г. нѣкто (безъ подписи имени) въ одной изъ замѣтокъ въ газетѣ «Русская Жизнь». Не знаю, откуда почерпнулъ авторъ этой замѣтки свѣдѣнія о содѣйствіи Лукояновскихъ помѣщиковъ, но не могу поручиться за то, составлена ли эта карта самимъ Далемъ, или кѣмъ нибудь изъ его помощниковъ, хотя почеркъ объяснительныхъ приписокъ къ ней не такъ рѣзко отличается отъ рукописей, написанныхъ несомнѣнно рукой В. И., какъ нѣкоторые другіе матеріалы; во всякомъ случаѣ, объ авторствѣ этой карты ничего опредѣленнаго я не могъ узнать даже отъ дочери покойнаго.

Къ сожалѣнію, сравненіе данной карты съ картой, напечатанной въ «Нижегородскомъ Сборникѣ», т. II, заставило меня убѣдиться въ весьма существенныхъ неточностяхъ ея относительно пропорціональности и направленія разстояній между селеніями. Не зная навѣрное, насколько можно полагаться на карту Нижегородскаго Сборника, я считаю долгомъ всетаки описать тѣ различія нашей карты отъ нея, которыя мнѣ удалось замѣтить. Различія касаются также иногда названій селъ, изъ которыхъ иныхъ у насъ нѣтъ вовсе, другихъ же наоборотъ нѣтъ на картѣ «Ннижегородскаго Сборника».

Начнемъ съ сѣвера.—На картѣ Нижегородскаго Сборника рядомъ съ селомъ Саврасовомъ на лѣвомъ берегу рѣки Шнары, впадающей въ Пьяну, стоитъ еще Нов. Саврасово на юго-востокъ отъ него, на правомъ берегу Шнары, а къ сѣв.-западу Бритвино.—Вмѣсто Крюковки Даля въ Ниж. Сборн. Крижовка.—Вмѣсто Фоминой Д. (на Лукояновскомъ трактѣ, къ сѣв.-зап. отъ Лукоянова и Ульянова) въ Ниж. Сб. Осминка.—Къ сѣв.-зап. по направленію къ Арзамасскому уѣзду отъ Стекляннаго Завода, который въ Ниж. Сб. восточнѣе, южнѣе и ближе къ рѣкѣ Алатырю, чѣмъ у Даля, стоитъ на картѣ Ниж. Сб. Пандасъ.—Къ западу отъ Петровки, на границѣ съ Ардатовскимъ уѣздомъ Нижегородской губ., на прав. берегу р. Алатыря, въ Ниж. Сб. еще Григорьевка.—Между Нелеемъ и Елевымъ Врагомъ, который въ Нж. Сб. къ юго-востоко-востоку отъ Нелея, а не къ юго-юго-востоку (почти къ югу), какъ у Даля, въ Нж. Сб. еще Васильевъ Врагъ.—Между Шутиловомъ, которое къ с.-з. отъ Буцкаго (Буцкой), а не къ *ю. з. з.*, какъ у Д.,

и Буцкимъ въ Ниж. Сб. еще Соловцево.—Гремячка по Д. къ *ю. з. з.* отъ Прудовъ, по Ниж. Сб. къ сѣв. отъ Прудовъ, ближе къ Шутилову.—Къ югу отъ В. Ари (находящейся на с. в. отъ Лукоянова) въ Ниж. Сб. еще Ширяевка.—У Д. къ югу отъ Сумароковки близко Петровка, въ Ниж. Сб. она гораздо дальше, къ юго-западу отъ Кельдюшева. У Д. Василевка гораздо западнѣе и ближе къ Елфимову Майдану, чѣмъ въ Ниж. Сб., гдѣ Василевка не къ сѣв.-зап. отъ Б. Поляны и не къ сѣв.-вост.-вост. отъ Красной Поляны, а къ сѣв.-вост.—вост. отъ Б. Поляны и къ юго-вост.-вост. отъ Кр. Поляны, къ юго-вост. отъ Петровки и къ юго-юго-зап. отъ Кельдюшева.—У Д. къ югу отъ Кельдюшева Паракуша, которой нѣтъ въ Ниж. Сб. въ этомъ мѣстѣ, но которая тамъ недалеко къ юго-юго-вост. отъ Кондрыкина Майдана, далѣе же къ югу Дубровка.—Въ Ниж. Сб. Пикшень (у Даля Пекшень) гораздо ближе къ Аникѣевкѣ, чѣмъ къ другимъ деревнямъ, у Д. онъ ближе къ Б. Болдину и Дмитровкѣ.—Въ Ниж. Сб. довольно далеко къ вост. отъ Дубровки—Малиновка, у Д. же она гораздо ближе и къ Дубровкѣ и къ Кондрыкину. Въ Ниж. Сб. Малиновка къ ю.-з. отъ Болдина (Язъ), очень близко, у Д. она далеко къ зап. отъ Яза (Болдина).—У Д. къ сѣв -вост. отъ Ульяновки, на правомъ противоположномъ берегу р. Инсары, еще Варваровка.—Кромѣ Пестровки (Ниж. Сб. Петровки) въ юго-восточномъ углу уѣзда, у Д. еще М. Петровка къ ю.-з.-з. отъ нея и М. Осинки къ ю.-ю.-з. отъ Осинокъ, а къ зап. отъ М. Осинокъ—Володино, которое въ Ниж. Сб. гораздо дальше къ зап., западнѣе Протасова и Бугровъ, рядомъ съ Любимовомъ.—Рождествено-Пеля (Ниж. Сб.) названо у Д. Пеля Хованская.—Между Вьюшкиномъ и Погиболкой у Д. еще Никольское; къ юго-зап. отъ Ивашевки у Д. еще Николаевка (ближе къ Саранскому тракту и къ границѣ съ Саранскимъ уѣздомъ).—Рядомъ съ Темяшевомъ на р. Ирсети къ юго-зап. въ Ниж. Сб. еще Борки.—Ново-Александровка у Д. къ ю.-з.-з. отъ Селитьбы (Ирсети), близко къ Кріушкѣ (Верякушѣ), въ Нж. Сб. Александровка къ с. з. отъ Ирсети, ближе къ Угуевскому Майдану.—Н. Василевка (Ниж. Сб.) близь рѣкъ Ирсети и Верякуши названа у Д. Василевочка (Трегубовка).

На картѣ я отъ себя ничего не прибавляю, кромѣ слѣдующихъ обозначеній: ставлю цифру 55 при параллели, проходящей черезъ сѣверную часть Лукояновскаго уѣзда, и надписи: Ардатовскій уѣздъ Нижегородской губ. въ серединѣ лѣвой стороны карты, (Ардатовскій уѣздъ)—въ правой противоположной сторонѣ (т. е. Симбирской губ.) и р. Инсара.

Способъ обозначеній различныхъ оттѣнковъ говора, а также присутствія

инородческаго элемента состоитъ въ употребленіи различныхъ красокъ—черной, красной, синей, желтой, оранжевой, свѣтло-зеленой и темно-зелёной.

Считаю нелишнимъ изданію этой карты предпослать нѣсколько своихъ собственныхъ замѣчаній и поясненій.

Во первыхъ, необходимо напомнить, что̀ разумѣется подъ терминами «оканье», «аканье», «цоканье», «чваканье» и «дзеканье», употребленными составителемъ карты. »Оканье»—черта консервативная; она указываетъ на то, что въ данномъ говорѣ этимологическое *о* (или *о* изъ *а* въ заимствованныхъ словахъ, напр. собственныхъ именахъ греческихъ) при отсутствіи ударенія на немъ не измѣняется въ *а* (хотя нельзя отрицать, что и въ большинствѣ «окающихъ» говоровъ *о* при иныхъ условіяхъ, т. е. въ слогахъ закрытыхъ, а иногда и открытыхъ непосредственно послѣ слога ударяемаго, или въ слогахъ отдаленныхъ передъ слогомъ ударяемыхъ можетъ подвергаться измѣненію въ глухой звукъ, въ нѣкоторыхъ говорахъ близкій къ *у*); конечно, при этомъ разумѣется также и сохраненіе того ё (*jo*) или *о* (послѣ шипящихъ), которое въ извѣстныхъ случаяхъ независимо отъ ударенія получилось еще въ обще-великорусскую эпоху изъ этимологическаго *е*; новизна только въ томъ, что этотъ обще-великорусскій законъ въ нѣкоторыхъ «окающихъ» говорахъ распространяется и на то *е*, которое восходитъ къ этимологическому *ѣ* [1]). Измѣненіе же этимологич. *а* при отсутствіи на немъ ударенія въ *о* весьма рѣдко [2]). Подъ «аканьемъ» наоборотъ разумѣется измѣненіе этимол. *о* и *о* (ё), образовавшагося въ болѣе старую эпоху изъ этимолог. *е*, при отсутствіи на нихъ ударенія въ *а* (*я*) или глухой звукъ, близкій къ *а*; такимъ образомъ это черта подновляющая; само собою разумѣется также, что, когда мы называемъ говоръ «акающимъ», то можемъ предполагать въ немъ и другія черты, тѣсно связанныя съ «аканьемъ», напр. измѣненіе ударяемаго *а* (*я*) въ *о* (ё), что̀ весьма понятно, такъ какъ привыкшій безъ ударенія произносить только *а* и никогда *о* можетъ легко сбиться и забыть, требуется ли этимологически *о* или *а*, и вотъ по аналогіи большинства случаевъ, гдѣ *о* (ё) ударяемое и *а* (*я*) неударяемое чередуются между собою въ произношеніи родственныхъ формъ, онъ произноситъ и здѣсь *о* (и ё) вопреки этимологіи: пасо̀жънă, падо̀рьнă, запрёг.—«Цоканье» можетъ быть двоякое: или это (бо̀льшею частію въ великорусскихъ, особенно сѣверныхъ говорахъ) измѣненіе *ч* въ *ц* или —измѣненіе мягкаго *т* въ мягкое *ц* (черта преимущ. бѣлорусская или польская,

---

[1]) Срв. Потебни «Два изслѣдованія» 76—80. Шахматовъ, впрочемъ, и неудар. *о* въ *о*кающихъ говорахъ, какъ и *а* *а*кающихъ, непосредственно возводитъ къ *о* склон. къ *а* («Изслѣдован. въ области русск. фонетики». стр. 254 и слѣд.).

[2]) Срв. Колосова «Обзор. звук. и форм. особ. народн. рус. яз.», 62—64.

но встрѣчающаяся и во многихъ великорус. говорахъ); кажется, обыкновенно подъ этимъ терминомъ разумѣется только первое, второе же бо̀льшею частію кроется подъ терминомъ «дзеканье», подъ которымъ ближайшимъ образомъ собственно разумѣется измѣненіе мягкаго звучнаго *д* въ *дз* (сложный мягкій звучный, соотвѣтствующій мягкому незвучному *ц*). «Цоканье», т. е. измѣненіе этимологическаго *ч* въ *ц*, тѣсно связано съ «чваканьемъ», т. е. измѣненіемъ этимолог. *ц* въ *ч*, и иногда уживается рядомъ съ нимъ; это объясняется тѣмъ, что идеальнаго въ фонетическомъ отношеніи говора въ природѣ не существуетъ, т. е. что фонетическіе законы, не имѣющіе исключеній сами по себѣ, въ жизни языка всегда почти нарушаются дѣйствіемъ другихъ, иногда противоположныхъ имъ. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ, что въ одномъ говорѣ (строго говоря, имѣющемъ своимъ представителемъ только одно лицо [1]) существуетъ измѣненіе *ч* въ *ц*, а рядомъ съ нимъ въ другомъ обратная черта— измѣненіе *ц* въ *ч*, въ третьемъ, наконецъ, оба звука совпадаютъ въ одномъ среднемъ, какомъ нибудь очень мягкомъ *ц*, близкомъ къ очень мягкому *ч*, вродѣ польскаго произношенія ć (изъ этимолог. *t* въ сочетаніи съ этимолог. *е* и *ѣ*=польскимъ *ie* и *ia*, этимол. і и *ь*, этимол. *ѧ*), очень близкаго на мой слухъ къ сербо-хорватскому ћ (*ć*), происшедшему изъ сочетанія этимолог. *t* со старымъ и новымъ *j*; очень можетъ быть, что это послѣднее и было свойственно древнему Новгородскому говору, заставлявшему писцовъ путаться и писать то *ц* вмѣсто *ч*, то *ч* вм. *ц*, такъ какъ это среднее произношеніе дѣйствительно существуетъ до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ Новгородскихъ говорахъ (мнѣ пришлось въ бытность мою въ Петербургѣ слышать произношеніе Чудово почти, какъ ћудово, также ма̀ћуха вм. ма̀чеха отъ крестьянки изъ подъ Чудова) [2]) Какъ скоро представители этихъ говоровъ (можетъ быть, даже въ одномъ селѣ или даже въ одной семьѣ) сталкиваются между собою, они начинаютъ оказывать другъ на друга вліяніе, и вотъ одни слова произносятъ согласно фонетическимъ особенностямъ одного говора, другія согласно фонетическимъ особенностямъ другого [3]); это было бы невозможно только въ томъ случаѣ, если-бы наклонность произносить только *ц* или только *ч* доходила до неумѣнья обратнаго произно-

---

[1]) Срв. Delbrück, «Einleitung in das Sprachstudium», 123, 129; тоже говорилъ и покойный Потебня, ссылаясь также на Paul, «Principien der Sprachgeschichte».

[2]) Впрочемъ, возможно уже и въ древнее время существованіе такихъ говоровъ, въ которыхъ происходитъ дѣйствительное чередованіе звуковъ *ц* и *ч*; сравн соображенія Шахматова о смѣнѣ *ч* и *ц* въ Новгородскихъ грамотахъ («О языкѣ Новгород. грам.», 172—173).

[3]) Это періодъ того «Schwanken», о которомъ говоритъ Sievers («Grundzüge der Phonetik» 226); срв. Delbrück «Einleitung in d. Spr.» 124.

шенія. Еще можно представить себѣ возникновеніе говора смѣшивающаго *ц* съ *ч* такимъ образомъ, что говоръ съ среднимъ идеальнымъ произношеніемъ очень мягкаго *ц* (= мягк. *ч*) заимствуется группой людей, до этого рѣзко различавшихъ въ своемъ говорѣ эти два звука, и вотъ, не будучи въ состояніи уловить тонкаго произношенія своего прототипа, они сбиваются то на *ц*, то на *ч*, можетъ быть, въ зависимости отъ разныхъ фонетическихъ условій, т. е. отъ окружающихъ звуковъ. Такимъ образомъ передъ глазами наблюдателя возникаютъ кажущіяся «исключенія» въ дѣйствіяхъ звуковыхъ законовъ [1]).

Не совсѣмъ ясно, что разумѣется подъ словами: «говоръ средній между *а* и *о*»; но вѣроятно, подъ этимъ слѣдуетъ разумѣть говоръ, въ которомъ неударяемое *о* слышится не какъ ясное *а*, а какъ глухой звукъ краткій, средній между *а* и *о* [2]); это именно свойственно говорамъ переходнымъ отъ «акающихъ» къ «окающимъ», и въ этомъ смыслѣ справедливо выраженіе «средній»... Это произношеніе присуще большинству «образованнаго» класса, особенно Москвы и центральныхъ губерній, въ народныхъ же говорахъ нерѣдко встрѣчается въ соединеніи съ «йканьемъ», очень распространеннымъ во всей средней переходной великорусской полосѣ, совершенно, однако, напрасно, мнѣ кажется приписываемымъ проф. Соболевскимъ [3]) «нашему» говору, если онъ подъ «нашимъ» разумѣетъ языкъ такъ называемаго образованнаго класса, такъ какъ большинство этого послѣдняго, насколько мнѣ приходилось наблюдать, никогда не произноситъ яснаго *и* вмѣсто неудар. *е* или вмѣсто *а* (*я*) послѣ мягкаго согласнаго, а бо̀льшею частію звукъ неясный глухой, средній между *й* (*ь*) и *ĕ*; но несомнѣнно, что это «йканье», а въ связи съ нимъ и измѣненіе неудар. этимологическихъ *о* и *а* въ *ы*, наблюдаемыя въ однихъ говорахъ только въ извѣстномъ болѣе отдаленномъ отъ ударенія положеніи, въ слогѣ, предшествующемъ ему, или въ слогѣ непосредственно слѣдующемъ за удареніемъ, но закрытомъ, въ другихъ же говорахъ наблюдаемыя чаще и переходящія указанныя границы, генетически связаны съ этимъ среднимъ произношеніемъ: стоитъ только этотъ обыкновенный у большинства глухой звукъ произнести протяжнѣе, и мы получимъ почти чистыя *и* или *ы*; при этомъ надо замѣтить, что появленіе *ы* вм. *о* (*а*) рѣже и ограниченнѣе, чѣмъ появленіе *и* вм. *е* (или *я*, т. е. *а* съ предшеств. *j*

---

[1]) «Auf induktiv. Wege kann die Ausnahmlosigkeit der Lautgesetze nicht bewiesen werden», говоритъ Delbrück. («Einleitungen»... 116).

[2]) Это, конечно, зависитъ отъ качества слога (начало, середина, закрытость, открытость, послѣ ударенія или передъ нимъ, и за сколько слоговъ до него); срв. А. А. Потебни «Два изслѣдованія о звук. рус. яз.» 66—68; А. И. Соболевскаго «Очеркъ русской діалектологіи» въ «Живой Старинѣ» 1892, вып. I, стр. 10.

[3]) Тамъ-же.

или небнымъ согласн.). Это «йканье», не отмѣченное, къ сожалѣнію, составителемъ карты, вѣроятно, и кроется въ его говорѣ, «среднемъ между *а* и *о*».

Во вторыхъ, я намѣренъ сдѣлать нѣсколько географическихъ и историко-этнографическихъ разъясненій, на сколько это въ моихъ силахъ.

Лукояновскій уѣздъ—самый южный изъ уѣздовъ Нижегородской губ.; онъ лежитъ въ юго-восточномъ углу ея и граничитъ на востокѣ съ Ардатовскимъ уѣздомъ Симбирской г., на югѣ съ Саранскимъ Пензенской г., на западѣ—съ Краснослободскимъ Пензенской и съ Ардатовскимъ и Арзамасскимъ Нижегородской г., на сѣверѣ съ Арзамасскимъ и Сергачскимъ Нижегородской г. Онъ отличается большимъ разнообразіемъ говоровъ, которое обусловливается характеромъ русской колонизаціи въ этой мѣстности. Какъ извѣстно, южная часть Нижегородской и сѣверная Пензенской г. были искони мордовскимъ краемъ. Мордва искони раздѣлялась на двѣ вѣтви: сѣверную (Эрзя) и южную (Мокша). Первая отличается большей культурностью и уже въ средніе вѣка имѣла своихъ князей, воевавшихъ съ русскими Суздальскими и Нижегородскими, имѣла и укрѣпленные пункты (тверди) [1]; на ея землѣ стоитъ теперь русскій городъ съ инородческимъ названіемъ Арзамасъ. Вторая до сихъ поръ отличается большей дикостью и грязнымъ образомъ жизни и въ нравственномъ отношеніи, по словамъ Н. И. Русинова [2]), стоитъ ниже Эрзянъ. Послѣ того, какъ пало мордовское княжество, безпокоившее Суздальскихъ и Нижегородскихъ князей, русская колонизація въ этомъ краю усилилась, а Мордва частію постепенно отступала на югъ, частію стала жить въ болѣе глухихъ лѣсныхъ мѣстностяхъ, а иногда и среди Русскихъ по сосѣдству и даже въ одномъ съ ними селѣ; такія села (половинныя), извѣстныя мнѣ въ южной части Курмышскаго у. Симбирской г., встрѣчаются, какъ видно изъ карты, и въ Лукояновскомъ уѣздѣ. Кромѣ того, Мордва довольно быстро русѣетъ. «Что касается Мордвы, то надо полагать», говоритъ упомянутый авторъ статьи о Лукояновскомъ уѣздѣ въ Нижегородскимъ Сборникѣ [3]), «что ея было гораздо больше, что̀ доказывается... названіями селъ и деревень; но мало-по-малу Мордва обрусѣла, бросила свой оригинальный костюмъ и стала даже чуждаться своего коренного языка, такъ напр., всѣ села государственныхъ крестьянъ, расположенныя на югѣ уѣзда, когда-то окруженныя дремучими лѣсами и корабельными рощами,—Азрапино, Наруксово и проч.—со-

---

[1]) Иловайскій, «Исторія Рязанскаго княжества», стр. 73.

[2]) «Нижегородскій Сборникъ», т. II (1869 г.), стр. 23.

[3]) Тамъ-же 21—22. Возможностью воспользоваться этимъ изданіемъ въ Харьковѣ я обязанъ секретарю Харьковскаго статистическаго комитета В. В. Иванову, по рекомендаціи проф. Багалѣя допустившему меня къ пользованію библіотекой комитета.

стояли не только изъ Мордвы, но даже изъ племени Мокшанъ, самаго дикаго и неподатливаго на обрусѣніе. Если же національность еще сохранилась въ двухъ сосѣднихъ съ первыми селахъ, т. е. въ Печахъ и Темяшевѣ, то это свидѣтельствуетъ только о позднѣйшемъ переселеніи народа изъ-за Мокши, Пензен. г., гдѣ племя Мокшанъ до сихъ поръ живетъ значительными группами, не поддающимися никакой цивилизаціи; тогда какъ въ Лукояновскомъ у. священники и школы имѣютъ значительное вліяніе на Мордву, и по тѣмъ видимымъ успѣхамъ, которыхъ достигаютъ ученики, можно навѣрное сказать, черезъ десятокъ лѣтъ національность темяшевской Мордвы окончательно исчезнетъ» [1]). Что касается мордовскихъ селъ, то перечисленіе ихъ въ статьѣ Руснова въ общемъ согласно съ обозначеніемъ на картѣ Даля, но есть и различія: у Русинова Саитовка отнесена къ мордовскимъ селамъ, а у Даля, судя по краскамъ, она русская съ «акающимъ», «цокающимъ» и «дзекающимъ» говоромъ; у Русинова оба Пермѣева мордовскія, у Д. одно (южное). судя по черному цвѣту, русское и *о*каетъ; кромѣ того, у Даля мордовскихъ селъ больше въ сѣверной части уѣзда: у Русинова не упомянуты выкрашенныя у насъ въ темно-зеленый цвѣтъ (=Мордва—Эрзя) Старые, Средніе и Новые Пичингуши, Ракшазонъ [2]) и Аникѣевка. Относительно Мордвы—Мокши оба согласны, называя только два села: Печи и Темяшево.

Къ сожалѣнію, вопросъ о вліяніи языка инородцевъ на языкъ русскихъ колонистовъ остается до сихъ поръ открытымъ; для рѣшенія его необходимо основательное знакомство не съ однимъ мордовскимъ нарѣчіемъ, а съ сравнительной фонетикой вообще финскихъ нарѣчій, кромѣ основательнаго знанія словянскихъ нарѣчій; однимъ словомъ, требуются знанія, которыя рѣдко могутъ соединяться въ одномъ лицѣ. Но и то, что сдѣлано въ этой области, заслуживаетъ полнаго вниманія и благодарности; я разумѣю труды покойнаго Веске, а также недавно вышедшій трудъ молодого ученаго Mikolja «Die Berührungen unter dem Westfinnischen und Russischen», на который обратилъ мое вниманіе профес. М. Е. Халанскій; при бѣгломъ просматриваніи его я замѣтилъ, что словян. *о* въ заимствованныхъ Финнами словахъ часто передается черезъ *а*; упоминаю это не для того, чтобы отъ финскаго вліянія производить южно-великорусское аканье, но всетаки на такіе факты стоитъ обращать вниманіе. Трудъ г. Миколи уже потому заслуживаетъ вниманія, что самъ онъ прошелъ школу проф. А. А. Потебни.

---

[1]) Къ числу обрусѣвшихъ селъ мордовскихъ въ Казанскихъ «Извѣстіяхъ общества археологіи, исторіи и этнографіи», т. XI, вып. 3, стр. 286—287 отнесены Тагаево и Кармалеи.

[2]) Что въ этомъ селѣ есть Мордва и теперь, мнѣ извѣстно изъ сообщенія тамошняго землевладѣльца, прив.-доцента Харьковскаго университета В. А. Стеклова.

Что касается родины основного зерна русскаго населенія, поселившагося здѣсь, времени первыхъ поселеній, основанія самаго города Лукоянова и т. п., то мои поиски для опредѣленія этого въ разныхъ историческихъ трудахъ остались неудовлетворительными. Быть самому въ Лукояновѣ и Лукояновскомъ уѣздѣ и на мѣстѣ поискать какого либо архивнаго матеріала для исторіи здѣшней колонизаціи мнѣ не пришлось, да я и не считаю себя подготовленнымъ къ работѣ подобнаго рода, которую предоставляю спеціалистамъ историкамъ, хотя и не отрицаю возможности найти что либо. Вслѣдствіе этого я постараюсь подойти къ рѣшенію этого вопроса косвеннымъ путемъ при помощи трудовъ, посвященныхъ спеціально исторіи сосѣднихъ съ Лукояновскимъ краемъ мѣстностей, а именно Иловайскаго («Исторія Рязанскаго княжества»), Перетятковича («Поволжье въ XVII и началѣ XVIII вѣка»... 1882 г.») и Дубасова («Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края» 1883—1887 [1]), предполагая, что край этотъ былъ искони приблизительно въ одинаковыхъ этнографическихъ условіяхъ съ мѣстностями, составлявшими нѣкогда восточныя окраины Рязанскаго, а также южныя Нижегородскаго княжества, т. е. нынѣшними: губерніей Пензенской, Ардатовскимъ и Курмышскимъ уѣздами губ. Симбирской, Ардатовскимъ, Арзамасскимъ и Сергачскимъ уѣздами губ. Нижегородской и сѣверными уѣздами Тамбовской. Перечисленныя мѣстности окружаютъ Лукояновскій край кольцомъ, и нетрудно догадаться, что историческія данныя относительно нихъ приложимы и къ нему тѣмъ болѣе, что косвенные намеки на мѣстности Лукояновскаго края мы находимъ и въ двухъ послѣднихъ изъ названныхъ трудовъ. Древнѣйшее населеніе всей этой мѣстности, какъ я уже упоминалъ, было Мордва, которая въ древности занимала гораздо большее пространство по направленію съ юга на сѣверъ, чѣмъ теперь, а именно на протяженіи нѣсколькихъ сотъ верстъ отъ Тамбова на сѣверъ и сѣверо-востокъ черезъ всю почти Тамбовскую и правобережную часть Нижегородской губ. до Нижняго-Новгорода и Василя-Сурска [2]). Но вопросъ въ томъ, откуда и когда пришли сюда первые русскіе поселенцы. Можно бы было думать, что здѣсь столкнулось два теченія: одно сѣверное или сѣверо-западное, двигавшееся отъ Нижняго-Новгорода, и другое западное,

---

[1]) Указаніемъ на эти книги и отчасти пользованіемъ ими я обязанъ проф. Д. И. Багалѣю и В. И. Саввѣ.

[2]) На стр. 6 «Памятной книжки Нижегородской губ.» 1865 г. говорится, что Мордва живетъ въ слѣдующихъ уѣздахъ: Нижегородскомъ, Арзамасскомъ, Княгининскомъ, Василь-Сурскомъ, Сергачскомъ, Лукояновскомъ и Ардатовскомъ; слѣдовательно, и въ наше время она встрѣчается не только въ южныхъ, но и центральныхъ уѣздахъ Нижегородской губ. Срв. также «Историческій очеркъ Василь-Сурскаго уѣзда» (Нижній-Новгородъ) Н. Демидова, стр. 5—6.

двигавшееся изъ стараго Рязанскаго княжества. Но историческіе памятники слишкомъ скудны данными въ этомъ отношеніи. О свободной колонизаціи древнѣйшаго времени мы не знаемъ почти ничего. Что же касается болѣе новаго времени—XVI—XVII в., то мы знаемъ, что здѣсь, т. е. на границахъ Нижегородской и Пензенской губ. проходили сторожевыя линіи, на которыхъ селились обыкновенно разные служилые люди изъ различныхъ мѣстностей. Населеніе сторожевыхъ городковъ было также весьма разнообразно и набиралось не только изъ сосѣднихъ, но и болѣе отдаленныхъ мѣстностей. Напр. о Пензѣ извѣстно, что «населеніе ея состояло изъ Черкасъ, которые переселены сюда изъ конныхъ казаковъ Троицкаго острога (Воронежской губ.), пѣшіе же казаки собраны были изъ разныхъ мѣстъ; да кромѣ того конные служилые люди присланы были двукратно изъ Шацка»...[1]). Много служилыхъ людей получало также помѣстья и вотчины. Для состава крестьянскаго населенія важно обращать вниманіе и на переселеніе служилыхъ людей, такъ какъ, во первыхъ, они часто переселяли своихъ крестьянъ изъ старыхъ помѣстій и вотчинъ въ новыя, во вторыхъ, многіе служилые люди въ качествѣ бѣдныхъ однодворцевъ со временемъ вполнѣ сливались съ крестьянами: мнѣ напр. извѣстно, что есть такіе «дворяне», которые сами пашутъ и бѣднѣе нѣкоторыхъ мѣстныхъ крестьянъ, въ Курмышскомъ уѣздѣ. Но надо еще замѣтить, что служилыми людьми Московскаго государства бывали не одни Русскіе, а и многіе татарскіе мурзы, принявшіе московское подданство, которые не только утверждались во владѣніи занятыхъ ими раньше помѣстій въ этихъ мѣстностяхъ, но и надѣлялись новыми, часто не измѣняя магометанству. Такимъ образомъ явилось у насъ много дворянскихъ фамилій татарскаго происхожденія, которые владѣли крѣпостными русскими крестьянами или Мордвою, и только при Петрѣ I многія изъ нихъ обратились въ христіанство [2]). Потомки этихъ фамилій и теперь очень нерѣдко встрѣчаются между помѣщиками Тамбовской, Нижегородской, Пензенской и Симбирской губ., часто передавъ свои имена и своимъ помѣстьямъ, такъ что, кромѣ мордовскихъ, татарскихъ и чисто-русскихъ названій селъ и деревень, въ этихъ губерніяхъ можно встрѣтить и названія съ корнями татарскими или мордовскими, но съ присоединеніемъ суффиксовъ, а иногда и цѣлыхъ словъ русскихъ; сравн. напр. въ Лукояновскомъ уѣздѣ село Дивѣевъ—Усадъ и фамилію Дивѣевы, упоминаемую Дубасовымъ въ числѣ дворянскихъ инородческаго происхожденія [3]); упоминаемые тамъ-же въ числѣ тамбовскихъ

[1]) Перстятковичъ, «Поволжье», стр. 234, сноска.
[2]) Дубасовъ, «Очерки изъ исторіи Тамб. края», вып. 3, гл. I, стр. 39
[3]) Ibid. вып. I, гл. IV, стр. 183.

фамилій XVIII вѣка Енгалычевы извѣстны теперь и въ Курмышскомъ уѣздѣ Симбирской губ.; тамбовская татарская фамилія Ишеевъ (ib 3, I. 39) теперь извѣстна въ названіи татарской деревни Васильскаго уѣзда. Нижегородской губ.; разумѣется, весьма многія названія повторяются въ разныхъ губерніяхъ, а многія мѣстныя фамиліи сдѣлались общеизвѣстными въ Россіи. Конечно, вмѣстѣ со служилыми людьми изъ Татаръ не мало было и крестьянъ, если только не предположить, что нынѣшніе Татары—крестьяне въ этихъ губерніяхъ суть отатарившіеся туземцы Мордва или Мещера. Татарскихъ селъ и теперь не мало въ Курмышскомъ, Сергачскомъ и друг. уѣздахъ этихъ губерній, а въ XVI в. сѣверные, ближайшіе къ Нижегородской губ., уѣзды Тамбовской губ. Темниковскій и Кадомскій (послѣдній теперь за штатомъ) были почти исключительно мордовскими и татарскими [1]). Удивительно, что на находящейся въ нашемъ распоряженіи картѣ Лукояновскаго уѣзда татарскихъ селъ не отмѣчено совсѣмъ.

Ближайшая къ южной части Нижегородской губ., а слѣдовательно и къ Лукояновскому уѣзду сторожевая линія проходила въ XVI в. черезъ Алатырь (Симбирской губ.) и Темниковъ (Тамбовской губ.) [2]). Къ сожалѣнію, мы знаемъ только главнѣйшіе пункты сторожевыхъ линій, т. е. города̀, а потому и не можемъ точно опредѣлить, какъ именно шла такая-то сторожевая линія, но если мы взглянемъ на карту и проведемъ прямую линію отъ г. Алатыря къ Темникову, то она пройдетъ какъ разъ черезъ южную часть Лукояновскаго уѣзда, а потому можно предположить, что уже въ XVI вѣкѣ въ Лукояновскомъ уѣздѣ были русскія поселенія.

Ближайшій городъ Пензенской губ., лежащій на югъ отъ Лукояновскаго уѣзда, Саранскъ отмѣчается Перетятковичемъ на картѣ, приложенной къ его сочиненію, какъ основанный въ XVII в., а изъ него въ 1681 г. переводятся служилые люди для засѣчной и сторожевой службы въ восточную часть Пензенской губ. [3]). Слѣдовательно, колонизація мѣстности къ югу отъ Лукояновскаго уѣзда началась только съ XVII-го столѣтія (по крайней мѣрѣ оффиціально).

Что касается мѣстностей, лежащихъ къ сѣверу отъ Лукояновскаго уѣзда, то тамъ, по крайней мѣрѣ до рѣки Пьяны на югъ и юго-востокъ, т. е.

---

[1]) Дубасовъ, ib. 1, стр. 156.

[2]) Д. И. Багалѣй, «Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московск. госуд.», т. I, стр. 36. Города Алатырь, Темниковъ, Кадома и Шацкъ входили въ половинѣ XVI-го в. въ составъ передней линіи укрѣпленій, къ юго-востоку отъ которой тогда сейчасъ же лежала степь. Д. И. Багалѣй ссылается на сочин. Бѣляева «О сторожевой станичной и полевой службѣ».

[3]) «Поволжье»... 235.

въ нынѣшнихъ уѣздахъ Нижегородскомъ, Княгининскомъ, части Сергачскаго [1]) и Курмышскаго русскія поселенія были уже въ XIV-мъ столѣтіи, хотя они могли быть и раньше, вскорѣ послѣ извѣстной борьбы основателя Нижняго-Новгорода Юрія II съ мордовскимъ княземъ Пургасомъ въ началѣ XIII в. [2]). Говоря объ опустошеніяхъ, произведенныхъ Арапшею въ 1377 или 1378 г. [3]), лѣтописцы называютъ гостя Тараса Петрова, у котораго Моголы разорили 6 «цвѣтущихъ, многолюдныхъ селъ, купленныхъ имъ у Князя за рѣкою Кудимою» [4]) (вѣроятно, Кудьмою, какъ она называется теперь, которая и теперь течетъ въ нынѣшнемъ Нижегородскомъ уѣздѣ и впадаетъ въ Волгу); надо замѣтить, что «за Кудьмою» — очень неопредѣленно, такъ какъ позднѣе напр. Закудемскій станъ занималъ «обширную страну между р. Кудьмою и р. Сурою», и Сергачь въ XVII в. былъ волостнымъ селомъ этого стана [5]). Сталкиваясь и воюя съ Мордвою и Татарами, Русскіе сами, несомнѣнно, селились среди нихъ подобно тому, какъ селятся теперь среди сплошного чувашскаго населенія по правому берегу р. Суры въ Симбирской и Казанской губ. Съ другой стороны, масса Мордвы, не имѣя возможности вслѣдствіе незнанія русскаго языка сопротивляться злоупотребленіямъ русскихъ служилыхъ людей въ XVI—XVII в., разбѣжалась въ концѣ двадцатыхъ годовъ XVII-го столѣтія отъ притѣсненій и налоговъ въ разныя стороны [6]). Конечно, оставшіяся пустыми земли тѣмъ удобнѣе могли быть заняты Русскими. Что довольно рано русскія поселенія распространились на востокъ до р. Суры, доказываетъ существованіе на ней не только Курмыша на лѣвомъ берегу, но и села Алгашей, которое теперь гораздо далѣе Курмыша на югъ по правому берегу р. Суры, уже въ самомъ началѣ XV-го столѣтія [7]). Торговое село Спасское въ Васильскомъ уѣздѣ, въ 30 верстахъ къ западу отъ Курмыша, основано еще въ 1399 г. [8]). Такимъ образомъ, можно думать, что приблизительно къ концу XV-го столѣтія большая часть нынѣшней Нижегородской губ. до юго-восточныхъ ея предѣловъ, а къ половинѣ XVI-го и самыя южныя окраины ея, т. е. Лукояновскій уѣздъ, не были лишены русскихъ поселковъ.

---

[1]) Княгинино и Сергачь въ XVII в. были еще селами Нижегородскаго уѣзда («Поволжье»... 285, 286—7).

[2]) Иловайскій, «Истор. Рязанск. княж.», стр. 72—73.

[3]) Карамзинъ, «Исторія госуд. Россійск.», т. V (изд. Смирдина 1852), стр. 50—52; Новгор. лѣтопись по списку Арх. ком. подъ 1378 г., изд. 1888 г., стр. 366.

[4]) Карамзинъ, ibid. 52.

[5]) Перетятковичъ, «Поволжье»... 277, 286—7.

[6]) Ibid. 38.

[7]) Грамота 1406 г. Василія Дмитріевича (изд. Румянцева).

[8]) «Историч. очеркъ Василь-Сурскаго уѣзда Нижегородской губ.» Н. Демидова, стр. 11.

Кромѣ служилыхъ людей, важную колонизаторскую роль играли монастыри. Въ Тамбовско-Шацкомъ краѣ напр. намъ извѣстна дѣятельность нѣкоторыхъ сѣверо-западныхъ монастырей, какъ Кириллова-Бѣлозерскаго, переводившаго на новыя своя вотчины крестьянъ изъ Бѣлозерскаго и Пошехонскаго уѣздовъ [1]), слѣдовательно изъ мѣстностей сѣверно-великорусскихъ («окающихъ»). Тоже самое слѣдуетъ сказать какъ о вольныхъ сходцахъ, такъ и о бѣглыхъ крестьянахъ, искавшихъ здѣсь убѣжища или на совсѣмъ дикихъ поляхъ или на земляхъ, принадлежавшихъ монастырямъ или новымъ служилымъ людямъ въ новомъ краю. Всѣ эти новые переселенцы должны были пестрить этнографическій составъ новаго края, какъ свидѣтельствуетъ напр. извѣстіе о вотчинахъ Новоспасскаго монастыря въ нынѣшнемъ Спасскомъ уѣздѣ Тамбовской губ., на которыя приходили не только изъ уѣздовъ сравнительно ближайшихъ Саранскаго и Ломовскаго Пензенской губ., Арзамасскаго Нижегородской, но и болѣе отдаленныхъ, несомнѣнно, сѣверно-великорусскихъ (*о*кающихъ)—Владимирскаго, Костромского, Юрьевскаго [2]). Эта вольная колонизація могла начаться гораздо раньше оффиціальной, но о ней мы не имѣемъ болѣе раннихъ извѣстій.

Для колонизаціи Лукояновскаго края не безъ значенія также «будное майданное дѣло», т. е. выдѣлываніе поташа изъ золы, столь распространенное нѣкогда въ разныхъ мѣстностяхъ Тамбовской, Пензенской и Нижегородской губ. Этотъ промыслъ, извѣстный особенно въ XVIII-омъ столѣтіи, процвѣталъ уже и въ XVII-мъ. Имъ занимались преимущественно безземельные крестьяне, майданники [3]), бывшіе въ Тамбовскомъ краѣ подъ командою Починковской поташной конторы. Интересно знать, о какихъ это Починкахъ идетъ рѣчь у Дубасова. Можетъ быть, это тѣ Починки, которые теперь извѣстны какъ заштатный городъ въ южной части Лукояновскаго уѣзда Нижегородской губ., хотя и нельзя быть въ этомъ увѣреннымъ, такъ какъ слова Починки, Починокъ и т. п., какъ мѣстное названіе, означающее нѣчто початое, затронутое человѣческой рукой, особенно говоря о вырубленномъ мѣстѣ среди лѣсовъ, встрѣчаются во многихъ мѣстахъ лѣсной или пограничной съ лѣсной полосы Россіи [4]). Дубасовъ (стр. 95,

---

1) Дубасовъ, «Очерки изъ ист. Тамб. кр.», стр. 37, вып. 4-ый.

2) Дубасовъ, «Очерки изъ ист. Т. кр.» 39, 44, 45 (вып. 4).

3) Перетятковичъ, «Поволжье»... 285, 279 и др.; Дубасовъ, вып. 1, стр. 170.

4) На картѣ въ одномъ старомъ атласѣ (начала XIX столѣтія?—Заглавн. листъ утерянъ) отмѣчены Починокъ въ Ардатовскомъ уѣздѣ Симбир. губ. и Починки недалеко отъ верховьевъ р. Инсары въ Пензенск. губ., но оба эти села означены менѣе крупно, чѣмъ заштатный городъ Лукоян. уѣзда. О словѣ починокъ см. у Потебни, «К истор звук.» IV, 22—23.

вып. I) упоминаетъ о проектѣ христіанскаго просвѣщенія Мордвы, принадлежавшемъ во второй половинѣ XVII-го в. подьячему Починковской конторы (поташной) Василью Симонову. Будные станы упоминаются въ концѣ XVII-го в. въ этихъ мѣстностяхъ: въ 1678 г. напр. написаны въ переписныхъ книгахъ крестьяне села Сергача Нижегородскаго уѣзда, отецъ и сынъ, и сказано, что отецъ платилъ на будные станы по 2 четверти золы [1]). Слѣды этого промысла, на который шли преимущественно бобыли, въ нынѣшнемъ Васильскомъ уѣздѣ Нижегородской губ.—Березовый и Огневъ Майданы, которые упоминаются еще въ XVII в. въ Нижегородскомъ уѣздѣ, и самое названіе которыхъ указываетъ на занятіе ихъ жителей [2]); въ Пензенской губ., недалеко къ востоку отъ Краснослободска, отмѣченъ на старинной картѣ «Поташной» (заводъ). Съ этимъ промысломъ въ народномъ преданіи связано основаніе нѣкоторыхъ селъ. Такъ напр. изъ «описанія села Елфимова Майдана Лукояновскаго уѣзда» священника Прогрессова [3]) узнаемъ, что, по словамъ старожиловъ, это село получило такое названіе «отъ перваго поселенца Ефима, по народному нарѣчію Ялхима, который, поселившись въ дремучемъ лѣсу, на устьѣ рѣчки, занимался вареніемъ поташу изъ вязовой золы»... Въ связи съ этимъ промысломъ, кажется, находится и появленіе въ Лукояновскомъ уѣздѣ среди русскаго населенія особой этнографической группы, къ которой принадлежитъ населеніе Елфимова Майдана вмѣстѣ съ населеніемъ нѣсколькихъ смежныхъ съ нимъ селъ и деревень. Среди мѣстнаго населенія оно слыветъ подъ названіемъ «пановъ» или «бутаковъ» и на нашей картѣ отмѣчено оранжевымъ цвѣтомъ; первое прозвище характеризуетъ ихъ народность: это переселенцы изъ западныхъ губерній, второе — ихъ занятіе и указываетъ, мнѣ кажется, на то, что они были поселены первоначально преимущественно для выдѣлки поташа, если ставить это названіе въ связь съ «буднымъ» дѣломъ; но я долженъ сознаться, что для меня неясны какъ чередованіе *д* съ *т*, такъ и самая этимологія этихъ словъ. Относительно времени ихъ поселенія и мѣста ихъ выселенія трудно дать вполнѣ опредѣленныя свѣдѣнія. Можно бы было рѣшить это отчасти на основаніи разбора ихъ языка, но я принужденъ пока ограничиться тѣми данными, которыя сообщены въ Нижегородскомъ Сборникѣ. Эти данныя указываютъ на элементы бѣлорусскіе и малорусскіе; но то и другое отдѣлить не всегда легко, такъ какъ приходится считаться съ искаженіями малорусскихъ словъ подъ вліяніемъ мѣстныхъ восточныхъ южновеликорусскихъ го-

---

1) Перетятковичъ, 285.
2) Ibid. 279.
3) «Нижегородскій Сборникъ», II, стр. 329—330.

воровъ, имѣющихъ много общихъ звуковыхъ чертъ съ западными своими собратьями говорами бѣлорусскими, такъ что иногда трудно рѣшить, есть ли извѣстное произношеніе остатокъ рѣчи бѣлорусскихъ переселенцевъ (если таковые вообще здѣсь были), или только южновеликорусское искаженіе, переиначеніе малорусской рѣчи. Есть, однако, въ языкѣ «пановъ» и такія особенности, которыя несомнѣнно указываютъ на малорусскій элементъ, а съ другой стороны такія, которыя несомнѣнно указываютъ на элементъ бѣлорусскій, при чемъ то и другое такъ перепуталось и исказилось подъ вліяніемъ мѣстнаго великорусскаго, что получились отдѣльныя выраженія довольно безобразнаго смѣшаннаго характера, результатъ дѣйствія различныхъ звуковыхъ законовъ. Остановлюсь нѣсколько какъ на существующихъ мнѣніяхъ, высказанныхъ мѣстными жителями, о народности упомянутой группы, такъ и на разборѣ приводимыхъ въ статьяхъ Нижегородскаго Сборника словъ и особенностей произношенія «пановъ».

Н. И. Русиновъ въ статьѣ «Лукояновскій уѣздъ Нижегородской губ.»[1]) приводитъ 6 деревень: Василевъ Майданъ, Новую Слободу, Дубровку, Пралево, Малиновку и Чиреси, называя жителей ихъ прямо Малоруссами, вызванными, вѣроятно, графомъ Разумовскимъ на пожалованныя ему земли изъ малорусскихъ губерній. Редакторъ Нижегород. Сборника Гацисскій въ примѣчаніи къ статьѣ Гуляева [2]) говоритъ, что «при собраніи Нижегородскимъ статистическимъ комитетомъ свѣдѣній объ инoплеменномъ составѣ населенія Нижегородской губ. (см. отчетъ о засѣд. комитета 1 іюня 1871 и 15 янв. 1873 г.) обнаружилось, что кромѣ названныхъ г. Русиновымъ шести селеній съ такъ называемымъ малорусскимъ типомъ въ Лукояновскомъ уѣздѣ находятся еще 7 такихъ-же селеній: Кондрыкино, Михалковъ Майданъ, Елфимово (Елфимовъ Майданъ), Козаковка, Погиболка, Красная Поляна и Василевочка».. На нашей картѣ прибавлена еще 14-ая деревня Сергѣевка къ сѣверо-востоку отъ Погиболки. Гуляевъ и Прогрессовъ причисляютъ жителей этихъ селеній также къ Малоруссамъ [3]). По ихъ свидѣтельству, окрестное русское населеніе зоветъ жителей этихъ селеній не только п а н а м и, но и п о л я к а м и, п о л ь ш е й, л и т в о й, я г у н а м и [2]). Но эти послѣднія прозвища, мнѣ кажется, говорятъ скорѣе въ пользу Бѣлоруссовъ, а не Малоруссовъ, такъ какъ Литвой обыкновенно называли въ старину Бѣлоруссовъ, которымъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ Южновеликоруссовъ идетъ и прозвище я г у н о в ъ (отъ родит. п. я г ò, вмѣсто малорус. ё г ó, сѣверно-

1) «Нижегор. Сборникъ», II, стр. 20.
2) Ibid. V, 336.
3) Ibid. II, 318, 329.

великорус. ёвд и средневеликор. иво́); Малоруссовъ прозвали бы скорѣе ёгунами или всего скорѣе хохлами, какъ ихъ зовутъ Великоруссы вездѣ, гдѣ встрѣчаются съ ними; Даль даже называетъ въ числѣ трехъ говоровъ Нижегородской губ. особый ягдтскій, лукояновскій и прибавляетъ, что это, по сосѣдству и по говору, Пензенцы, хотя различеніе только трехъ говоровъ въ Нижегородской губ. онъ приводитъ не отъ себя и не считаетъ его удовлетворительнымъ [1]). Священникъ Гуляевъ въ статьѣ «Особенности въ говорѣ жителей села Василева Майдана» [2]) приводитъ рядъ словъ, изъ которыхъ нѣкоторыя несомнѣнно великорусскія или по крайней мѣрѣ не имѣютъ ничего спеціально западнорусскаго, другія свойственны одинаково малорусскимъ, бѣлорусскимъ и нѣкоторымъ изъ ближайшихъ къ нимъ южновеликорусскихъ говоровъ, и только очень немногія присущи спеціально бѣлорусскимъ, а еще менѣе малорусскимъ говорамъ; кромѣ того написаніе *а* вм. *о* и *я* вм. *е* (неударяем.) обличаетъ говоръ акающій, слѣдоват. или южно-великорусскій или бѣлорусскій. Говоря о принадлежности словъ той или другой группѣ говоровъ, я разумѣю также и ихъ форму и тѣ фонетическія особенности, которыя можно вывести изъ переданнаго авторомъ написанія. Къ сожалѣнію, авторъ лишь въ немногихъ словахъ означилъ удареніе, которое весьма характерно въ иныхъ случаяхъ, и о которомъ можно сдѣлать заключеніе лишь косвенно на основаніи измѣненія гласныхъ, возможнаго только при условіи ихъ неударяемости. Къ великорусскимъ я отношу: давеча (т. е. да́вѣча), кесь «кажется» и комлата вм. «комната», такъ какъ мнѣ неизвѣстно существованіе ихъ въ малорусскомъ и бѣлорусскомъ, и я не нашелъ ихъ въ имѣющихся у меня подъ руками словаряхъ Пискунова и Носовича; напротивъ, первое изъ нихъ весьма обычно во многихъ великорусскихъ говорахъ; второе, о которомъ я дальше намѣренъ сказать обстоятельнѣе, извѣстно во многихъ великорусскихъ говорахъ Нижегородской и частію Симбирской г.; третье обычно въ великорусскихъ, особенно восточныхъ говорахъ [3]). Кажется, также исключительно великорусскими надо признать: *ро*чагъ (примѣры *о* вм. *ы* у Колосова въ «Обзорѣ» 93 исключительно сѣверновеликорусскіе); спрячи «приготовить», которое, вѣроятно, тоже, что̀ въ словарѣ Даля «спрягчѝ калужск. изжарить» [4]), и родственно съ великор.

---

[1]) «О нарѣчіяхъ русскаго яз.» LVI при издан. Толков. Словаря 1879 г.

[2]) «Ниж. Сборн.» V, 338.

[3]) Колосовъ, «Обзор звуков. и формальн. особ. н. р. яз.», 167 (что касается собственно измѣненія группы *мн* въ *мл* не только въ этомъ словѣ, то оно весьма обычно даже и не въ русскихъ, а и во многихъ изъ южнословянскихъ говоровъ (сравн. серб. болг. млого).

[4]) Впрочемъ въ бѣлорус. сравн. прежчь,—гу... „пряжить, поджаривать въ маслѣ или салѣ.‘, (Носовичъ) „Прежчь яешню, цѣсто.“ Неясна этимологія этихъ словъ въ виду

пряжить «жарить»; *т*вяты, которое Колосовъ [1]) отмѣтилъ во многихъ южно и восточно-великорусскихъ говорахъ (не только Воронеж., Курск., Орловск., Ливенск., Юхновск., Холмск. Псков. губ., Ситкарск., гдѣ бы можно было заподозрѣть вліяніе мало- или бѣло-русскихъ говоровъ, но и Горбатовск. Нижегор. губ., Ковровск. Владимир. губ., Чебоксар. Казан. г., Симбир.), при чемъ Мотовиловъ [2]) также отмѣтилъ *т*ьвѣтъ въ Симбир. и Буинск. у. Симбир. губ.; только мнѣ кажется, что *т* здѣсь не изъ *к*, какъ думалъ Колосовъ, а изъ *ц*, и причину появленія *т* (мягкаго) я вижу въ томъ, что въ большинствѣ великорусскихъ говоровъ *ц* мягкое необычно, а здѣсь въ положеніи передъ мягкимъ сочетаніемъ *вѣ* (*вя*) и т. п. требовался мягкій звукъ, и вотъ вмѣсто мягкаго дифтонга *ц* явился мягкій *т* подобно тому, какъ встрѣчается и *с* вм. *ц* [3]), такъ что въ одномъ случаѣ остается одна составная часть дифтонга *ц*, въ другомъ другая; что̀ же касается бѣлорусск. твицѣли, тватòчокъ, то, по мнѣнію Карскаго [4]), здѣсь *т* представляетъ лишь орѳографическую неточность. Общерусскими можно назвать слова: нако, натеко «возьми»,-те, николи «никогда», нягоже «нехорошо» (разумѣется, кромѣ измѣненія *е* въ *я*, которое свойственно спеціально «акающимъ» говорамъ). Ничего нельзя сказать опредѣленнаго по поводу такихъ переиначеній иностранныхъ словъ, какъ облокатъ, двухакатъ, прокуронъ. Бѣлорусско - южновеликорусскими можно признать: Ахимья; во-ляди, поляка «посмотри» (указыв. на произношеніе *г* какъ *h* латин.); встрѣлись; мянѐ; квакуха «насѣдка» (въ словарѣ Даля: смолен.); закутать «затворить», откутай (вѣроятно, *а*ткута́й, какъ отмѣчено А. В. Ветуховымъ [5]) въ Старобѣльскомъ у. Харьковск. губ., также аткута̀ть) «отвори»; Яхимъ; яешня «яичница» (срв. *яец* въ Воронеж. Колосов. 118). Бѣлорусско - великорусскимъ слѣдуетъ признать также ужо «немного спустя», ёнъ [6]) «онъ»—яны, кухшинъ [7]). Общимъ для южновеликорус., бѣлорус. и малорусскаго являются: *у* вм. *в* въ выраженіи: у лѣсъ, также нѣкоторыя

серб. пржити, болг. пръжж (Дювернуа), литов. spirgiti (Kurschat); срв. А. А. Потебни, К истор. звук. III, 113—114.

[1]) О. с. 180.

[2]) „Симбирская молвь“ въ «Сборникѣ отдѣл. рус. яз. и словесн. Имп. Акад. Н.», т. XLIV, № 4 прилож. стр. 31.

[3]) Колосов., О. с. 180.

[4]) «Обзоръ звук. и формъ бѣлорус. рѣчи,» 65.

[5]) «Говоры слободъ Бахмутовки и Новой Айдари Старобѣльск. у. Харьк. губ.» (оттискъ изъ Р. Ф. В. 1893), стр. 2, 15.

[6]) Колосовъ, Обзор. 130, Карскій, Обзоръ 57; также и въ сѣв. вкрусс.: Соболевскій, Жив. Стар. 1892, вып. II, стр. 4.

[7]) Колосов., ib., 169 (и въ сѣв. великор.)

слова и формы: тымъ «тѣмъ», Хвёдоръ[1]), чутко «слышно» (малор., бѣлор., а у Даля западн.), по малу «тихонько». Можетъ быть, къ этому-же разряду слѣдуетъ отнести и отмѣченныя Далемъ, какъ южн. или южн. зап., завчоръ «третьяго дня», понька «шерстяная юбка» и сѣчька «тяпка». Восточно-малорусскимъ или южновеликорусскимъ по мягкости *р* надо признать поретуйся «подвинься» (основн. значен. «спасайся», «берегись»), хотя въ такой формѣ оно и въ бѣлорусскомъ словарѣ Носовича, но, вѣроятно, или по недоразумѣнію или взято изъ мѣстности нечисто-бѣлорусской. Бѣлорусско-малорусскимъ можно назвать: твердость *л* въ болше [2]); гомонить «шумѣть» (предполагая соотвѣтствующія бѣлорусскому измѣненія *о* неудар. въ *а*); горщокъ (скорѣе бѣлорус., если измѣнить *о* неудар. на *а*, такъ какъ въ малорус., кажется, болѣе обычно горщик съ друг. суффиксомъ); кавзаться не «выѣзжать на показъ», какъ толкуетъ авторъ статьи, а «кататься» (по льду или на лошади), основное же значеніе «скользить» (чешск. klouzati) [3]); что касается *а* вм. *о*, то оно можетъ быть не только бѣлорусскимъ, но и переиначеніемъ малорусскаго на южно-великорусскій ладъ; морква «морковь»; нярошъ «не трогай» (вѣроятно, искажено вмѣсто не рӯш, можетъ быть, подъ вліяніемъ великорус. нетрош, т. е. не трожь «не трогай»); Пилипъ; перепечька; сховать; Пречистая «праздникъ Успенія Божіей матери» (вѣрнѣе, бѣлорус., какъ показыв. и *я* вм. *е*, само по себѣ впрочемъ неубѣдительное вслѣдствіе упомянутой возможности переиначенія: въ малорус., по Пискунову,—всѣ Богородичные праздники, а въ бѣлорус. (Носовичъ) преимущ. Успеніе). Матушъ, вѣроятно, переиначеніе на великорусскій ладъ бѣлорусско-малорусскаго матӯся. Можетъ быть, случайно только въ малорусскомъ словарѣ найдено мною кузня «кузница». Подпирязаться «подпоясываться» можетъ быть не только бѣлорусскимъ, но и великорусскимъ акающимъ (кромѣ неточности *о* вм. *а*) произношеніемъ малорусск. *підперезацьця*. Кажется, спеціально бѣлорусскимъ надо признать слѣдующее: твердость *р* въ брытый (твердое *р* свойственно бѣлорусскому и частію западно-малорусск; мягкое—восточно-малорус.); дычька (хотя удареніе не поставлено, однако по *ы* въ первомъ слогѣ нетрудно догадаться, что оно на концѣ, какъ въ малорусск. и бѣлорусскомъ въ этомъ словѣ, но измѣненіе безударнаго *о* въ *ы* [4]) въ слогѣ, непосредственно предшествующемъ ударяемому, свойственно именно

---

[1]) Колосов. 171; Будде приводитъ изъ Касимов. Ряз. г. (рецензія Соболевскаго въ «Жив. Стар.» 1893, II, 256).

[2]) Карскій 59, Потебня «Два изслѣдов.» 130.

[3]) *в* здѣсь изъ *л*.

[4]) Карскій, «Обзор. зв. и ф. 52». Сравн. также Шахматова, «Изслѣдованія въ области русской фонетики», стр. 284—285.

бѣлорусскому: великорусск. переиначеніе было бы дачка, а не дычька); мозагъ «мозгъ» (вѣроятно, слѣдуетъ читать мо̂зак, у Носовича мо̂зокъ не вполнѣ вѣрно фонетически; малорус. мізок); попрыже, прыткомъ (бѣлор. пры̂дкій, малор. пру̂дкий); нереплавное—«преполовенье»; особенно форма пяетъ «поетъ», такъ какъ въ малорус., по крайней мѣрѣ восточномъ, форма * піє́, кажется, необычна, а обыкновенно только співає [1]), но въ бѣлорусск. именно первая форма и съ измѣненіемъ неудар. ѣ въ я: пѣю, пѣешъ (словарь Носовича).

Редакторъ въ примѣчаніи къ статьѣ Гуляева приводитъ еще замѣченныя членомъ статистической экспедиціи Н. И. Зайцевскимъ несомнѣнно бѣлорусскія черты: 1) «дзяканье», спорадически встрѣчающееся впрочемъ и въ нѣкоторыхъ великорусскихъ говорахъ: *дзядя*, *дц*януть (sic!), іонъ лгецъ 2) «господство *у*»: ваукъ[2]); твердость *р*: трабуха вм. требуха, кручокъ, но рядомъ съ этимъ малорусск. «у соро*ци* на х*ви*стѣ».

Преобладаніе бѣлорусскихъ чертъ, кажется, дѣлаетъ вѣроятнымъ предположеніе В. И. Даля, подтвержденное архивными разысканіями П. И. Мельникова, что это «таже мензелинская шляхта», т. е. Бѣлоруссы, поселенные здѣсь, какъ и въ Мензелинскѣ и другихъ мѣстахъ восточной Россіи, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ XVII столѣтіи [3]), къ которымъ потомъ, можетъ быть, присоединились малорусскіе выселенцы въ XVIII в., когда эти земли были пожалованы графу Разумовскому, отъ котораго онѣ перешли къ князю Кочубею и Лубяновскому. Впрочемъ управляющій имѣніемъ кн. Кочубея г. Праль, по словамъ редактора Ниж. Сборника Гацисскаго, объяснилъ, что жители этихъ селеній были переселены «изъ литовскихъ губерній и принадлежатъ къ литовскому племени», но что документальныхъ свѣдѣній въ конторѣ имѣній не имѣется [4]); эти слова опять указываютъ на Бѣлоруссію, которую смѣшивали съ Литвой. Къ сожалѣнію, я еще не имѣлъ пока возможности непосредственно познакомиться съ этими интересными говорами и провѣрить приведенныя данныя, а также убѣдиться, на сколько сохранились

[1]) Впрочемъ А. А. Потебня говорилъ, что співàю, т. е. *въ с-пѣваю («Два изслѣдованія» 135, «Разборъ сочин. Житецкаго» 63, «Слово о полку Игоревѣ» 20, «Объясненія малорусскихъ и сродн. пѣс.» (II, стр. 58, сноска) употребляется о людяхъ, а пію о животныхъ. Послѣднее во всякомъ случаѣ встрѣчается въ правобережной Украйнѣ (у Номиса въ «Українські приказки, прислівья»... стр. 118: як умієм, так. и пієм со ссылкой на Бердичевъ и Радомысль) и въ галицкомъ (у Головацк. въ Сборникѣ: чому кури не пѣєте? ч. I, стр. 44.

2) Странно *а* вм. *о* подъ ударен.; не родит. ли падежъ ваука? (вмѣсто *волкà съ такимъ удар. въ южновеликор.)

[3]) Ниж. Сборн. V, 337; Рус. Вѣстн., мартъ 1873, 290—291. О поселеніи Полоцкой шляхты въ Закамской сторонѣ въ 1668 г. у Перетятковича, стр. 258.

[4]) Нижегор. Сборн. V, 337.

еще въ этихъ говорахъ западно-русскія особенности; но неудовлетворительность записаннаго ясна уже изъ того, что напр. ничего не сказано о произношеніи *г* (какъ лат. *h* или какъ лат. *g*). Прибавлю, что нѣкоторыя западно-русскія слова находимъ тоже въ деревняхъ, не отмѣченныхъ цвѣтомъ «пановъ». Такъ въ Ульяновкѣ, отмѣченной на картѣ съ говоромъ «среднимъ между *а* и *о*» (въ юговосточной части Лукояновскаго уѣзда, на рѣкѣ Инсарѣ), что вполнѣ совпадаетъ съ описаніемъ ея говора священника Добровракова [1]), указаны въ этомъ описаніи слова бажаю (желаю) и сховать (спрятать).

Такимъ образомъ, на сколько намъ позволяютъ судить историческія данныя, русское населеніе Лукояновскаго края составилось изъ переселенцевъ изъ различныхъ губерній, хотя господствующій типъ его долженъ былъ обусловиться населеніемъ сосѣднихъ, ближайшихъ мѣстностей. Но, кромѣ старыхъ поселеній, время и происхожденіе которыхъ въ точности неизвѣстно, мы изъ приложенныхъ къ нашей картѣ примѣчаній узнаемъ точно, откуда именно выселены жители нѣкоторыхъ селъ. Источникъ свѣдѣній, сообщаемыхъ составителемъ карты, мнѣ неизвѣстенъ, но приведу эти свѣдѣнія, какъ они записаны вмѣстѣ съ сообщеніемъ нѣкоторыхъ особенностей рѣчи. Эти свѣдѣнія вполнѣ совпадаютъ съ тѣмъ, что намъ извѣстно изъ исторіи сосѣднихъ мѣстностей—Тамбовскаго края съ одной стороны и средняго и нижняго Поволжья съ другой, и что мы предположили только по аналогіи для занимающаго насъ края.

„Дер. Мерлинка—часть жителей (28 семействъ) переселенцы изъ Тульской, Рязанской и Калужской губерн. Калужане говорятъ яго.

Дер. Волчиха—почти всѣ переселенцы изъ Тамбовской губ.—говор. на *о* (ёнъ-то); остальные, здѣшніе жители, говор. на *а*.

Дер. Надёжино переселенцы изъ Рязанской губ. Егорьевскаго уѣзда. Говорятъ: вмѣсто корецъ—цапальникъ, мастюга (мал. горшокъ).

Дер. Петровская—переселенцы изъ Пензенской и Тамбовской губ.; говорятъ на *а*, съ цоканьемъ; переселенцы же изъ Сергачскаго уѣзда говорятъ на *о* и не цокаютъ.

Дер. Елховка—переселенцы изъ Княгин. уѣзда говорятъ чисто на *о*.

Дер. Верякушка—выселокъ изъ села Кріуши (Лук. уѣзда) и Пензенской губерніи (деревни Мелызанъ), говор. на *а*, прицокиваютъ.

Село Рождествено. Есть переселенцы изъ Суздаля (80 лѣтъ?) [2]), говоръ на *о* и *а*. Употребляютъ въ будущемъ времени сягòтъ вм. сягнетъ; жжетъ вм. ждетъ; другеи.

---

[1]) Этнограф. Сборн., издав. Имп. Русск. Географ. Общ., вып. 1 (Спб. 1853), стр. 35—37.

[2]) Послѣднее слово въ рукописи неясно.

Дер. Березовка выселокъ изъ Пузы (Лук. уѣзда) и частію изъ Курской губерніи.

Село Николай-Даръ—переселенцы изъ Рязанской губерніи.

Д. Мал. Силино—Семеновскаго уѣзда, говор. чисто на *о*.

Д. Орловка—часть Мордвы и переселенцы изъ Орловской губ., гов. на *а* (яго).

Д. Нелей
Д. Елевъ Врагъ } выселокъ изъ Пензенской губерніи.

С. Рубцово—коренные жители гов. чисто на *о*, а переселенцы изъ села Саитовки (Лук. уѣзда) гов. на *а* и цокаютъ; вмѣсто *ть* говор. *ць*: дѣлаць, работаць и пр.

С. Теплое—говоръ на *а*; сильно акаютъ, говорятъ гажи вм. гожи, чаво и проч.; въ среднемъ родѣ употребляютъ прилагательное женскаго рода «какая добро»; употребляется слово батманчикъ (10 фунтовъ).

С. Шелангà—гов. на *а*; вмѣсто оскудѣли—искудѣли.

С. Акаево—сильно акаютъ, говор. магёшъ, мельницывъ.

С. Пеля Хованская—цокаютъ и чвакаютъ, но не сильно. Говорятъ кесь вмѣсто кажись.

С. Пеля Казенная (на *а*)—цокаютъ и употребляютъ кесь, периноікъ (паренекъ), сѣновъ и пр.

Д. Степановка (на *о*)—цокаютъ, говорятъ: удоблять землю.

С. Ильинское (на *а*)—цокаютъ, говорятъ: шòлга (рычагъ).

Б. Пуза (на *о*)—цокаютъ; толика вмѣсто часть, сустанется (станетъ), рукомесло (ремесло)».

Къ сожалѣнію, всетаки эти свѣдѣнія о переселенцахъ далеко не полны, и, какъ видимъ, составитель о многихъ селахъ не могъ сказать, откуда выселены ихъ жители, и ограничивался указаніемъ особенности ихъ произношенія или словаря. Нѣкоторыя свѣдѣнія о переселенцахъ находимъ также въ статьѣ о Лукояновскомъ уѣздѣ Н. И. Русинова. Именно, тамъ говорится (стр. 27, Ниж. Сборн., т. II): «Въ Лукоян. у столько было и есть въ настоящее время (т. е. въ концѣ 60-хъ годовъ) незаселенныхъ площадей, что съ-издавна уѣздъ привлекалъ къ себѣ переселенцевъ изъ другихъ мѣстъ... юго-западный край какихъ-нибудь 40 лѣтъ тому назадъ состоялъ только изъ двухъ деревень Шутилова и Обуховки, тогда какъ нынѣ онъ составляетъ двѣ волости и 14 деревень[1]), изъ нихъ: Орловка вывезена изъ Орловской губ., Бутцкое изъ Княгининск. уѣзда, Пруды и Гремячка изъ Василевской волости Лукоян. у.,

[1]) Срв. Соболевскаго, Жив. Старина, 1892, вып. I. стр. 21 и сноска 7.

Елховка—ч. изъ Пензенской губ., ч. изъ Княгин. у., Петровка изъ Обуховки, Григорьевка—изъ Пензенской губ., Чеварда изъ Княгининск. у., Русиновка изъ Тамбовск. губ., изъ Макарьевск. и Княгининск. у Нижегородск. губ., Елевъ Врагъ изъ Пензен. губ., Василевъ Врагъ (его нѣтъ на нашей картѣ) изъ Шутилова и Нелей изъ Пензен. губ»... Эти свѣдѣнія частію повторяютъ и подтверждаютъ нѣкоторыя изъ находящихся у насъ, частію даютъ нѣчто новое.

Мы должны обратить вниманіе на то, что есть переселенцы *о*кающіе изъ завѣдомо *а*кающихъ губерній, напр. о селѣ Николай Даръ, окрашенномъ въ черный цвѣтъ, слѣдоват. *о*кающемъ, сказано: «переселенцы изъ Рязанской губ.» Но если мы замѣтимъ при этомъ, что въ тотъ-же черный (*о*кающій) цвѣтъ окрашена деревня Недёжино, переселенная изъ Рязанской губ. Егорьевскаго уѣзда, и что съ другой стороны этотъ Егорьевскій уѣздъ занимаетъ самую сѣверную лѣвобережную заокскую часть губерніи, смежную съ *о*кающими восточными частями (Богородскій уѣздъ) Московской и западными частями Владимирской губ., завѣдомо окающей, исключая нѣкоторыхъ самыхъ южныхъ ея мѣстностей, примыкающихъ къ Тамбовской и Касимовскому уѣзду Рязанской губ., то мы можемъ предположить, что и переселенцы села Николай-Дара, какъ и переселенцы Надёжина, были изъ сѣверной, смежной съ *о*кающими мѣстностями и, вѣроятно, также *о*кающей части [1]) Рязанской губ., хотя, къ сожалѣнію, мы объ уѣздѣ переселенцевъ перваго не находимъ точныхъ указаній. Изъ списка узнаемъ также, что деревня Волчиха, окрашенная на картѣ въ красный (*а*кающій) цвѣтъ, имѣетъ *о*кающихъ переселенцевъ изъ Тамбовской губ., и что только здѣшніе жители говорятъ на *а*; что и въ Тамбовской губ., въ большинствѣ *а*кающей, въ нѣкоторыхъ, особенно сѣверныхъ, уѣздахъ могутъ встрѣтиться *о*кающіе говоры,—это несомнѣнно, если обратимъ вниманіе на исторію колонизаціи этого края (срв. «Очерки»... Дубасова); къ сожалѣнію только, наше невѣжество въ діалектологіи заставляетъ насъ предполагать, а не утверждать навѣрно. [2])

---

[1]) Мнѣ кажется, что замѣчаніе проф. А. И. Соболевскаго о несомнѣнности сильнаго *а*канья даже сѣверныхъ говоровъ Рязанской губ. слишкомъ рѣшительно (Жив. Стар. 1892, вып. I, стр. 18). Правда, по Будде («Къ діалектологіи великор. нарѣч.», рец. Соболевскаго въ Ж. Стар. 1893, II, 256) и въ Касимовск. у. акаютъ, но нельзя навѣрно утверждать, чтобы въ сѣв. части напр. Егорьевскаго у. не встрѣтилось окающихъ селъ. Самъ Соболевскій считаетъ исконными сѣверно-великорусскія черты, встрѣчающіяся въ смѣшеніи съ южно-великор. въ Касимовскомъ говорѣ.

[2]) О говорахъ Тамбовской губ. слѣдуетъ сказать тоже, что проф. Соболевскій замѣтилъ объ акающихъ говорахъ Нижегородской, Казанской, Пензенской и Симбирской губ. (Ж. Ст. 1892, I, 21); среди акающихъ говоровъ здѣсь могутъ встрѣтиться говоры съ мѣной *ц* и *ч*, оканьемъ и друг. сѣверными чертами; онъ самъ приводитъ извѣстіе изъ Тамб. вѣдом. о выселенцахъ въ Спасскій уѣздъ съ сѣвера (изъ Пошехонскаго и Бѣлозерск. у. (ibid. сноска 7).

Изъ свѣдѣній, сообщенныхъ Русиновымъ, узнаёмъ, что село Русиновка, окрашенная въ *а*кающій цвѣтъ, имѣетъ переселенцевъ не только изъ Тамбовской г., но также и изъ завѣдомо *о*кающихъ Макарьевскаго и Княгининскаго (въ послѣднемъ *а*канье только мѣстами въ южной части) уѣздовъ Нижегородской губ.

Изъ приложенныхъ къ картѣ свѣдѣній мы узнаёмъ также, что такъ называемые ягуны могутъ не совпадать съ панами и поляками и т. п., т. е. могутъ быть переселенцами не изъ Бѣлоруссіи, а изъ центральныхъ, южновеликорусскихъ губерній (Калужской, Орловской, Курской); а бѣлорусское измѣненіе *ть* въ *ць* находимъ въ селѣ Рубцовѣ у переселенцевъ изъ села Саитовки. Откуда выселились жители послѣдней, мы не знаемъ; можетъ быть, это тоже остатокъ нѣкогда бывшихъ здѣсь бѣлорусскихъ поселеній.

Я уже упоминалъ выше, что *и*канье кроется, вѣроятно, въ терминѣ «говоръ средній между *а* и *о*», употребленномъ составителемъ карты. По терминологіи проф. Соболевскаго это говоры «умѣренно акающіе». Дѣйствительно, въ Ульяновкѣ, по описанію Доброзракова, сильно распространено *и*канье, т. е. измѣненіе неудар. *е* (изъ первонач. *е* и *я*) въ *и*, при чемъ это измѣненіе чередуется съ измѣненіемъ *е* послѣ шипящихъ въ *а* (ч*а*вѐ, ж*о*ва́ть при зимля̀, гр*и*да̀ и т. п.) [1]). Такое-же иканье извѣстно и во многихъ говорахъ Сергачскаго и Курмышскаго [2]) уѣздовъ, напр. въ описанномъ мною въ «Archiv für slav. Philologie» X, 350—351 говорѣ села Теплаго Стана, гдѣ также послѣ шипящихъ и *j* въ слогѣ передъ удареніемъ вмѣсто *и* является *а* (примѣры изъ моей замѣтки извлечены и приведены проф. Соболевскимъ на страницахъ «Живой Старины»). Такіе средніе говоры должны быть особенно свойственны полосѣ переходной отъ сѣверновеликорусскаго къ южновеликорусскому нарѣчію. Въ этой переходной полосѣ и лежатъ южные уѣзды Нижегородской и западные Симбирской губ. Иногда болѣе или менѣе точными границами служатъ рѣки [3]). Такъ въ Курмышскомъ уѣздѣ такой границей служитъ рѣка Пьяна, къ сѣверу отъ которой *о*каютъ, къ югу же почти

---

[1]) Этногр. Сборн. I, 35, Соболевскій въ «Жив. Старинѣ» 1892, 1, стр. 22.

[2]) «Жив. Стар.» ibid.

[3]) Какъ иногда трудно провести границы сѣверно и южно-великорусскихъ говоровъ доказываетъ замѣчаніе Колосова, что во Владимирской губ. оканье сильнѣе къ югу отъ Владимира, слабѣе къ сѣверу, т. е. наоборотъ ожидаемому («Замѣтки о яз. и народн. поэзіи въ области сѣв. великор. нарѣч», 288). А. А. Шахматовъ, однако, указываетъ на то, что *и*кающіе говоры (*и* въ нихъ изъ закрытаго *е* послѣ небныхъ согласныхъ) одинаково могутъ встрѣчаться и въ сѣверно-и въ южно-великор., т. е. соединяться съ *о*каньемъ и съ *а*каньемъ («Изслѣдов. въ области русской фанетики», стр. 199—202...). Болѣе заслуживаютъ названія говоровъ «среднихъ между *а* и *о*» говоры «неокающіе», т. е. сохраняющіе въ слогѣ передъ ударннымъ *о* склоненіе къ *а* (ibid., стр. 263).

исключительно *а*каютъ (*о*кающіе говоры, какъ Олферьевскій у истоковъ Пьяны, составляютъ здѣсь исключеніе, встрѣчающееся, однако, и южнѣе, въ Ардатовскомъ уѣздѣ Симбир. губ). Тоже приблизительно относится и къ западному сосѣду Курмышскаго уѣзда, къ лежащему также въ бассейнѣ рѣки Пьяны уѣзду Сергачскому Нижегородской губ., хотя, судя по упомянутой въ началѣ нашей статьи неполной картѣ, въ самой южной части уѣзда, прилегающей къ Лукояновскому, довольно много «окающихъ» селъ. Въ слѣдующемъ, лежащемъ въ бассейнѣ р. Пьяны къ западу и сѣверо-западу отъ Сергачскаго Княгининскомъ уѣздѣ (центральномъ въ Нижегородской губ.), по описанію, приложенному къ картѣ, въ сѣверной части р. Пьяны *о*каютъ, а въ изгибѣ Пьяны «оканье слабѣе, выговоръ ближе приближается къ нашему» и одно село (Инкино) акаетъ. Хотя Лукояновскій уѣздъ находится южнѣе этихъ трехъ уѣздовъ и идетъ паралельно съ Ардатовскимъ Симбир. губ., всетаки и тамъ, какъ видимъ изъ карты и описанія, *а*канье перемѣшано съ *о*каньемъ, но акающихъ селъ больше къ югу отъ р. Алатыря, чѣмъ къ сѣверу отъ него, и въ самомъ Лукояновѣ, лежащемъ въ сѣверо-западномъ углу уѣзда, *о*каютъ.

Кромѣ общей характеристики говоровъ въ объяснительной запискѣ, приложенной къ картѣ, находимъ и приведенныя, правда, безъ всякой системы, отдѣльныя слова и выраженія (формы), употребительныя въ данной мѣстности. Обращу вниманіе на нѣкоторыя изъ нихъ.

О селѣ Рождественѣ сказано, что тамъ употребляется въ будущемъ времени сягȍт(ъ) вм. сягнетъ; эту форму 3 л. ед. ч. я произвожу отъ перво-образной основы сяг-(—ст.-сл. сѧг-) безъ суффикса *н*, которую находимъ въ глаг. досячѝ—досягу̀. Особенность образованія здѣсь въ томъ, что *г* передъ *е* осталось несмягченнымъ, а *е* подъ удареніемъ измѣнилось въ *о*, вѣроятно, черезъ посредство *ё*. Въ отношеніи неизмѣняемости гортаннаго въ шипящій и переноса ударенія на суффиксальный слогъ подъ вліяніемъ ф. 1 л. (сравн. досягу̀—дося̀жетъ), а можетъ быть, вѣрнѣе сказать, въ отношеніи удержанія ударенія на суффиксальномъ слогѣ, если считать, что въ мȍжешь при могу̀ удареніе отодвинуто назадъ [1]); эту форму слѣдуетъ сопоставить съ формой магёш(ъ), т. е. *могёшь, вм. мȍжеш, употребляемой въ селѣ Акаевѣ.—Тамъ-же говорится «жжетъ» (вѣроятно, жжот)

[1]) По мнѣнію Ф. Ѳ. Фортунатова, мо̏жеш и серб. мо̏реш, мо̏ресъ болѣе древнимъ удареніемъ, чѣмъ рус. могу́, серб. штокав. мо́гу, такъ какъ наоборотъ суф. 1 л. ед. ч. ст.-слов. ѫ рус. серб. (въ немногихъ глаголахъ) у съ первонач. длительной долготой перетянулъ на себя удареніе еще въ общесловенскомъ языкѣ, вслѣдствіе чего беру́, могу́ (ст.-сл. берѫ, могѫ) при греч. φέρω и т. п. Слѣдов. вѣрнѣе сказать, что удареніе въ магёш подъ вліяніемъ могу́.

вм. «ждетъ» (вѣроятно, точнѣе вмѣсто жджёт или жџёт, употребляя для сложнаго звучнаго *дж*, соотвѣтствующаго незвучному *ч*, сербскій знакъ џ) [1]).

Форма «другеи» (несомнѣнно, другéи съ удареніемъ на *е*) указываетъ на очень интересное явленіе въ склоненіи прилагательныхъ, а именно на то, что вм. звука *ы* при удареніи на немъ является послѣ всѣхъ согласныхъ, кромѣ гортанныхъ, звукъ *э*, т. е. *е*, не смягчающее предыдущаго согласнаго, послѣ же гортанныхъ вмѣсто *и* (изъ древне-русскаго *ъі*) другихъ говоровъ является *е*, смягчающее предыдущій согласный, т. е. качество гласнаго *ѐ*, замѣнившаго ы, зависитъ отъ качества предъидущаго согласнаго. Эти *э* и *е* проходятъ затѣмъ по всѣмъ падежамъ множ. ч., захватывая творит. и мѣстн. пад. муж. и средн. р. единственнаго: худѐи, простѐи, толстѐи, молодѐи, гнилѐи, сырѐи, бол'шѐи (*ш* въ этихъ говорахъ твердо) и т. п., худѐх и т. п., —ѐм, —ѐми. и т. д., мѣстн. един. *ф* худѐм, *в* гнилѐм и т. п., но такéи, другéи, —éх, —éми (глухѐми дорòгàми), *ф* такéм мѣс'тѣ и т. п. [2]).

Формы эти очень распространены въ разныхъ говорахъ средней полосы какъ окающихъ такъ и акающихъ. Колосовъ [3]) напрасно называетъ эти говоры имѣющими оттѣнокъ бѣлорусскаго нарѣчія. Если-бы это было такъ, то пришлось бы признать бѣлорусскій отмѣнокъ едва ли не во всѣхъ говорахъ средне-волжскаго бассейна. Самъ Даль [4]) приписываетъ формы инéи (вѣроятно, инѐи), сухѐи, правда, мѣстами, всей лежащей на правомъ берегу Волги полосѣ Нижегородской губ. (Горбат., Нижегород., Княгин, Вас. у.), мнѣ же удалось слышать ихъ, кромѣ говоровъ Курмышскаго уѣзда Симбирской губ. (на *о* въ сѣв. части, на *а* въ южн. ч.) и Нижегородской губ. (Василь-Сурскаго, Макарьевскаго и случайно отъ крестьянки села Павлова

---

[1]) Я употребляю знакъ ё для извѣстнаго звука, близкаго къ *о*, но нетожественнаго съ нимъ не только въ томъ отношеніи, что онъ слѣдуетъ за небнымъ согласнымъ, но и въ самомъ характерѣ звука. Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ подъ рукой весьма важной статьи Θ. Е. Корша «Beobachtungen über die Aussprache des russischen» (Archiv für slav. Philologie III, 666—684), гдѣ опредѣленъ характеръ звука ė (вмѣсто *е* въ извѣстныхъ случаяхъ) въ московскомъ нарѣчіи.

[2]) Я позволю себѣ оставлять при записываніи особенностей говоровъ букву *ѣ* пока еще не выяснено окончательно, дѣйствительно ли *ѣ* вполнѣ совпадаетъ съ *е* въ данномъ говорѣ, предполагая подъ *ѣ* звукъ, близкій или тожественный съ *е*; въ нѣкоторыхъ случаяхъ удержаніе *ѣ* для меня представляется важнымъ при указаніи нѣкоторыхъ морфологическихъ особенностей говоровъ.

[3]) «Обзор. звуков. и формальн. особенностей народн. русск. яз.», 229.

[4]) «О нарѣчіяхъ», 56—58.

Горбатов. у.), также и отъ крестьянъ Владимирской г. Покровскаго у. [1]) (въ Москвѣ въ военномъ госпиталѣ), Тверской Корчевскаго [1]) у. (въ Петербургѣ, въ клиникѣ Вилье) и Оренбургской [1]) г. (случайно въ вагонѣ желѣзной д.). Кромѣ того, странно было предполагать въ этомъ явленіи вліяніе того нарѣчія, въ которомъ подобныхъ формъ до сихъ поръ не было извѣстно, когда ихъ возможно объяснить фонетическими и морфологическими причинами, вытекающими изъ свойствъ мѣстныхъ великорусскихъ говоровъ. Бѣлорусскимъ оттѣнкомъ можно было бы назвать именит. п. един. ч. муж. р. или дат., твор. и мѣстн. един. жен. р. на э̀й, такъ какъ подобныя формы были извѣстны уже давно въ нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ говорахъ [2]), но послѣдняго какъ разъ не знаютъ наши говоры. Только въ послѣднемъ недавно вышедшемъ трудѣ Карскаго [3]) находимъ формы множ. ч., почерпнутыя изъ Сборника Романова съ указаніемъ на Сѣннскій и Оршанскій уѣзды, на эя (—ья) и т. п.: половэя, старэ̀я, чужея, лубянэя, такéя. Въ болѣе раннемъ трудѣ Карскаго «Обзоръ звук. и формъ»... я ничего подобнаго не находилъ. Но и теперь, когда въ области бѣлорусскаго нарѣчія стали извѣстны подобныя формы, я не вижу никакой необходимости это совпаденіе нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ говоровъ со средне-великорусскими объяснять непремѣнно вліяніемъ первыхъ на послѣдніе, такъ какъ и въ тѣхъ и другихъ эти формы могли развиться вполнѣ самостоятельно. Я уже предложилъ объясненіе этихъ формъ въ «Archiv für slavische Philologie» X, 350, гдѣ я призналъ въ нихъ явленіе не фонетическое, а морфологическое. Я именно вижу здѣсь вліяніе мѣстоименныхъ формъ, какъ тѣ—тѣх, однѣ—однѣх, моѣ, твоѣ, моѣх, твоѣх,—ѣм,—ѣми и т. д., употребительныхъ въ тѣхъ же говорахъ; этимологическое *ѣ* въ нихъ доказывается какъ произношеніемъ (не *е̂*) такъ и исторіей русскихъ и другихъ словянскихъ нарѣчій. Что касается формъ косвенныхъ падежей, то *ѣ* здѣсь было уже въ древне-русскомъ и старословянскомъ; напомню нѣсколько примѣровъ изъ древне-русскаго, напр. Новгород. I лѣтописи по Синодальн. списку (фототипич. издан.): онѣмъ (дат. множ.) 179, 193, самѣхъ 203, инѣхъ 35, 36, 41, 42, 81, 141 и мн. др., одинѣхъ 178, хотя нерѣдко и по образцу склоненія слитныхъ прилагательныхъ: онъіхъ 77, 180, инъіхъ 171, 181, 190 и др.; не говорю объ обще-извѣстныхъ въ др.-русскомъ, старо-словянскомъ и другихъ словян-

[1]) Эти три говора на *о*.

[2]) Карскій, Обзоръ зв. и формъ бѣлорус. р., 137; Потебня, Два изслѣдованія, 59. Колосов., Обзор. 225, 229.

[3]) «Къ истор. зв. и формъ бѣлорус. рѣчи» (Рус. Фил. Вѣстн. 1893, № 3, стр. 64, 57).

скихъ нарѣчіяхъ тѣхъ, вьсѣхъ [1]) и т. д. Эти формы косвенныхъ падежей дѣйствовали съ одной стороны на формы косвенныхъ пад. другихъ мѣстоименій, гдѣ по фонетическимъ условіямъ должно было явиться *и* вм. *ѣ*, а съ другой стороны на формы именит. множ., гдѣ также искони и въ твердыхъ основахъ по извѣстной причинѣ (изъ дифтонга *oi* съ длительной долготой, по мнѣнію проф. Ф. Ѳ. Фортунатова) являлось *и* вмѣсто *ѣ*; такимъ образомъ въ діалектахъ явились съ одной стороны формы сѣх(ъ), моѣх(ъ) и т. п. вмѣсто старыхъ сихъ, моихъ и т. п. (отъ имен. ед. сь, мой и т. п.), напр. уже въ XV-мъ столѣтіи: въ сѣхъ строкахъ Послан. духовенства къ Шемякѣ 1447 [2]), въ XVI-мъ в.: до сѣхъ мѣстъ (рѣчь патр. Іова 1598 г.) [3]), сѣми часы (письмо В. кн. Василія III къ супругѣ Оленѣ 1526—1530) [4]), въ XVII в. по сѣхъ мѣстъ (куранты 1665 г.) [5]), въ соврем.: по сѣх пор (слышано мною въ дер. Плетнихѣ Василь-Сурскаго у. Нижегородской губ.), моѣх, моѣм твоѣх и т. п. (въ разныхъ говорахъ Нижегородской и частію Симбирской губ.), съ другой стороны имен. множ. онѣ, тѣ, однѣ, всѣ и т. п. вмѣсто они, ти, *одини, вьси и т. п., далѣе при моѣх также моѣ и т. п., сѣ при сѣхъ. Кромѣ того, имен. пад. множ. ч. на *и* породилъ и въ косвен. пад. формы съ *и* вм. *ѣ*, которыя являются довольно рано: въ древ. новгородскомъ нарѣч. всімь, всихъ, всими, всимъ, тимь (твор. един.), тимъ, тими [6]), соврем. бѣлорус. всих, всими [7]) и т. п., соврем. литерат. однѝх и т. п. Я не могу согласиться съ проф. Соболевскимъ, что формы тѣ, однѣ, самѣ (уже въ памятникахъ [8]) XIV в.) вызваны формами всѣ, сѣ, которыя, какъ и моѣ, суть собственно формы стараго винит. п. множ. ч. [9]) (*ѣ* изъ сочетан. гласн. съ носовымъ, соотвѣтственно съ

---

[1]) По предположенію проф. Ф. Ѳ. Фортунатова и А. А. Шахматова, формы множ. ч. и нѣкоторыя един. ч. (твор. вьсѣмь) этого мѣстоименія предполагаютъ имен. *вьхъ= литов. visas; при такомъ предположеніи является понятнымъ *ѣ* вм. *и*, ожидаемаго отъ мягкой основы вьсь: вьсѣхъ при *вьхъ тоже, что власѣхъ при влахъ; кромѣ того, ф. съ *x* доказана примѣрами изъ др.-русскаго: Новгор. I лѣт., стр. 175 вхеполъ, грам. Варлаама Хутын. 1192 г. вхоу (вин. ед. жен. р.); что касается вьсь, то оно образовано такъ-же какъ и отьць, кънѧѕь и т. п.

[2]) Христом. Пенинскаго 1843 г., стр. 409 (изъ актовъ, издан. Археограф. ком.).

[3]) Ibid. 384.

[4]) Буслаевъ, Историч. христомат. 754.

[5]) Ibid. 1143.

[6]) Шахматовъ, О языкѣ Новгород. грамотъ, 195.

[7]) Соболевскій, Лекціи, 135; Карскій, Обзоръ зв. и ф. бѣлор. р., 135.

[8]) «Изслѣдованія въ области русской грамматики», 35. Нѣчего напоминать о томъ, что различеніе въ правописаніи литературнаго языка они и онѣ, одни и однѣ по родамъ не имѣетъ ни малѣйшей научной подкладки.

[9]) Соболевскій, Лекціи 2, стр. 140, Изслѣдованія въ обл. рус. грам. 15; Колосов., Обзор. зв. и ф. особ. 238.

старослов. ѧ); напротивъ, я думаю, что удержаніе формы винит. п. на ѣ въ послѣднихъ обязано вліянію ѣ въ первыхъ, въ которыхъ оно обязано косвеннымъ падежамъ; кромѣ того, ѣ въ формѣ всѣ, хотя и могло бы считаться формой вин. мн., какъ сѣ и моѣ, но естественнѣе выводимо изъ косвенныхъ пад. наравнѣ съ тѣ и т. п. Въ отдѣльныхъ великорусскихъ говорахъ вліяніе этого ѣ распространяется и далѣе, вслѣдствіе чего являются формы, какъ с' кѣх пор (вм.—коих—) въ Курмыш. у. Симбир. губ., гдѣ звукъ е нельзя объяснять какъ результатъ стяженія ои, а скорѣе какъ перенесеніе изъ формъ тѣх, сѣх и т. п.; мнѣ кажется, что, еслибы въ корнѣ этого мѣстоименія былъ согласн. негортанный, то вм. е (ѣ) мягкаго явилось бы э (е твердое). Въ тѣхъ-же великорусскихъ говорахъ употребительны и вышеуказанныя формы прилагательныхъ, въ которыя вслѣдствіе поздняго ихъ происхожденія мѣстоименный звукъ е (этимологич. ѣ) перешелъ, не измѣнивъ твердаго характера предшествующаго согласнаго, обусловленнаго слѣдующимъ за нимъ ы или о (въ мѣстн. п. един. ч.); такимъ образомъ, по моему мнѣнію, худэх и т. д., а затѣмъ и худэи возникли по образцу тѣх—тѣ, а вслѣдствіе частаго смѣшенія формы мѣстн. пад. съ ф. творит. (сравн. въ тѣхъ-же говорахъ: с'нём вмѣсто с'ним и на оборотъ в ним, фтѣм вм. в нём, в том) и въ мѣстн. един. является худэм по образцу тѣм.

А. А. Потебня, съ которымъ я бесѣдовалъ по поводу этихъ формъ въ послѣдній годъ его жизни весною 1891 г., не могъ согласиться съ моимъ объясненіемъ потому, что при дѣйствіи аналогіи онъ ожидалъ бы полнаго совпаденія, т. е. не только звукового характера е, но и смягченія предшествующаго ему согласнаго, а именно напр. * худѣх, а не худэх; какъ извѣстно, Потебня не любилъ злоупотреблять объясненіями помощію аналогіи, а потому и здѣсь онъ предпочелъ увидать стяженіе, можетъ быть, изъ формъ * худыех, * молодыех (—ыѣх?), подобныхъ формамъ тыех, добрыех или ситск. горькіеф, чужіеф [1]) и т. п., молодыем робятам [2]) Череп. Новг. г.

Дѣйствительно, говоры праваго берега средней Волги (особенно Нижегородской и Симбирской губ.) богаты примѣрами стяженія; въ говорахъ Курмышскаго уѣзда, напримѣръ, весьма обычны формы: знат вмѣсто знàѐт, мот, мом, вмѣсто мóѐт, мóѐм, цалут вмѣсто цѣлуѐт и т. п., гдѣ второй неударяемый гласный всецѣло поглощается первымъ ударяемымъ, и

[1]) Изслѣдованія въ области рус. грам, 74.
[2]) Колосов, Обзор. звук. и форм. особ., 229, 99—100.

даже пэхъл вмѣсто поѣхал(ъ), гдѣ второй ударяемый гласный ассимилируетъ себѣ первый неударяемый, сохраняя его твердый характеръ, пыжжай вмѣсто поѣзжай, гдѣ сочетаніе неударяемаго *о*, которое, находясь за два слога передъ слогомъ ударяемымъ, должно было измѣниться въ глухой звукъ (*з*), съ неударяемымъ *е* (*ѣ*), въ слогѣ непосредственно предшествующемъ ударяемому измѣнившимся, вѣроятно, въ краткое *е*, близкое къ *и*, дало нѣчто вродѣ того, что мы имѣемъ въ нѣкоторыхъ словянскихъ нарѣчіяхъ изъ сочетанія *з* (конечн. гласнаго основы)+*и* (мѣстоименіе) въ окончан. именительнаго падежа единственнаго числа мужск. рода именъ прилагательныхъ (напримѣръ польское dobry), т. е. звукъ *ы*; тоже явленіе, что въ пэхъл, и въ челэк вмѣсто чело(*в*)ѣк(ъ). Но для того, чтобы убѣдиться въ происхожденіи худэх изъ худыех и т. п., слѣдовало бы во первыхъ доказать, что послѣднія формы дѣйствительно существовали въ этихъ говорахъ, во вторыхъ доказать возможность стяженія ударяемаго *ы*+неударяем. *е* въ *э* (твердое *е*); что касается перваго вопроса, то думаю, что на него скорѣе слѣдуетъ отвѣтить отрицательно, такъ какъ и въ тѣхъ говорахъ, гдѣ доказано существованіе подобныхъ формъ, ясно позднее ихъ происхожденіе изъ именительнаго падежа на *ые*; что же касается второго, то изъ разсмотрѣнныхъ случаевъ стяженія уже ясно, что ые [1]) могло дать только *ы*, а никакъ не *э*, которое могло получиться только изъ ыé (ыѣ), т. е. изъ сочетанія неударяемаго *ы* съ ударяемымъ *е* (*ѣ*), хотя вообще примѣровъ стяженія ые въ этихъ говорахъ мнѣ неизвѣстно. Вслѣдствіе этихъ соображеній я пока не вижу никакой причины, почему бы я долженъ былъ отказаться отъ предложеннаго мною еще семь лѣтъ тому назадъ объясненія. Что касается мѣстоименной формы кѣх вмѣсто кòих(ъ), то и относительно ея не можетъ быть никакого сомнѣнія, что никакого стяженія тутъ нѣтъ, ибо *óи* никогда бы не дало *е* (*ѣ*), вслѣдствіе чего я это *е* и позволилъ себѣ обозначить буквою *ѣ*, чтобы показать его полное тожество съ *ѣ* въ тѣх.

Затѣмъ мое вниманіе останавливаетъ на себѣ частица кес' (кесь) въ значеніи «кажется». Въ Толковомъ словарѣ Даля это слово объяснено такъ: «кесь или кесть Влад., Моск., Ряз., Тамб., кажется, кажись, видится, некакъ, будто-бы. Кесь на̀-небѣ хочетъ хмуриться». Очевидно, прибавка «или кесть» вызвана ошибочной этимологіей самого Даля, которому казалось, что это вмѣсто какъ есть; по крайней мѣрѣ иначе я не могу объяснить ея себѣ, такъ какъ фонетически *т'* (ть) не

---

[1]) Т. е. сочетаніе ударяемаго *ы*+неударяем. *е* (*ѣ*). При стяженіи въ нашихъ говорахъ вообще всегда одерживаетъ верхъ ударяемый гласный надъ неударяемымъ, въ какомъ бы порядкѣ одинъ за другимъ они ни стояли.

могло бы удержаться. Какъ было упомянуто выше, слово это было отмѣчено Гуляевымъ въ числѣ словъ, употребительныхъ въ Василевѣ Майданѣ у такъ называемыхъ «пановъ». Но, какъ я уже говорилъ, здѣсь нѣтъ ничего западно-русскаго, а ссылка Даля на Владимірскую, Московскую, Рязанскую и Тамбовскую губ. еще болѣе убѣждаетъ въ этомъ. Прежде, чѣмъ предложить этимологію этой частицы, я приведу нѣсколько примѣровъ ея употребленія и значенія. Въ разговорѣ, напечатанномъ Колосовымъ въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ I, стр. 163 и перепечатанномъ Смирновымъ въ «Сборникѣ древне-русскихъ памятниковъ и образцовъ народной русской рѣчи» 177, изъ Арзамасскаго уѣзда Нижегородской губ., нѣкто на вопросъ о качествѣ муки отвѣчаетъ: «кесь гожа» (т. е. «кажись» или «кажется, хороша»). Мною слышано въ с. Тепломъ Станѣ Курмышскаго уѣзда Симбирской губ.: «каке́ [1]) скро̀мны да ти̇хи—кес' кра̀сны дѐвушки»; «кес' мъл ево̀ го̀лъс» (=«кажется (молъ) его голосъ»). Изъ этихъ примѣровъ видно, что значеніе кес' (кесь)—«ка̀жется», «кажи̇сь», «сло̀вно» и т. п. Надѣюсь, что нарѣчное употребленіе слова кажи̇сь всѣмъ извѣстно, такъ какъ встрѣчается во многихъ говорахъ, а по этимологіи оно не что иное, какъ повелительное наклоненіе отъ глагола «казаться», употребленное вмѣсто и въ значеніи изъявительнаго. Основываясь на тождественности или по крайней мѣрѣ близости значенія кес' и кажи̇с', я постараюсь привести кое-какія соображенія относительно того, что и этимологически они тождественны. Для этого необходимо сдѣлать вѣроятнымъ во-первыхъ выпаденіе извѣстныхъ согласныхъ внутри словъ между гласными и въ частности *ж*, во-вторыхъ стяженіе *а* неударяемаго + *и* ударяемое въ *е́*. Что касается перваго вопроса, то на него можно отвѣтить утвердительно. Очень часто въ весьма многихъ говорахъ разныхъ славянскихъ нарѣчій и въ частности въ разсматриваемыхъ нами великорусскихъ говорахъ такому процессу подвергаются звучные гортанные и зубные (*г*, *h* и *д*); въ нашихъ говорахъ собственно зубные (*д*): гляй [2]) (причемъ передъ *и* не слышно *j*) вмѣсто гляди̇ и даже гля̇ка, которое могло явиться лишь подъ условіемъ перенесенія ударенія на первый слогъ, сравни южновеликорусское [3]) и малорусское ра̀ить вмѣсто ра̀дить, напримѣръ у Квитки: «не-

---

[1]) Стяженная форма вмѣсто кака́и (не пишу *ѣ* потому, что *е* мягкое здѣсь не само по себѣ, а лишь вслѣдствіе положенія послѣ гортаннаго).

[2]) Я удерживаю буквы *я* и *ю* при записываніи говоровъ для упрощенія правописанія, разумѣя подъ ними или *а* и *у* послѣ небныхъ согласныхъ (если онѣ написаны послѣ согласныхъ) или сочетанія согласной *j* съ *а* и *у* (если онѣ написаны послѣ гласной или въ началѣ словъ).

[3]) Халанскій, «Свѣдѣнія и замѣтки о говорахъ русскаго языка, II»... (сѣв. ч. Путивльскаго уѣзда Курской губ.): Р. Ф. В. 1886, XVI, 15.

знàты, що громàда н а р à е» (Малор. пов. II, 220); параллельныя этому явленія находимъ и въ южнословянскихъ говорахъ: хорутанск. lе вмѣсто glе отъ того же корня *г л ѧ д-, grem отъ корня г р ѧ д- (ст.-слов. г р ѧ д ж) [1]), болгарское ѝ з в а (д) і Прилеп., г л е (д) а м е, ò (д) і т и другія [2]). Я не говорю о нѣкоторыхъ другихъ согласныхъ, которые во многихъ словянскихъ нарѣчіяхъ подвергаются выпаденію между гласными или въ началѣ словъ и наоборотъ иногда появляются вновь; таковы особенно спиранты *в*, *х*, *h*, *j*. Для выпаденія собственно *ж* я не могу привести несомнѣннаго примѣра не только въ нашихъ говорахъ, но и въ другихъ говорахъ различныхъ словянскихъ нарѣчій. Тѣмъ не менѣе кажется несомнѣннымъ, что явленіе это наблюдается въ формахъ двухъ глаголовъ, хотя я не отрицаю, что причина его можетъ быть нефонетической.

Во многихъ южно-великорусскихъ, малорусскихъ и южнословянскихъ (болгарскихъ) говорахъ встрѣчаются формы безъ *ж* тамъ, гдѣ оно приходилось между двумя гласными. Я приведу нѣсколько примѣровъ. Даль въ своемъ словарѣ отмѣчаетъ слѣдующее: «к à е кур(ск). вор(онеж). сокращенное к à ж е, онъ говоритъ или сказалъ, онъ баитъ, молъ, де, дескать. Онъ к à е, не пойду, кàе.....». М. Е. Халанскій въ числѣ словъ описаннаго имъ Путивльскаго говора Курской губ. [3]) приводитъ глаголъ «к à и т ь говорить», не приведя, къ сожалѣнію, примѣровъ его употребленія, вслѣдствіе чего я позволю себѣ усумниться, чтобы авторомъ дѣйствительно была слышана форма неопредѣленнаго наклоненія к à и т ь, и думаю, что онъ её построилъ теоретически на основаніи слышаннаго имъ 3 лица единственнаго числа к à е или к à э или к à и. Для восточно-малорусскаго можно привести много примѣровъ изъ повѣстей Квитки и сказокъ Манжуры. И замѣчательно, что у Квитки к à э (такъ, съ твердымъ неіотованнымъ *э*, а не *е*) часто чередуется съ к à ж е. Напримѣръ: отъ и к à ж е имъ: «Чòмъ же вы не хрыстòсуетесь?» А Васыль и к à э: «Несмію, пан-òтче!»—«Чомъ несмиты?» к à э Наумъ... (Старый Наумъ выпывъ чàрку горилкы передъ обидомъ, а Васыль нестàвъ; бо, к à э, ще непочынàвъ ій пыты,.....; отъ Наумъ и кàже......... ёму к à э ш ъ—негодытця; а винъ чухаетця, та к à э: «ничавò-ста». .... Ну, намалёвàвшы, та й к à э намъ: «тепéръ, хлòпци, дывитеся, що за кумéдыя бўде». А мы

[1]) Разумѣется, съ этимъ не слѣдуетъ смѣшивать специально хорутанско-словѣнскаго и хорватско-чакавско-кайкавскаго выпаденія *d* въ общесловянской группѣ *dj*.

[2]) П. А. Лавровъ, Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болгарскаго языка, 108.

[3]) Рус. Фил. Вѣст. 1886 г. ч. XVI, стр. 14. Впрочемъ выпаденіе *з* и затѣмъ *а* или, можетъ быть, цѣлаго слога *за* можно видѣть въ частицѣ д ѣ с к а т ь изъ *д ѣ-с к а з а т и; вторая половина здѣсь также неопредѣленное наклоненіе.

каэмо: «а ну, ну; щò—тамъ бýде?» [1]). Такое-же колебаніе между формами съ *ж* и безъ *ж* находимъ въ сказкахъ, записанныхъ въ Харьковской и Екатеринославской губ. Манжурою: «Давайте, цыганъ каэ, хто кого перезива»........ «Э ни, каэ цыганъ, давайте, хто кого передрима»...... (Алексѣевка Александровскаго уѣзда) [2]), но въ той-же деревнѣ каже [3]); рядомъ: «Пиду, каэ, ляжу на шляху, може хто забье».... «Идить же, каже, дядьку, та лягте у жыти»...... «Йижте, каэ, дядьку»..... [4]) Далѣе вслѣдствіе стяженія является правильно *ка*: Бувъ соби дидъ та баба и унадывсь до ныхъ довгомудыкъ курчатъ таскаты. Перетаскавъ усихъ, а то прыйшовъ и куриночку забравъ. Отъ дидъ и *ка*: «пиду я, бабо, вбью довгомудыка»..... [5]). (Ольшана Богодуховскаго уѣзда Харьковской губ.). Такую же стяженную форму представляетъ и слѣдующій примѣръ, записанный въ Лукояновскомъ у Нижегородской губ. [6]): «а катца в нашим силѣ самаму яму быть не случилось»; хотя ударенія не разставлены, но ясно, что слѣдуетъ читать кàццă которое изъ *кàжется черезъ посредство *кàэццă. причемъ э въ слогѣ послѣ удареннаго должно было сильно ослабиться. Недавно еще А. В. Ветуховымъ изъ одного южновеликорусскаго говора Харьковской губ. [7]) приведена замѣчательная форма 1 лица единственнаго числа куў: «я ку'ў: ну атправляйсь», «я ку'ў: ни пайдў въ халòдную»; неіотованное *у* (не *ю*) интересно сопоставить съ неіотованнымъ *э* формъ 2-го, 3-го лица единственнаго числа, 1 лица множественнаго числа и т. п.; оно доказываетъ, что съ выпаденіемъ *ж* между гласными не развивалось іоты; кромѣ того замѣчательно первое *у* вмѣсто *а* подъ вліяніемъ второго *у*, чтò интересно сопоставить съ первымъ *а* въ малорусскомъ б*а*гàтый, явившимся изъ *о* подъ вліяніемъ слѣдующаго *а*.

Тоже самое извѣстно о формахъ настоящаго времени глаг. мочь. Изъ южно-великорусскаго говора Старобѣльскаго уѣзда Харьковской губ. Ветуховъ приводитъ: «мò'е штò-пъ идé зарабйли» [7]) (... можетъ быть, для того, чтобы гдѣ нибудь заработать); но, къ сожалѣнію, нельзя навѣрно

[1]) Малороссійскія повѣсти Г. Ѳ. Квитки, изд. подъ редакціей проф. А. А. Потебни, т. I, 79, 80, 9, 8, также 11, 47, 71, 86, 96, 97, 107, 125 и многія другія.

[2]) Сказки, пословицы и т. п., записанныя въ Екатеринославской и Харьковской губерніяхъ Манжурою, Харьковъ 1890 г., стр. 112.

[3]) Ibid. 72, 120, 121.

[4]) Ibid. 6—7.

[5]) Ibid. стр. 1.

[6]) М. Колосовъ. Русск. Филол. Вѣстн. I, 1879, стр. 164; Смирновъ. Сборникъ..., 190.

[7]) Говоры слободъ Бахмутовки и Новой-Айдари Старобѣльск. уѣзда Харьков. губ., стр. 4. При формѣ ку'ý авторъ приводитъ также кужý (стр. 2) изъ того-же говора Бахмутовскаго.

рѣшить, читать ли тутъ *е* неіотованное или іотованное, такъ какъ авторъ для звука *е* употребляетъ три знака: *е*, є и *э*, изъ которыхъ только о двухъ послѣднихъ можно сказать, что они означаютъ іотованное и неіотованное *е*, а что̀ именно выражаетъ буква *е*—неясно; повидимому, авторъ употребляетъ є не только для іотованнаго *е* послѣ гласныхъ и въ началѣ словъ и для рефлексовъ *ѣ*, но также и для *е*, смягчающаго предшествующій ему согласный; но и при этомъ изрѣдка, можетъ быть, по недосмотру у него является *е* въ совершенно сходныхъ случаяхъ; напр. авторъ пишетъ: бу̀дє, впада̀є, дє̀ла, привѐсть, атвядє̀ть, дє̀ржыцца и т. п. и вмѣстѣ съ тѣмъ: неє̀мшы, нѐйдеть, атпра̀вите, памѐните, дѐньги и т. п. [1]); иногда даже въ одной и той-же формѣ: тике́ть (стр. 2) и тикє̀ть (стр. 5); вообще є употреблено чаще, и о значеніи буквы *е* нельзя сказать ничего опредѣленнаго. Интересно то, что при формѣ мо̀'е употребляется еще мо̀жа и маг'єть въ одномъ и томъ же говорѣ слободы Бахмутовки, но авторъ говоритъ, что мо̀'е и магє̀ть встрѣчаются чаще [2]). Подобно ка изъ ка̀э путемъ стяженія является и мо изъ мо̀е (вѣроятно, мо̀э): у Пискунова отмѣчено «мо̀—можетъ быть, словно». Приведу примѣры изъ малорусскаго, въ которомъ мнѣ даже и неизвѣстно нестяженное мо̀э, а только мо: «Пидужъ я у хливець, *мо* тамъ удобнише» [3]), «Оттакъ я пролежавъ, та просыдивъ *мо* бильшъ мисяця»...[3]) Не пройшло мо й недили писля того [4]).

Изъ южнословянскихъ говоровъ подобные случаи мнѣ извѣстны въ болгарскихъ и опять въ тѣхъ-же глаголахъ: Тудорка каи (вѣроятно, въ каи надо видѣть *и* изъ неударяем. *е* или *э*) Ивану: «Ивани ле, либи ле»... [5]). «И прочетохъ малко на него и мꙋ написахъ нꙋмарити, защо таи трибꙋва за скорꙋ да мошъ да намеришъ, които празникъ трасишъ» (приписка 1829 г. къ рукописи Н. С. Тихонравова XVII столѣтія) [6]), здѣсь также *и* вмѣсто неударяемаго *е*.

Таковы факты, но объясненія могутъ быть различны. Въ ф. 2-го и 3-го л. глагола мочь можно предполагать постепенное ослабленіе согласнаго *г* (*h*), которое могло быть перенесено по аналогіи изъ формы 1-го л. (могу̑), какъ показываетъ южновеликорусская форма магёш, магє̀т' (срв. Ветухова, говор. слоб. Бахмутовки и т. д., стр. 5); только смущаетъ при

[1]) Ibid стр. 2, 3 и др.

[2]) Ibid. стр. 5.

[3]) «За злыми людьми й хата не згорыть», казка Алексѣя Грабины, Кіевъ 1882, стр. 2, 6. Для согласія съ примѣрами изъ Квитки я замѣнилъ и здѣсь *і* и *и* черезъ *и* и *ы*.

[4]) «Старосвитськи казкы» А. Грабины, Кіевъ, 1885, стр. 6.

[5]) Словарь болгарскаго яз. А. Л. Дювернуа, подъ слов.

[6]) П. А. Лавровъ, Обзоръ звук. и форм. особ. болгар. яз., 6.

этомъ объясненіи то, что при *г* во 2-мъ и 3-мъ л и. удареніе тоже, что въ 1-омъ л, тогда какъ въ м ò е удареніе старое; мнѣніе объ ослабленіи *г*, которое особенно вѣроятно въ говорахъ малорусскихъ и южновеликорусскихъ, гдѣ *г*=*h* [1]), высказалъ проф. Фортунатовъ [2]), съ которымъ я бесѣдовалъ по поводу этихъ явленій, но онъ-же высказалъ предположеніе и о томъ, что причина этихъ явленій нефонетическая. Но кромѣ ударенія затрудненіе встрѣчается еще въ томъ, что тоже явленіе наблюдается въ глаголѣ к а з à т и, гдѣ трудно предположить въ формахъ настоящаго времени *г* или *h* вмѣсто *ж* или кореннного *з*.

Какой нибудь аналогіи подыскать трудно, и потому приходится пока воздержаться отъ объясненія. Но какъ бы то ни было, для насъ важно то, что *ж* исчезаетъ въ формахъ 1-го, 2-го и 3-го л. ед. и 1 л. мн. наст. врем. этого глагола въ нѣкоторыхъ южно-великорусскихъ говорахъ. Къ сожалѣнію, мы не можемъ того же доказать для формы повелительн. накл. к а ж й или к а ж й с ь, но существованіе и здѣсь подобной формы безъ *ж* не лишено вѣроятности, и я думаю, что к е с ь есть не что иное, какъ стяженное *к а й с ь; фонетически весьма вѣроятно появленіе *е* (очень узкаго, близкаго къ *и*) изъ сочетанія неударяем. *а* съ ударяем. *и*; жаль только, что я не могу подыскать несомнѣннаго примѣра такого стяженія, кромѣ довольно близкаго п э х ъ л и п ы ж ж à й вмѣсто п о ѣ х а л ъ или п о ѣ з ж à й. Правда, мы ожидали бы скорѣе *к ы с ь или *к и с ь, и причина появленія *е* вмѣсто *и* двя меня неясно. но я останусь при своемъ объясненіи, пока не будетъ указана его невозможность.

Еще нѣсколько словъ о приведенной въ примѣчаніяхъ къ картѣ формѣ п е р и н е к ъ. Я думаю, что написано ошибочно вм. пиренёкъ, такъ какъ это слово я всегда слышалъ съ удареніемъ на концѣ и съ *и* въ первомъ (3-емъ отъ конца) слогѣ, несомнѣнно изъ *е* по извѣстному закону измѣненія неударяемыхъ гласныхъ. Это этимологически *п е р е н ь к ъ [3]), уменьшит. отъ *п е р ѐ н ь [3]) съ кореннымъ гласнымъ *е*; форма съ *е* чередуется съ формой съ корен. *а*, обычной въ другихъ говорахъ и литературномъ русскомъ (п à р е н ь, п а р е н ё к ъ = этимологич. *п а р е н ь к ъ [3]). Форма

---

[1]) Въ болгарскомъ, однако. тоже м ó и ш (*м о е ш), хотя *г*=*g*, а не *h*.

[2]) Вѣроятность ослабленія и выпаденія именно *г*, а не *ж* уменьшается приведенной А. В. Ветуховымъ формой к у ý, между тѣмъ какъ формы *м о ý или *м у ý неизвѣстно; это к у ý вм. к а ж ý какъ будто указываетъ именно на выпаденіе *ж*, а не *г*.

[3]) Или п е р ь н ь к ъ, п е р ь н ь, п а р ь н ь к ъ, п а р ь н ь, если второе *е* изъ *ъ*?

Объяснеie знаковъ:
Раскольники.
Оканье
Аканье.
Цоканье.
Чзаканье.
Дзеканье.
Русскie.
Мяны, бутаки (Переселенцы изъ Зап. Губ.)
Мордва племени эрзя.
Часть мордвы.
Говоръ среднiй между а и о.
Мордва плем. - Мокша.
Г. Лукояновъ
Невѣрово
Александровка (Гари)
Новая
Силино
Крюковка
Гавриловка
Лопатино
Саврасово
Михайловка
Мал. Силино (Монастырка)
Сонина
Калапина
Поя
Фомина
Ульяново
Б. Ари
М. Ари
Докучаевка
М. Лукояновки
Аттингеево
Салдаманово
Кудеярово
Скородумовка
Шандрова
Мерлиновка
Никулино
Салдамановскiй Майданъ
Иванцево
Машкьево
Мессингова
Надежино
Волгиха
Чеѣрда
Стеклянный заводъ (Ступина)
Мал. Машкьево
Николай Даръ
Василевъ Майданъ
Обуховка
Петровка
Орловка
Шутилово
Буцкая (Холстовка)
Красная Горка
Нелей
Пруды
Гремячка
Печи
Михайловка
Мадаево
М. Пуга
Елевъ-Врагъ
Ризоватово
Елховки
Русиновка
Пахатные
Кармалей
Жерапино (Азрапино)
Дураково
Рубцово (Нарукcово)
Константиновка
Теплое (Угуевскiй - Майданъ)
Темяшево
Василевка
Селитьба (Ирсеть)
Ново-Александровка
Крiушка (Верякуша)
Василёвочка (Трегубовка)
Гавриловка
р. Ирсеть
р. Мадаевка
Нижегородская губер.
Ардатовскiй уѣздъ
Арзамасскiй уѣздъ
55

КАРТОГР. ЗАВ. А. ИЛЬИНА СПБ.

этого слова, указывающая по этимологич. *е*, слышана мною въ Курмышскомъ уѣздѣ Симбирской губ. Разница между п е р и п а р могла бы восходить и къ праязыку, хотя возможно предположить возникновеніе перваго *е* подъ вліяніемъ второго, какъ *а* въ *ба*гàтый.

Этимъ я заканчиваю свои замѣчанія, которыя и безъ того уже слишкомъ разрослись.

Борисъ Ляпуновъ.

Письма А. Ѳ. Гильфердинга—Кукулевичу Сакцинскому.

(Сообщено проф. П. А. Кулаковскимъ).

1.

Берлинъ 10—22 октября 1855.

Не имѣя чести знать Васъ лично, но знакомый съ Вами по прекраснымъ ученымъ трудамъ Вашимъ, почтеннѣйшій господинъ Кукулевичъ-Сакцинскій, осмѣливаюсь къ Вамъ обратиться и представить Вамъ небольшую книжку объ Юго-Славянской исторіи. Съ письмомъ этимъ Вы получите 4 экз. изданныхъ мною «Писемъ объ исторіи Сербовъ и Болгаръ». Это первый выпускъ, начало довольно обширнаго сочиненія, назначеннаго для легкаго чтенія, но основаннаго на собственной разработкѣ источниковъ. Я буду просить Васъ, удержавъ одинъ экземпляръ для себя, а другой для библіотеки ученаго общества Вашего, остальные раздать занимающимся исторіею южныхъ Славянъ, и принялъ бы съ великою благодарностью отзывъ Сербскихъ ученыхъ о моей работѣ, трудной по недостатку или недоступности матеріаловъ. Смѣю ожидать отъ Вашей доброты, что если начатыя мною историческія разысканія заслужатъ Вашего одобренія, Вы не откажете мнѣ въ благосклонномъ содѣйствіи къ ихъ продолженію. Въ слѣдующихъ выпускахъ я долженъ буду говорить объ эпохѣ, отъ которой осталось уже много домашнихъ памятниковъ, писанныхъ на славянскомъ языкѣ, памятниковъ къ сожалѣнію большею частью неизданныхъ. Я досталъ нѣкоторые изъ этихъ матеріаловъ, въ спискахъ съ рукописей, находящихся въ Россіи (какъ-то Доментіаново Житіе св. Саввы, Житіе Стефана Дечанскаго, Житіе Стефана Лазаревича, Даниловъ Цароставникъ). Но сколько другихъ источниковъ, Сербскихъ и Болгарскихъ, которыхъ я не знаю, и многіе изъ нихъ, я увѣренъ, теперь уже спасены и открыты для науки Вашею просвѣщенною дѣятельностью. Могу ли надѣяться, что въ случаѣ, если этому не будетъ особеннаго препятствія, Вы благоволите указать мнѣ на нихъ и дадите мнѣ возможность извлечь изъ нихъ что ни-

будь для своего труда? Черезъ мѣсяцъ или шесть недѣль предполагаю пріѣхать въ Вѣну, и тогда буду въ состояніи заняться этимъ предметомъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть, Милостивый Государь, Вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Александръ Гильфердингъ.

Адресовать можно А. Ѳ. Гильфердингу (Hilferding) въ Вѣну, въ Русское Посольство.

На томъ же письмѣ приписка:

P. S. 2–14 Декабря 1855. Вѣна. Письмо и посылка пролежали въ Берлинѣ и въ Вѣнѣ почти два мѣсяца; между тѣмъ я получилъ записку Вашу, гдѣ Вы съ такою обязательностью вызываетесь содѣйствовать мнѣ въ моей работѣ. Искренно благодарю Васъ. Не знаю, буду ли имѣть возможность пріѣхать въ Загребъ и лично воспользоваться Вашею бесѣдою и Вашими, указаніями, но во всякомъ случаѣ не откажу себѣ въ удовольствіи переписываться съ Вами о предметахъ, касающихся изученія древней Сербской и Хорватской исторіи. На первый разъ позвольте просить у Васъ совѣта насчетъ поисковъ въ Венеціи. Ѣду туда послѣ завтра, останусь тамъ, правда, недолго, но все таки надѣюсь, что, можетъ быть, удастся найти въ архивѣ какіе нибудь документы, относящіеся къ сношеніямъ Венеціянцевъ съ старыми Сербскими кралями. Я слышалъ, что Вы посвятили много времени поискамъ въ Венеціянскомъ архивѣ: Вы оказали бы мнѣ великую услугу, еслибы благоволили извѣстить меня о томъ, что Вы уже извлекли оттуда, и гдѣ я долженъ искать. Я сообщилъ бы Вамъ потомъ свою добычу, и Вы, можетъ быть, не отказались бы дать мнѣ попользоваться Вашими выписками. По возвращеніи изъ Венеціи, я намѣренъ также работать нѣсколько въ здѣшнемъ архивѣ: знакомъ ли онъ Вамъ, и можете ли Вы мнѣ благосклонно указать на то, что въ немъ есть важнаго для моего предмета?

Если моя просьба на счетъ Венеціянскаго архива для Васъ необременительна, то благоволите прислать отвѣтъ съ возможною скоростью, адресуя: A. Hilferding, Venezia, Hôtel Royal.

Прилагаю къ моимъ «Письмамъ объ исторіи Сербовъ и Болгаръ» по 2 экз. филологическихъ моихъ работъ.

Ut in litteris
А. Гильфердингъ.

2.

Варшава $\frac{27 \text{ янв.}}{8 \text{ февр.}}$ 1856.

Представляется неожиданно случай писать къ Вамъ и отправить къ Вамъ посылку, достопочтеннѣйшій Иванъ Антоновичъ. Къ сожалѣнію, не могу еще возвратить Вашей рукописи: въ Вѣнѣ и Варшавѣ было постоянно столько разъѣздовъ, что не имѣлъ времени кончить выписки изъ нея. Здѣсь въ Варшавѣ только одна Русская книжная лавка, и книгъ въ ней весьма мало, да и тѣ, которыя есть, продаются ужасно дорого. Нестора и другихъ книгъ, которыхъ Вы желали, нельзя было въ ней найти,—я пришлю ихъ при другомъ случаѣ, изъ Петербурга, куда выѣзжаю завтра. На первый разъ посылаю лучшую нашу комедію, «Горе отъ ума» Грибоѣдова, басни Крылова, и Польскую книгу, «Сельскіе очерки» Григоровича. Какъ у Крылова господствуетъ наша Русская народная стихія, такъ у Григоровича—народная стихія Польская. Его повѣсти (такъ говорили мнѣ здѣшніе литераторы),—лучшая и самая вѣрная картина народной Польской жизни. Я знаю, что Вы желаете имѣть книги въ такомъ родѣ.

Съ нетерпѣніемъ жду возвращенія домой, чтобы опять приняться за свои историческія работы. Какъ я благодаренъ за Вашъ радушный пріемъ, за Славянскую щедрость, съ какою Вы подѣлились со мною Вашими историческими богатствами! Надѣюсь, что Богъ дастъ когда нибудь побывать опять въ Загребѣ; но во всякомъ случаѣ его никогда не забуду.

Прощайте, будьте здоровы, трудитесь, прилежнѣе издавайте матеріалы. Пришлите мнѣ, черезъ о. Мих. Федор. Раевскаго, новую книгу «Архива», какъ скоро она выйдетъ. У меня всего три книги «Архива»: нѣтъ ли четвертой? Вообще же и впредь не оставляйте своею милостью и помощью

Вамъ душевно преданнаго и покорнѣйшаго вашего слуги

А. Гильфердинга.

Мой поклонъ всѣмъ, кто обо мнѣ вспомнитъ.—Въ Вѣнскій Архивъ меня не пустили подъ вѣжливымъ предлогомъ. Для любителей Русской словесности одинъ Варшавскій житель прилагаетъ Ломоносова, Княжнина и Хемницера. Я просилъ одного господина, который ѣдетъ въ Пулавы, справиться о Гундуличевой рукописи. Но я слышалъ, что вся библіотека Чарторижскихъ во время войны 1831 года перевезена была въ Галицію.

3.

Достопочтеннѣйшій Иванъ Антоновичъ! Я послалъ Вамъ нѣсколько книгъ, какъ изъ тѣхъ, которыя Вы мнѣ поручили доставить Вамъ, такъ и другія, которыя, по моему мнѣнію, должны были быть занимательны для Васъ и для Вашихъ Хорватовъ.—Сегодня посылаю Вамъ «Annali di Ragusa», съ душевною благодарностью за это драгоцѣнное сообщеніе и съ извиненіемъ, что продержалъ рукопись такъ долго; къ Вашей рукописи прилагаю «Слово о Богомилахъ» въ полную собственность Вамъ или тому, кому вы захотите отдать эту тетрадь. О другихъ Вашихъ порученіяхъ скажу слѣдующее:

1) «Матеріалы для исторіи письменъ» и «Временникъ» вышлю при первомъ удобномъ случаѣ.

2) Пулавская рукопись не находится въ Царствѣ Польскомъ; передъ самою революціею 1830 года Чарторижскій перевезъ всю свою библіотеку въ замокъ Сеняву въ Галиціи; если поэма Гундулича сохранилась, то она тамъ. Такъ какъ Сенява находится въ Австрійскомъ государствѣ, то Вамъ легче будетъ, чѣмъ мнѣ, поискать этой рукописи. Впрочемъ, одинъ Варшавскій ученый обѣщалъ сдѣлать все, что можетъ для этого.

3) Художественныя извѣстія, какихъ Вы желаете, постараюсь достать для Васъ въ Москвѣ, куда думаю поѣхать черезъ три недѣли и провести тамъ нѣсколько времени.

4) «Путешествіе Григоровича» еще не могъ найти, оно библіографическая рѣдкость. Сочиненія Срезневскаго, выписки изъ Даніила пришлю. Свѣдѣнія (впрочемъ немногочисленныя) о Бѣлохорватахъ найдете въ началѣ Несторовой лѣтописи, которую я Вамъ прислалъ; кромѣ того объ нихъ часто упоминается въ началѣ Польскихъ лѣтописцевъ Кадлубка, Длугоша (оба изданы въ книгѣ Ioannis Dlugossi seu Longini Historia Polonica, Francofurti 1711) и Богухвала (въ Silesiacarum rerum Scriptores, изд. Sommersberg, Lipsiae 1729); но эти лѣтописи такъ мало достовѣрны, столько въ нихъ басенъ и лжи, что непремѣнно нужно прочесть извѣстія о Хорватахъ въ связи съ цѣлымъ разсказомъ, иначе попадешь непремѣнно въ ошибки, поэтому я не посылаю Вамъ выписокъ, а указываю только на необходимость для Васъ просмотрѣть эти книги, которыя найдете навѣрное въ Вѣнѣ, а можетъ быть и на Вашемъ Загребскомъ «пяневскомъ градѣ». Если бы у Богухвала нашлось мѣсто для Васъ очень важное, то совѣтую обратиться къ Мацѣевскому въ Варшаву и просить повѣрки текста: онъ говорилъ мнѣ, что изданіе Соммерсберга полно ошибокъ, и что у него есть древній, исправный текстъ Богухвала. Были Хорваты и въ Чехіи: объ нихъ Вы вѣроятно знаете показанія Космы Праж-

скаго и то, что говоритъ Шафарикъ? Просмотрите Эрбена Regesta Bohemiae. Нѣсколько извѣстій изъ другихъ источниковъ надѣюсь Вамъ прислать.

Съ нетерпѣніемъ жду отъ Васъ вѣстей и жажду драгоцѣнностей, которыя по Вашей добротѣ заготовляются для меня въ Загребѣ. Когда Вамъ не будутъ нужны Житія Саввы и Стефана Лазаревича, то пошлите ихъ къ о. Раевскому. Буду также очень радъ получить то, что у Васъ для меня списывается, чтобы скорѣе пользоваться всѣми этими историческими богатствами. Когда буду въ Москвѣ, постараюсь порыться въ рукописяхъ Синодальной библіотеки: можетъ быть, найду что нибудь хорошее.

До Васъ и вообще до всѣхъ Вашихъ Хорватскихъ ученыхъ есть покорнѣйшая просьба: участвовать въ новомъ 3-хъ-мѣсячномъ журналѣ, который будетъ издаваться въ Москвѣ подъ названіемъ «Русская Бесѣда» (одинъ изъ главныхъ дѣятелей въ немъ извѣстный Вамъ по имени Хомяковъ), и который будетъ обращать особенное вниманіе на славянскую науку и словесность. Я, кажется, говорилъ вамъ уже объ немъ и г-нъ М. Б. [1]) обѣщалъ мнѣ для него свой сборникъ пословицъ. Пожалуйста, попросите его прислать пословицы как можно скорѣе, и для нихъ было бы мѣсто во 2-ой книжкѣ Бесѣды, если бы я могъ получить ихъ скоро, потому что онѣ будутъ, я увѣренъ, истиннымъ украшеніемъ для новаго изданія; а кромѣ того доставляйте или попросите доставлять «Бесѣдѣ» всякія свѣдѣнія и статьи о Хорватской словесности, о Вашихъ историческихъ открытіяхъ, о бытѣ поселянъ Хорватскихъ, Далматинскихъ и т. д. Редакція «Русской Бесѣды» напишетъ Вамъ съ своей стороны.

Мнѣ очень хотѣлось бы написать статейку по Хорвато-Сербскому этнографическому и литературному вопросу, постараться познакомить нашихъ читателей съ этимъ споромъ и сказать безпристрастное слово. Къ сожалѣнію, я не записалъ у Васъ разныхъ data, которыя при этомъ нужны. Вы можете легко помочь мнѣ, сообщивъ коротенькія данныя по этому вопросу, особенно о слѣдующемъ: 1) какая теперешняя этнографическая граница Хорватовъ и Сербовъ, гдѣ и когда въ Босніи и Герцеговинѣ народъ называлъ себя Хорватами; 2) было ли имя Хорватовъ въ Черногоріи; 3) какія заглавія (tituli) книгъ XVI или XVII столѣтія, гдѣ сказано Harvatski jezik (при этомъ просилъ бы для образца языка двѣ три строки); и какое заглавіе Загребской библіи, гдѣ сказано Slovenski jezik (тоже съ образчикомъ); 4) когда начался споръ, кто предложилъ имя Jlliri или Jugoslaveni, и какія послѣднія явленія этого спора.

Я означаю эти вопросы не за тѣмъ, чтобы Вы именно, занятые столь

[1]) Извѣстный писатель и дѣятель Хорватскій Мирко Боговичъ.

многими и столь важными для науки трудами, отвѣчали на нихъ: отвѣтить можетъ всякій другой изъ вашихъ друзей, у которыхъ есть досугъ. Я не прошу подробныхъ свѣдѣній, а самыхъ лаконическихъ указаній (но указаній какъ можно больше), и прошу только, чтобы это было прислано поскорѣе, иначе моя статья опоздаетъ.

Прощайте, дай Вамъ Богъ здоровья и успѣха въ работахъ Вашихъ. Усердно кланяюсь всѣмъ, кто меня вспомнитъ.

Вашъ преданнѣйшій и покорнѣйшій слуга

А. Гильфердингъ.

23 марта 1856
ст. ст.

P. S. Для ускоренія, пришлите письмо по почтѣ, или если отправите къ Раевскому, то скажите, чтобы онъ послалъ по почтѣ, а не дожидался курьера.

P. S. Занимаюсь теперь обработкою Болгарско-Сербской Исторіи въ XI-мъ вѣкѣ, и надѣюсь скоро издать свою работу. Повторяю свою усерднѣйшую просьбу: если есть у Васъ какія нибудь свѣдѣнія, касающіяся до этой эпохи и обнародованіемъ которыхъ Вы сами не дорожите, сообщить мнѣ ихъ съ Вашею всегдашнею благосклонностью.

4.

Карлсбадъ $\frac{9}{21}$ іюля 1856.

Достопочтеннѣйшій Иванъ Антоновичъ!

Судьба опять принесла меня въ Ваши края, если не на югъ, то на сѣверъ Австрійскаго государства. Отецъ мой долженъ былъ возобновить лѣченіе на Карлсбадскихъ и Франценсбадскихъ водахъ, и я опять пріѣхалъ съ нимъ. Самъ пью здѣсь Маріенбадскій «Kreuzbrunn», но сбираюсь на будущей недѣлѣ сдѣлать новую ученую поѣздку къ потомкамъ Балтійскихъ славянъ. Какъ въ прошломъ году я ѣздилъ въ Ганноверское Прилабье, такъ теперь думаю посѣтить Кашубовъ подъ Гданскомъ. Что извлеку изъ этой поѣздки, не знаю, но надѣюсь найти кое что любопытнаго. Потомъ возвращусь въ Франценсбадъ, и оттуда поѣду съ отцемъ въ Остенде или къ какимъ нибудь другимъ морскимъ купальнямъ, которыя мнѣ предписываются. Какъ бы хотѣлось на возвратномъ пути еще разъ побывать у южныхъ славянъ, повидаться съ Вами, но едва ли удастся.

Изъ Берлина я послалъ Вамъ черезъ Вѣну нѣсколько книгъ, которыя Вы желали имѣть: Матеріалы для исторіи письменъ, Болгарскія народныя пѣсни, Срезневскаго нѣсколько статей и проч. Получили ли Вы эти книги? Получили ли Вы также двѣ моихъ брошюрки, посланныя прямо unter Kreuzband? Очень желалъ бы знать Ваше мнѣніе о статьѣ моей про Лужичанъ. «Русская Бесѣда» будетъ Вамъ доставляться редакціею (кажется даже въ 2 экз.) и 1 № уже посланъ.

Вообще я просилъ бы Васъ доставить мнѣ списокъ всѣхъ Русскихъ книгъ, которыя Вы получили со времени моего выѣзда изъ Загреба. Мнѣ хочется знать, дошло-ли до Васъ все, что я послалъ, что еще нужно послать.

Теперь посылаю Вамъ, какъ подарокъ автора Загребскимъ литераторамъ «Семейную» хронику Аксакова (Сергѣя Тимоѳеевича, отца двухъ Аксаковыхъ, которые также извѣстны у насъ, Константинъ какъ ученый, Иванъ какъ поэтъ): эта книга замѣчательна по красотѣ языка и изяществу изложенія и имѣла у насъ успѣхъ небывалый со времени Пушкина. Не забудьте при томъ, что сочинитель ея 85-лѣтній старикъ, и только нѣсколько лѣтъ выступилъ у насъ на литературное поприще. Прилагаю еще 2 тома Русскихъ баснописцевъ (Крылова Вы уже имѣете), а черезъ нѣсколько времени Вы получите сочиненія Луганскаго (псевдонимъ; собств. имя—Даль), гдѣ найдете много занимательнаго и характеристическаго—Русскаго.

Я получилъ передъ отъѣздомъ Ваше письмо съ приложеніемъ этнографическихъ данныхъ о Хорватахъ и свѣдѣній о старой хорватской литературѣ. Очень и очень благодарю Васъ за это; путешествіе не дало мнѣ времени воспользоваться Вашимъ подаркомъ, но какъ только будетъ досугъ, примусь за дѣло.

Я былъ бы необыкновенно радъ получить отъ Васъ или кого нибудь изъ Вашихъ что нибудь для «Русской Бесѣды». Г. Боговичъ обѣщалъ сборникъ пословицъ: что онъ его не пошлетъ? Какъ-бы хорошо было помѣстить какую нибудь этнографическую статью о Вашемъ народѣ, напр. описаніе быта, обычаевъ, народнаго управленія того или другаго края, Хорватскаго или Далматскаго? Или что нибудь о литературѣ? Мы были-бы Вамъ чрезвычайно благодарны. Ожидаю отъ Васъ богатой поживы историческими матеріалами. Нѣсколько дней до выѣзда изъ Петербурга меня выбрали членомъ Общества Исторіи и Древностей въ Москвѣ, и требовали, чтобы я тотчасъ далъ что нибудь во «Временникъ». Не имѣя ничего другаго въ готовѣ, я выбралъ 9 или 10 изъ Латинскихъ грамотъ, которыя Вы мнѣ дали, и послалъ ихъ въ Общество для напечатанія. Вы простите мнѣ, что я такъ смѣло распорядился чужимъ добромъ?

Нѣкоторые изъ нашихъ Московскихъ ученыхъ «славянофиловъ», которымъ

я говорилъ про множество юридическихъ памятниковъ Далматскихъ общинъ, какія я у Васъ видѣлъ, были-бы крайне рады издать два-три такихъ памятника въ подлинникѣ съ Русскимъ переводомъ: у насъ эта часть совершенно неизвѣстна, даже никто не знаетъ почти объ этихъ общинахъ, имѣвшихъ нѣкогда такое значеніе и такой развитой внутренній бытъ. Если Вы не имѣете другихъ предположеній на счетъ этихъ памятниковъ, то очень одолжили бы насъ доставкою такихъ матеріаловъ для изданія, въ томъ числѣ Устава Которскаго, который такъ меня занялъ, что я просилъ у Васъ списка его?

Если это Вамъ не противно, то мы еще спишемся на счетъ такого предположенія.

Забылъ спросить Васъ: получили-ли рукопись о Богомилахъ. Меня очень радуетъ мысль, что Вы ее хотите напечатать, также какъ то, что Вы издали житіе Дечанскаго. Корректурные листы тотчасъ послалъ въ Троицкую Лавру къ Профессору Горскому для сличенія, но къ несчастью подлинникъ былъ взятъ кѣмъ-то съ разрѣшенія Митрополита, и возвратится въ библіотеку только въ концѣ лѣта; потому Горскій просилъ обождать съ исправленіемъ до будущей книжки Архива, но обѣщалъ доставить ихъ непремѣнно. Спискомъ Слова о Богомилахъ я тоже одолженъ Горскому, и онъ ничего не имѣетъ противъ изданія его Вами; списокъ довольно вѣрный; но замѣтьте, что Слово это кончается тамъ, гдѣ есть упоминовеніе объ Іоаннѣ экзархѣ Болгарскомъ, и что остальное въ посланной Вамъ тетради уже не принадлежитъ къ нему.

Я оставилъ въ Берлинѣ большой пакетъ книгъ, для Васъ назначенныхъ Московскимъ обществомъ Исторіи и Древностей: это 23 выпуска его «Временника». Какъ доставить Вамъ этотъ тюкъ? Можно ли черезъ коммиссіонера (speditenr)?—Директоръ Публичной библіотеки въ Петербургѣ, баронъ Модестъ Андреевичъ Корфъ спрашивалъ у меня о томъ, кто бы хотѣлъ и могъ въ Вашихъ краяхъ состоять въ ученыхъ сношеніяхъ съ этимъ главнымъ книгохранилищемъ Россіи. Я указалъ ему, разумѣется, на Васъ. Вы должны скоро получить, если не получили, дипломъ на званіе почетнаго члена Императорской Библіотеки.

Дипломъ Академическій Вы такъ долго не получаете потому, что онъ подписывается въ какіе то весьма рѣдкіе сроки, въ полномъ засѣданіи Академіи. Но Вы его получите.

Я просилъ Срезневскаго касательно доставленія Вамъ правилъ Академіи. Иванъ Ивановичъ Давыдовъ—Предсѣдатель II-го Отдѣленія Академіи (Отдѣленія Русскаго языка и словесности); секретарь—Коркуновъ, Срезневскій—редакторъ Извѣстій и Ученыхъ записокъ.

По задачѣ Уварова у насъ ничего до сихъ поръ не вышло; свѣдѣній

о художникахъ не удалось для Васъ найти, но въ этомъ взялся помочь издатель Болгарскихъ пѣсенъ, Безсоновъ.

Всѣ другія Ваши порученія я, по возможности, исполнилъ или объ нихъ увѣдомилъ Васъ въ предъидущемъ письмѣ. Пошлю Вамъ вмѣстѣ съ Семейною Хроникою выписки изъ Арабскаго географа Эдризи (во Французскомъ изданіи), которыя я велѣлъ для Васъ сдѣлать. Тутъ много о Далмаціи. Очень радъ буду, если это окажется для Васъ новостью. Эдризи жилъ, сколько помню, въ XII столѣтіи.

Прощайте, будьте здоровы. Поклонитесь отъ меня усердно всѣмъ господамъ, которые сохранили обо мнѣ такое доброе воспоминаніе, Враницани, Боговичу, Мажураничамъ, Праусу, Бабукичу и проч. и вѣрьте искреннему почтенію, съ которымъ остаюсь всегда

Вашимъ преданнѣйшимъ слугою

А. Гильфердингъ.

Адресуйте мнѣ до 10 Іюля (нов. ст.) въ Карлсбадъ (Cursaal, № 8), потомъ цѣлый мѣсяцъ во Франценсбадъ, дальнѣйшій адресъ дамъ въ послѣдствіи.

5.

13 (25) іюля 1856. Франценсбадъ.

Достопочтеннѣйшій Иванъ Антоновичъ,

Я получилъ въ странѣ Кашубовъ дорогое письмо Ваше отъ 5 іюля. Очень обрадовался извѣстію о Вашемъ новомъ путешествіи въ Далмацію, которое принесетъ непремѣнно богатый плодъ наукѣ. Чрезвычайно хотѣлось-бы сопровождать Васъ, но теперь не могу вновь отлучиться отъ своего отца. Четыре недѣли провелъ я въ Стольскомъ, Лауенбургскомъ, Бытовскомъ и Пуцкомъ (Putzig) краѣ, и чрезвычайно доволенъ этою поѣздкою. Вчера только возвратился изъ Данцига.

Посылаю Вамъ сегодня же два остальные тома сочиненій нашего юмориста и описателя народныхъ нравовъ, Луганскаго (собственно фамилія его Даль) и нѣсколько экземпляровъ своихъ сочиненій, которые прошу Васъ, если они не обременятъ Вашего чемодана, взять съ собою въ Далмацію и тамъ раздать занимающимся исторіею. Не понимаю, почему «Русская Бесѣда» не дошла до Васъ.—Я хотѣлъ уже послать Вамъ свой экземпляръ, но удержался въ увѣренности, что съ тѣхъ поръ Вы ее получили. Нельзя ли бы

Вамъ сказать объ этомъ журналѣ въ Далмаціи, и доставить мнѣ, при невозможности личнаго, письменное знакомство съ кѣмъ нибудь изъ тамошнихъ дѣятелей? Я могъ-бы сообщать Русскимъ читателямъ въ Бесѣдѣ извѣстія, оттуда получаемыя.—Чрезвычайно обрадовался я Вашему обѣщанію прислать статью въ Бесѣду; также благодарю Васъ душевно за посланныя мнѣ книги и матеріалы. Я не получилъ ихъ еще, они вѣроятно находятся у Раевскаго. Въ Далмаціи не забывайте моего твердаго намѣренія продолжать при первой возможности изданіе своихъ «Писемъ» объ исторіи Сербовъ и Болгаръ. Не забудьте также желанія нѣкоторыхъ изъ Московскихъ славянистовъ—получить для изданія какіе нибудь памятники юридической старины Далматской и Хорватской,—памятники слишкомъ мало оцѣненные и у насъ совершенно неизвѣстные.

Прощайте, будьте здоровы, дай Богъ Вамъ многихъ, многихъ успѣховъ и открытій. Не теряю надежды съ Вами повидаться въ нынѣшнемъ году. А пока, обрадуйте меня еще письмомъ. Вотъ еще что Вы могли бы легко сдѣлать, къ великому для насъ всѣхъ удовольствію: написать, для помѣщенія въ Р. Бесѣдѣ, какія нибудь письма, извѣстія изъ Далмаціи, Апуліи и проч.; не нужно строго ученыхъ извѣстій, довольно легкихъ описаній, если Вы ученыя свои находки захотите обнародовать сначала, какъ и слѣдуетъ, въ Хорватскихъ изданіяхъ. Можете всегда адресовать ко мнѣ. До 8 Авг. нов. ст. я буду въ Франценсбадѣ; потомъ пишите: A. A. H. Frankfurt—a M. abzugeben bei der russischen Gesandschaft.

Остаюсь, какъ всегда, съ душевнымъ почтеніемъ

Вашимъ преданнѣйшимъ слугою

А. Гильфердингъ.

NB. Въ случаѣ, если бы кто нибудь изъ Далмаціи захотѣлъ мнѣ доставить что нибудь или писать ко мнѣ въ послѣдствіи, то скажите, чтобы всегда адресовали ко мнѣ черезъ отца М. Ѳ. Раевскаго въ Вѣнѣ.

6.

Вѣна. 6 Декабря 1856.

Почтеннѣйшій Иванъ Антоновичъ,

Не зная, гдѣ Вы находитесь, посылаю письмо на имя супруги Вашей. Хочу обратить Ваше вниманіе на Славянскій Codex precum cum calendario, находящійся въ библіотекѣ Герцога Пармскаго. Объ немъ прочелъ я извѣстіе въ Польской книгѣ Wiadomość bibliograficzna o rękopismach zawierających w

sobie Rzeczy Polskie przez Alex. Przezdzieckieqo. Warszawa 1850, стр. 118. Пржездецкій видѣлъ рукопись въ Прагѣ и выписалъ изъ нея некрологъ Боснійскихъ королей; но къ сожалѣнію онъ не умѣлъ читать по славянски, такъ что изъ его выписки ничего нельзя вывести, кромѣ именъ Твертка, Дабиши и Остои. Было бы очень полезно, если бы Вы могли познакомить ученый свѣтъ съ этимъ памятникомъ.

Я ѣду теперь черезъ Новый Садъ въ Бѣлградъ. На возвратномъ пути въ Январѣ, думаю посѣтить Загребъ. Сердечно желалъ бы Васъ тамъ застать и опять поработать надъ исторіею подъ Вашимъ руководствомъ. Благоволите написать мнѣ въ Бѣлградъ, въ Русское Консульство.

Желаю Вамъ душевно всевозможныхъ успѣховъ.

Вамъ преданнѣйшій и покорнѣйшій Вашъ слуга

А. Гильфердингъ.

7.

Почтеннѣйшій Иванъ Антоновичъ. Посылаю Вамъ вырѣзку изъ газеты Варшавской, доставленную мнѣ для Васъ.—Очень сожалѣю, что такъ давно ничего отъ Васъ не получалъ. Писалъ Вамъ зимою въ Венецію. Получили ли Вы письмо?—Сообщите мнѣ о ходѣ Вашихъ ученыхъ работъ, и если вышло у Васъ что нибудь новаго, пришлите. Вышла-ли 4-я книга Архива? Мы теперь съ Вами сосѣди и слѣдовало бы имѣть чаще другъ о другѣ свѣдѣнія. Будьте здоровы. Вамъ преданнѣйшій слуга

А. Гильфердингъ.

Сараево $\frac{16}{28}$ іюля 1857 г.

Къ письму изъ Сараева $\frac{16}{28}$ іюня 1857 г. Гильфердингъ приложилъ вырѣзку изъ Gazeta Warszawska (№ 191 за 1856 г. $\frac{12}{24}$ іюля), въ которой помѣщена замѣтка польскаго ученаго Андрея Кухарскаго, вызванная запискою къ нему Гильфердинга. Гильфердингъ пишетъ, будто-бы въ Новой Александріи (т. е. Пулавахъ) находился въ библіотекѣ князей Чарторижскихъ экземпляръ перевода «Освобожденнаго Іерусалима» Тасса, сдѣланнаго Гундуличемъ (+1638). «Гундуличъ посвятилъ это свое произведеніе, писалъ Гильфердингъ Кухарскому, польскому королю Владиславу IV. Поэма эта не была напечатана, а другія копіи ея пропали во время землетрясенія 1667 г., разрушившаго Дубровникъ». Кухарскій замѣчаетъ по этому поводу, что могъ

быть экземпляръ «Османиды» Гундулича, посвященный королю польскому Владиславу IV, ибо Гундуличъ воспѣваетъ его и славу поляковъ, но сомнѣвается, чтобы такой экземпляръ могъ быть въ Пулавахъ. Онъ предполагаетъ, что тамъ находился экземпляръ «Османиды», привезенный изъ Рима епископомъ Ридополитанскимъ ранѣе 1825 г.—Гундуличъ дѣйствительно переводилъ поэму Тасса (Appendini. Notizie istorico-critiche. Ragusa 1803. Томъ II, стр. 234), но сообщаетъ при этомъ, что этотъ переводъ пропалъ во время разрушенія Дубровника 1667 г.

8.

Сараево. 16 (28) Января 1858.

Почтеннѣйшій Иванъ Антоновичъ,

Передо мною цѣлую вѣчность лежитъ Ваше уважаемое письмо, и я еще не собрался отвѣтить Вамъ. Очень благодарю за книги, доставленныя черезъ г. Моріера.

Я провелъ 6 недѣль прошлаго лѣта въ путешествіи, ѣздилъ въ Новый Пазаръ, Печь, Дечане, Призренъ, Приштину, и на возвратномъ пути черезъ Герцеговину осмотрѣлъ запустѣлые монастыри на Тарѣ. Рукописей нашелъ очень много, особенно въ послѣднихъ, но, разумѣется, большая часть богословскаго содержанія. Есть однако и нѣкоторыя интересныя вещи для исторіи. Если бы зналъ, когда приблизится время изданія слѣдующей книги Архива, я прислалъ бы Вамъ что нибудь, и переписалъ бы тщательно, такъ что не было-бы тѣхъ ошибокъ и опечатокъ, за которыя справедливо упрекаютъ изданіе житія св. Стефана Дечанскаго. Напечатано ли Вами слово Козмы Пресвитера противъ Богомиловъ?

Теперь мнѣ позволено возвратиться домой, и я съ нетерпѣніемъ жду пріѣзда моего преемника, чтобы отправиться въ путь. Пребываніе въ Босніи оставитъ во мнѣ пріятное впечатлѣніе по своей оригинальности и значительной ученой добычѣ; но, по совѣсти скажу, надолго я никому не желаю вкусить Сараевской жизни.

Очень порадуете меня письмомъ.

Если не хотите карать грѣшнаго его собственною виною, напишите немедленно, и адресуйте въ Вѣну, на имя о. Протоіерея Раевскаго или въ Русское посольство. Я засталъ бы Ваше письмо при проѣздѣ черезъ Вашу столицу. Если можете, пришлите мнѣ, пожалуйста, IV кн. Архива и то, что Брличъ издалъ о Косовской битвѣ. Если будете читать Русскую Бесѣду, найдете тамъ мой отчетъ о путешествіи своемъ по Турціи.

Какъ мнѣ жалко было, что Вы до Сараева не доѣхали. Почему? Были ли Вы въ Сутѣскѣ? Я былъ въ обоихъ Латинскихъ монастыряхъ, Фойницѣ и Крешевѣ, но тамъ ничего не нашелъ; въ Сутѣскѣ не могъ быть, а тамъ, говорятъ, есть какая то лѣтопись.

Я окончилъ въ Сараевѣ вторую эпоху исторіи Сербовъ и. Болгаръ (976—1019) и буду печатать тотчасъ по возвращеніи въ Россію. Теперь обработываю 3-ю эпоху (1019—1159). Если бы Вы могли сообщить мнѣ какія нибудь данныя для этихъ двухъ періодовъ, чрезвычайно бы обязали.

Напечатали ли Вы грамоты, обозначенныя въ Вашемъ Izvestje o Putovanju. на стр. 22? Эти грамоты особенно важны для меня.

Надѣюсь, что Ваше здоровіе Вамъ служитъ хорошо при неутомимыхъ трудахъ Вашихъ. Прошу Васъ передать поклоны всѣмъ, кто меня вспомнитъ, и вѣрить искренней преданности

Вашего покорнѣйшаго слуги

А. Гильфердинга.

P. S. Что, словарь Шулека идетъ впередъ? Если будутъ выходить у Васъ матеріалы и для лингвистики Хорватской и Славянской, сообщайте мнѣ, пожалуйста.

Примѣчаніе Редактора

Эти письма молодого (23-хъ—25-ти лѣтняго) Гильфердинга къ извѣстному и заслуженному, покойному Хорватскому общественному и политическому дѣятелю, археологу и историку, Ив. Кукулевичу-Сакцинскому доставлены намъ въ вѣрной копіи проф. Варшавскаго у-та, П. А. Кулаковскимъ, снятой имъ прошлою зимой въ Загребѣ. Покойный А. Ф. Гильфердингъ, бывшій Предсѣдательствующій въ Отдѣленіи Этнографіи нашего Общества, занимаетъ почетное мѣсто въ русской этнографіи своими замѣчательными трудами о Босніи и Герцеговинѣ, о Кашубахъ, а превосходнымъ сборникомъ записанныхъ имъ Былинъ Олонецкаго края и прекрасною, увы преждевременною смертью — онъ палъ жертвою ученой любознательности — Гильфердингъ записалъ свое имя золотыми буквами въ лѣтописяхъ нашей науки. Кромѣ того, за неполныя 20 лѣтъ своей дѣятельности, съ выхода изъ Московскаго университета до своей смерти, Гильфердингъ цѣлымъ рядомъ большихъ трудовъ и разныхъ статей оказалъ почтенныя услуги исторіи славянскихъ народовъ и вообще Славяновидѣнію, а своею государственною службою сначала въ М-вѣ иностранныхъ дѣлъ, а потомъ въ Госуд. Совѣтѣ, наконецъ въ качествѣ Основателя и Предсѣдателя Славянскаго благотворительнаго комитета въ Петербургѣ онъ принесъ не мало существенной пользы нашему отечеству по сношеніямъ и сближенію нашимъ съ славянскими землями, а также по дѣлу освобожденія крестьянъ въ Россіи и по важнымъ преобразованіямъ въ Польшѣ, когда состоялъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ сотрудниковъ Н. А. Милютина.—

Олекминскіе скопцы.

Историко-бытовой очеркъ.

I.

Два года тому назадъ, живя въ глуши Олекминскаго округа, мы предприняли изслѣдованіе быта Олекминскихъ скопцовъ и выбрали изъ архивныхъ источниковъ свѣдѣнія по исторіи поселенія ихъ въ Якутской области, но до сихъ поръ намъ не удалось воспользоваться добытыми нами и, на нашъ взглядъ, интересными матеріалами, относящимися къ культурному якобы значенію скопцовъ для Якутской области и вмѣстѣ съ тѣмъ освѣщающими, въ нѣкоторой степени, ходъ развитія скопчества—этого антиобщественнаго ученія въ Россіи за послѣдніе годы.

Въ виду одностороннихъ и, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ пристрастныхъ намъ попавшихся отзывовъ и отчетовъ административныхъ лицъ о великомъ значеніи и полезности для края скопцовъ, мы рѣшили теперь, по пословицѣ: лучше поздно чѣмъ никогда, изложить для печати результаты нашего изученія.

За послѣдніе годы не мало было печатаемо журнальныхъ статей и спеціальныхъ трактатовъ о скопчествѣ и генетически связанной съ нимъ хлыстовщинѣ, съ изложеніемъ главнымъ образомъ догматической, обрядовой и нравственной сторонъ ученій этихъ крайнихъ религіозныхъ сектъ, но мало или вовсе не затрагивался бытъ ихъ. Поэтому мы думаемъ, что, помимо локальнаго значенія, описаніе образа жизни скопцовъ въ ссылкѣ можетъ имѣть и общій интересъ и, такъ какъ въ настоящее время скопцы высылаются исключительно въ Якутскую область, оно можетъ дать также нѣкоторое указаніе для заключеній о распространеніи и его раіонахъ или остановкѣ развитія скопческаго ученія на мѣстѣ его происхожденія, въ Европейской Россіи, откуда ежегодно не прекращается высылка скопцовъ по судебнымъ приговорамъ.

Хотя по тождеству религіозно-нравственныхъ мотивовъ наши скопцы имѣютъ предшественниковъ какъ въ христіанствѣ, такъ даже и въ древнемъ язычествѣ, но, не говоря уже о восточномъ и римскомъ евнушествѣ, преслѣдовавшемъ другія, не религіозныя цѣли, русское скопчество, кромѣ общаго сходства свойственнаго заблужденіямъ человѣческаго духа вообще, не имѣетъ преемственной связи съ единичными случаями религіознаго изувѣрства пер-

выхъ и послѣдующихъ вѣковъ христіанства на западѣ и впослѣдствіи у насъ. Языческіе же предки наши, по свидѣтельству Карамзина, не скопились. Русское скопчество выросло на почвѣ ученія хлыстовской секты о грѣховности сожительства половъ—ученія, приведшаго только послѣдователей секты къ совершенно другимъ результатамъ на практикѣ. Слабость и потребности человѣческой природы довели хлыстовъ до отрицанія только формальнаго брака и до отвращенія къ плодамъ сожительства—дѣтямъ, но терпимо стали относиться къ случайному блуду и тайному разврату. Многіе изъ хлыстовъ стали учить, что «только бракъ законный есть блудъ и скверна, яко противный Богу, а то не есть блудъ, когда братъ съ сестрой по взаимной склонности, имѣютъ плотскую любовь» [1]). Скопчество такимъ образомъ явилось реакціей противъ хлыстовской разнузданности, отдѣлилось отъ хлыстовщины и образовало отдѣльную религіозную общину. Первое образованіе ея имѣло мѣсто въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія. По крайней мѣрѣ первыя оффиціальныя свѣдѣнія о скопцахъ, какъ сектѣ, относятся къ 1772 году. Съ тѣхъ поръ исторія распространенія скопческой секты изъ мѣста ея возникновенія, Орловской губерніи, на большую часть губерній Европейской и Азіатской Россіи служила неоднократно предметомъ ученаго изслѣдованія, а исторія ея гоненій и страданій представляетъ не малый интересъ, какъ судьба то покровительствовала, то предавала ее преслѣдованіямъ, пока въ царствованіи императора Николая Павловича не были приняты административнымъ и законодательнымъ путями болѣе энергичныя и постоянныя мѣры къ «искорененію» скопчества. Вотъ почему недобрая память сохранилась у скопцовъ объ этомъ императорѣ. Не лучшей симпатіей пользуются у скопцовъ Екатерина II и Павелъ Петровичъ, въ царствованіи которыхъ періодически предпринимались гоненія противъ нихъ. За то императоръ Александръ I, выказавшій къ скопцамъ особую терпимость, почитается у нихъ даже приверженцемъ скопческаго ученія.

Такъ какъ возникновеніе скопчества какъ секты относится ко времени, когда смертная казнь въ Россіи за общеуголовныя преступленія уже не примѣнялась, то въ лѣстницѣ наказаній, которымъ подвергались скопцы, мы не встрѣчаемъ смертной казни, несмотря на курьезное политическое самозванство основателя секты Селиванова. Только въ 1839 году Кронштадтскій военный судъ приговорилъ подпоручика Царенко къ смертной казни черезъ сожженіе за распространеніе скопчества въ войскѣ [2]). Въ концѣ прошлаго столѣтія и въ началѣ нынѣшняго къ скопцамъ примѣняли обычныя тогда уголовныя

---

[1]) Реутскаго. Люди божьи и скопцы.

[2]) Кутеповъ. Секты хлыстовъ и скопцовъ.

наказанія: кнутъ, каторгу, ссылку и сдачу въ солдаты. Въ 1838 году, по особому распоряженію императора, изъ всѣхъ скопцовъ, находившихся въ Черноморскомъ батальонѣ, была сформирована отдѣльная военно-рабочая рота. Особыхъ зачинщиковъ скопческой секты обращали тогда въ крѣпостныя работы и ссылали въ Сибирь, а въ началѣ царствованія Александра II исключительнымъ мѣстомъ ссылки скопцовъ служитъ уже Туруханскій край Енисейской губерніи. Въ настоящее же время всѣ скопцы, лишенные по суду правъ или отбывшіе срокъ каторги, высылаются на поселеніе въ Якутскую область на основаніи Высочайшаго повелѣнія (отъ 24-го октября 1861 года), послѣдовавшаго послѣ массоваго переселенія туда Туруханскихъ скопцовъ.

Жизнь этихъ измученныхъ, слабосильныхъ и изувѣченныхъ людей на Туруханской тундрѣ, не приступной для плуга, не благопріятной для скотоводства, окруженной бродячими инородцами и посѣщаемой періодическими голодовками, была крайне тяжелая и жалкая. До 1861 года въ Якутскую область высылали всѣхъ раскольниковъ крайнихъ толковъ, за исключеніемъ скопцовъ. Получивъ свѣдѣнія о возможности въ Якутской области занятія земледѣліемъ Туруханскіе скопцы подали прошеніе о переселеніи ихъ туда на имя генералъ-губернатора Восточной Сибири Муравьева, представившаго это прошеніе съ одобрительнымъ отзывомъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ. Послѣдній въ заключеніи своемъ отъ 24-го марта 1860 года согласился съ представленіемъ генералъ-губернатора, но, сказано въ заключеніи: «скопцы должны быть водворены вдали отъ осѣдлости мѣстныхъ жителей, во избѣжаніе вреднаго вліянія на лицъ не раздѣляющихъ ихъ заблужденій». Въ томъ же году въ указѣ Правительствующаго Сената на имя генералъ-губернатора Восточной Сибири разъясняется, что на скопцовъ не распространяются манифесты отъ 27-го марта 1855 года и 26 августа 1856 года, что переходъ въ сословіе крестьянъ или мѣщанъ и отлучки изъ мѣстъ причисленія для заработковъ или по промышленнымъ цѣлямъ скопцамъ запрещены.

При такихъ условіяхъ Туруханскіе скопцы въ числѣ 319 человѣкъ отправились въ 1860 году въ Якутскую область, при чемъ больше половины этого количества ѣхало на свой счетъ. Лѣтомъ 1861 года скопцы стали прибывать отдѣльными партіями въ Олекминскъ и Якутскъ.

Распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ селить скопцовъ вдали отъ жителей, помимо своей суровости, оказалось не выполнимымъ на практикѣ. Оно упустило изъ виду потребности скопцовъ, какъ людей, и слабости сибирскихъ администраторовъ. Не говоря уже о томъ, что среди скопцовъ было много ремесленниковъ, но и при исключительномъ занятіи земледѣліемъ, скопцамъ нельзя было обойтись безъ сбыта сельско-хозяйственныхъ продуктовъ или обмѣна ихъ на другіе продукты и товары. Какъ потребности

скопцовъ не ограничены, они не могли образовать изъ себя общество, производящее для себя все необходимое и не нуждающееся въ рынкѣ и общеніи съ людьми. Это распоряженіе, а главнымъ образомъ его неопредѣленность, служили только источникомъ обильныхъ доходовъ для тогдашнихъ мелкихъ администраторовъ, имѣвшихъ дѣло съ людьми забитыми, наружно покорными и привыкшими еще въ Россіи къ приношеніямъ и подкупамъ властей. Такимъ образомъ оказалось, что 2 скопческихъ общества—Спасское и Мархинское, выросшія въ настоящее время въ громадныя богатѣйшія селенія, раскинулись—первое у самаго города Олекминска и второе въ 10 верстахъ отъ г. Якутска. Скопцы естественно тяготѣли къ рынкамъ, а ихъ глубокіе поклоны, не малые дары и, въ извѣстной мѣрѣ, человѣколюбивое къ нимъ отношеніе сибирскихъ властей вызвали рядъ представленій со стороны окружныхъ чиновъ, затѣмъ утвержденныхъ высшими властями временныхъ мѣръ, измѣненіе которыхъ не могло состояться безъ окончательнаго разоренія обстроившихся новоселовъ. Скоро, такимъ образомъ, стало сказываться экономическое вліяніе скопческихъ селеній на центры Якутскаго края. Вліяніе это не ограничилось одной только сферой сельско-хозяйственной дѣятельности скопцовъ, оно выразилось также въ ихъ торговой предпріимчивости. Начнемъ съ земледѣлія и разумѣется пока будемъ говорить объ Олекминскомъ только округѣ.

Первый опытъ земледѣлія въ краѣ былъ сдѣланъ въ 1762 г. близъ г. Якутска. Въ 1768 году съ цѣлью развитія хлѣбопашества отъ Якутска по Иркутскому тракту были поселены нѣсколько семействъ поселенцевъ. Южнѣе же по Ленѣ отъ Олекминска до Киренска и Верхоленска начали заниматься хлѣбопашествомъ еще со временъ царя Алексѣя Михайловича [1]). Съ тѣхъ поръ развитіе земледѣлія въ краѣ шло довольно туго. Оно то расширялось, то опять сокращалось. Обильные урожаи отъ маленькихъ посѣвовъ вызывали подражанія не только со стороны русскихъ поселенцевъ, но и инородцевъ. Но чередующіеся съ урожайными годами неурожайные, при неразвитости населенія и полной зависимости его отъ суровой природы, заставляли по временамъ земледѣлію дѣлать обратные шаги, обращая нерѣдко даже русскихъ переселенцевъ въ скотоводовъ. Въ концѣ же концовъ земледѣліе совершало все таки свое поступательное движеніе въ краѣ.

Въ концѣ прошлаго столѣтія и началѣ нынѣшняго восточно-сибирскія власти, по предписаніямъ правительства, постоянно заботились о развитіи этой отрасли промышленности въ области, пуская въ ходъ также отечески

---

[1]) Давыдовъ. Записки И. Русскаго Географическаго Общества 1858 г. кн. V.

патріархальныя внушенія, доставляя населенію хлѣбныя сѣмянныя зерна и огородныя сѣмена. Въ 1849 году еще было закуплено администраціей въ Иркутскомъ округѣ 10,549 пудовъ сѣмяннаго хлѣба для Киренскаго и Олекминскаго округовъ, а въ 50-хъ годахъ разработка полей какъ у русскихъ, такъ и у якутовъ стала быстро расширяться. За 1855, напр., годъ намъ неизвѣстны результаты урожая въ одномъ Олекминскомъ округѣ, но во всей области (т. е. въ Якутскомъ и Олекминскомъ округахъ—Вилюйскій тогда еще принадлежалъ къ неземледѣльческимъ округамъ области) согласно свѣдѣніямъ 3-го Отдѣленія Главнаго Управленія Восточной Сибири урожай простирался до 30,568 четвертей, т. е. 275,112 пудовъ разныхъ хлѣбовъ, главнымъ образомъ яровыхъ. Но Якутская область еще не могла тогда довольствоваться своимъ собственнымъ хлѣбомъ безъ привознаго изъ Иркутской губерніи. Разумѣется и въ настоящее время можно сказать тоже самое, если принять во вниманіе, что $^9/_{10}$ населенія области почти или совсѣмъ еще не употребляютъ хлѣба, но ввозъ его изъ Иркутской и Томской губерній значительно сократился, несмотря на то, что раіонъ употребленія хлѣбовъ расширился.

Сдѣлавъ необходимое отступленіе для краткаго обзора развитія земледѣлія въ Якутской области, мы теперь вернемся къ отношеніямъ скопцовъ къ этому вопросу. Изъ упомянутыхъ 319 туруханскихъ и нѣсколькихъ партій вновь прибывшихъ къ тому времени изъ Россіи скопцовъ въ Олекминскомъ округѣ было оставлено 260 человѣкъ—столько ихъ по крайней мѣрѣ числилось въ 1862 году. Изъ нихъ 80 челов. были поселены по рѣчкѣ Алалайкѣ вблизи города (нынѣ Спасское селеніе), а 180 челов. на устьѣ рѣки Олекмы въ 15 верстахъ отъ города (нынѣ Троицкое селеніе). Такое близкое ихъ поселеніе отъ города между прочимъ мотивировалось и слѣдующимъ обстоятельствомъ [1]): «Принимая во вниманіе разстройство хозяйствъ инородцевъ вслѣдствіе неурожая хлѣба и травъ, который предстоитъ и въ нынѣшнемъ году, нельзя нынѣ приступить къ заселенію скопцовъ въ отдаленныя мѣста, разсчитывая при этомъ по обыкновенію на содѣйствіе инородцевъ въ содержаніи поселенцевъ... Въ видахъ облегченія инородцевъ и т. д.» было разрѣшено поселить скопцовъ близъ Якутска и Олекминска. Мы указываемъ на это обстоятельство только какъ на фактъ, интересный для исторіи скопческихъ селеній въ области, потому что, каковы бы ни были побудительныя причины представленій о нарушеніи министерскаго распоряженія, мы не можемъ не сочувствовать человѣчности этихъ представленій, хотя съ другой стороны посе-

---

[1]) Журналъ Общ. присутствія Областнаго Правленія. 1861 г.

леніе скопцовъ близъ городовъ должно было въ концѣ концовъ совершиться насчетъ инородцевъ и въ ущербъ ихъ интересамъ, лишая ихъ земель близъ городовъ т. е. земель болѣе высокой цѣнности и даже расчищенныхъ, земель, на которыхъ Якуты уже занимались земледѣліемъ. Такъ, на рѣчкѣ Алалайкѣ по первой нарѣзкѣ, скопцамъ была уступлена казенная земля, но на устьѣ рѣки Олекмы, при впаденіи ея въ Лену, мірская сходка Якутовъ Мальжигарскаго наслега, состоявшаяся въ Августѣ 1861 года въ Инородной управѣ въ присутствіи исправника и по его убѣжденію, «уступила» скопцамъ 50 десятинъ расчищенной земли, 50 десят. открытаго покоса и на 5 верстъ протяженія лѣваго берега рѣки, годнаго къ расчисткѣ «съ тѣмъ», какъ сказано въ актѣ объ уступкѣ, подписанномъ 148 сородовичами: «что въ послѣдствіи начальство по какимъ либо причинамъ распорядится перемѣстить ихъ изъ Олекминскаго въ другой округъ или же по случаю неплодности самихъ скопцовъ совершеннаго искорененія, тогда выше отведенныя мѣста должны обратиться въ наше владѣніе». Понятно, что эта уступка со стороны Якутовъ была большой жертвой и скорѣй всего—не добровольной. Извѣстно, какъ трудно корчевать якутскую мерзлую и дѣвственную почву, особенно первобытнымъ способомъ, безъ корчевальныхъ орудій. Трудъ и время, вложенные въ расчистку одной десятины изъ подъ лѣса, оцѣниваются здѣсь минимумъ въ 100 рублей. Значитъ 50 десятинъ одной только расчищенной земли стоитъ не менѣе 5.000 р. Изъ акта уступки также видно, что на уступленной землѣ были якутскія жилища, потому что въ немъ говорится, что скопцы должны «сдѣлать якутамъ денежное пособіе за сносъ строеній», при чемъ размѣръ пособія тамъ не опредѣляется. Можетъ также быть, что перекочевка этихъ Якутовъ съ насиженныхъ ими разныхъ мѣстъ, на другія, не расчищенныя, остановила у нихъ процессъ развитія земледѣлія; а что уступка этихъ земель могла быть не добровольная, видно изъ того, что Якуты въ ноябрѣ мѣсяцѣ того же года дали исправнику подписку въ томъ, «что земля уступлена добровольно и что жаловаться на отнятіе этихъ мѣстъ не намѣрены». Такимъ образомъ мы видимъ, что первоначальное поселеніе скопцовъ въ Олекминскомъ округѣ не принесло пользы мѣстнымъ жителямъ. Еще было одно дѣло объ отводѣ уже въ 1870 г. скопцамъ земли, принадлежащей крестьянамъ станціи Точильной, но по иску крестьянъ земля эта была имъ возвращена.

Обращаясь теперь къ современному значенію скопческихъ хозяйствъ для округа, надо замѣтить, что похвалы, которыя сыплются на скопцовъ, какъ на «проводниковъ земледѣльческой культуры», въ оффиціальныхъ отчетахъ о хлѣбопашествѣ и экономической жизни области, кроятся, по нашему мнѣнію, въ слѣдующихъ причинахъ. Во 1-хъ, въ традиціяхъ, далеко не безкорыстныхъ, передаваемыхъ старыми чиновниками новымъ; во 2-хъ—ничего нѣтъ любезнѣе

бюрократическому сердцу, когда, не только безъ всякихъ хлопотъ, но и съ выгодой, можно сказать, что все обстоитъ благополучно, указавъ на добронравіе, опрятность и зажиточность однихъ подчиненныхъ, а о другихъ—прибавивъ, что они не стоютъ заботъ; въ 3-хъ—никто, какъ скопцы, не умѣютъ такъ ловко выставлять на показъ мѣстному или проѣзжему администратору арбузъ, дыню или другое парниковое растеніе, не имѣющіе никакого значенія для массы населенія. Разумѣется благосостояніе большинства скопцовъ, какъ земледѣльцевъ, само по себѣ, независимо отъ другихъ соображеній, не можетъ не радовать всякаго порядочнаго человѣка, но насъ заинтересовалъ другой вопросъ: насколько скопческое хозяйство повліяло на развитіе земледѣлія у крестьянъ и Якутовъ и насколько развитіе земледѣлія повліяло на большую доступность хлѣба по своей цѣнѣ, въ пищу въ Олекминскомъ округѣ. Для выясненія этого вопроса мы опять таки обратились къ цифрамъ изъ отчетовъ окружныхъ чиновъ якутскому губернатору, опровергающимъ общепринятое мнѣніе о полезности скопцовъ для края. Но прежде чѣмъ приводить эти данныя, мы хотимъ нѣсколько дополнить исторію скопческихъ селеній въ Олекминскомъ округѣ.

Въ 1863 году областное правленіе запретило селить вновь прибывшихъ скопцовъ въ пригородныя селенія, имѣя въ виду точное исполненіе распоряженія министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ 1865 году генералъ-губернаторъ Восточной Сибири распорядился объ оставленіи всѣхъ прибывшихъ скопцовъ въ Олекминскомъ округѣ, но распоряженіе это впослѣдствіи было отмѣнено вслѣдствіе представленій олекминскихъ властей о затруднительности надѣленія всѣхъ скопцовъ землею, а можетъ быть и потому, что богатые скопцы стремились къ болѣе обширному рынку—якутскому. Въ 1884 году генералъ-губернаторъ призналъ возможнымъ «къ поддержанію пригородныхъ скопческихъ селеній, пополнить ихъ вновь ссылаемыми на мѣсто вымирающихъ и дряхлѣющихъ, а также переводомъ скопцовъ изъ отдаленныхъ скопческихъ селеній». Между прочимъ раньше переводъ скопцовъ изъ одного селенія въ другое однимъ губернаторомъ разрѣшался, другимъ запрещался. Такимъ образомъ пригородныя селенія стали разростаться на счетъ другихъ, болѣе отдаленныхъ и вліяніе ихъ на экономическую жизнь городовъ, все больше и больше даетъ себя знать—особенно на такой городокъ, какъ Олекминскъ.

Теперь мы приведемъ таблицу посѣвовъ и урожаевъ для Олекминскаго округа составленную нами на основаніи окружныхъ отчетовъ за выведенные годы съ извѣстными промежутками, начиная съ 1850 года.

	1850 г. [1])			1861 г.			1862 г.			1882 г.			1888 г.		
	Десятин.	Всѣхъ хлѣбовъ.		Десятин.	Всѣхъ хлѣбовъ.		Десятин.	Всѣхъ хлѣбовъ.		Десятин.	Всѣхъ хлѣбовъ.		Десятин.	Всѣхъ хлѣбовъ.	
		пос.	род.		пос.	родил.		пос.	родил.		пос.	родил.		пос.	родил.
		Четв. [2])			Четвертей.			Четвертей.			Четвертей.			Четвертей.	
У городскихъ жителей, крестьянъ, якутовъ и переселенцевъ.	959	989	2.538	2.156	2.379	17.789	2,530	2.798	14.886	1.480	5.492	19.956	1.276	1.438	18.209
У скопцовъ.	—	—	—	—	—	—	62	62	329	246	341	2.033	451	403	3.892

Не считая городскихъ жителей, изъ которыхъ очень немногіе занимаются земледѣліемъ, и бродячихъ Тунгусовъ въ округѣ было въ 1850 г.: крестьянъ—1.026 чел., Якутовъ—8.120 чел.; въ 1882 г.: крестьянъ—1.713 чел., якутовъ—8.598 ч., а скопцовъ: въ 1862 г.— 272 чел., въ 1882 г.—391 ч.

Изъ этой таблицы мы видимъ, что за 11 лѣтъ, отъ 1850 до 1861 года, посѣвъ хлѣбовъ въ округѣ увеличился болѣе чѣмъ вдвое, а съ 1862 г., т. е. года перваго земледѣльческаго опыта въ округѣ скопцовъ, до 1882 г. т. е. за 20 лѣтъ—запашки коренного населенія не умножились на 2, а еще черезъ 6 лѣтъ, въ 1888 году, обработка полей даже сократилась. Но послѣднее обстоятельство надо приписать неурожаямъ нѣсколькихъ лѣтъ подъ рядъ. И такъ, говорить, какъ это принято, о благодѣтельномъ вліяніи скопческой земледѣльческой культуры на коренное населеніе, въ смыслѣ ея привитія и вызыванія подражанія, нельзя. Скопческіе земледѣльческіе успѣхи скорѣе вызываютъ зависть, потому что въ этихъ успѣхахъ, по невозможности какихъ бы то ни было родственныхъ союзовъ со скопцами, поселеніе не можетъ имѣть своей доли и въ этихъ успѣхахъ повинно не одно трудолюбіе выносливыхъ, но слабосильныхъ скопцовъ, а въ нихъ играютъ роль факторы которыхъ нѣтъ въ хозяйствѣ бѣдныхъ крестьянъ и Якутовъ. Благодаря

---

[1]) Неурожайный годъ.

[2]) Четверть = 9 пудамъ.

своимъ средствамъ богатые скопцы сразу поставили свое хозяйство на солидную ногу, а благодѣтели изъ Россіи не оставляли страдающихъ «братьевъ» безъ помощи. Отсутствіе же дѣтскихъ ртовъ и траты времени и средствъ на семейныя заботы и на удовольствія и слабости, присущія нормальнымъ людямъ, способствуетъ накопленію скопческихъ капиталовъ. Въ силу же одного этого нельзя ставить скопцовъ въ примѣръ «гражданственности» [1]) бѣднымъ и обремененнымъ семействами, но грѣшнымъ крестьянамъ и Якутамъ. Скопческая культура, по нашему мнѣнію, не имѣетъ будущности даже въ смыслѣ передачи ея въ послѣдствіи коренныхъ жителямъ, если рядомъ со скопцами и первые не будутъ въ состояніи оказывать такіе же успѣхи на своихъ земляхъ. Способъ обработки и другіе успѣхи въ земледѣліи тоже передаются потомкамъ наслѣдственнымъ образомъ, а потомки скопцовъ это—новыя жертвы религіознаго фанатизма, прекращеніе которыхъ, надо вѣрить, наступитъ съ уничтоженіемъ народнаго невѣжества. Послѣдніе скопцы запустятъ свое хозяйство и послѣ ихъ смерти поля ихъ могутъ придти въ полное запустѣніе, если правительство не приметъ своевременно мѣръ о переходѣ ихъ въ другія руки [2]).

За всѣмъ тѣмъ мы не возлагаемъ прямой отвѣтственности на скопцовъ за медленное развитіе земледѣлія въ Олекминскомъ округѣ. Главная причина его заключается въ успѣхахъ золотопромышленности по Олекминской системѣ за 60-е и 70-е годы. Пріиски отрывали крестьянъ отъ земли, суля имъ богатство и давая посторонніе заработки, какъ напр. перевозку клади. Но вмѣсто богатствъ, приленскіе крестьяне, запустивъ хозяйство, пріобрѣли разореніе и впали въ нищету. Что можно ужъ прямо ставить въ вину скопцамъ, такъ это захватъ въ свои руки рынка, главнымъ образомъ хлѣбнаго, наиболѣе важнаго для массы населенія. Намъ разсказывали, случаи, когда скопцы, по приходѣ паузокъ съ иркутскимъ хлѣбомъ, моментально стали отпускать свой хлѣбъ по цѣнамъ ниже паузочныхъ. Привознаго хлѣба никто не покупалъ и скопцы общими средствами легко и дешево скупали его весь. Послѣ этого скопцы опять являлись господами рынка. Такимъ же образомъ они пользуются нуждой крестьянина и непредусмотрительностью Якута, скупая у

---

[1]) Мы беремъ это выраженіе изъ одного отчета.

[2]) Смертность скопцовъ въ ссылкѣ, рядомъ съ рѣдкимъ долголѣтіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, очень велика. Для примѣра возьмемъ Спасское селеніе. Съ 1861 года до 1884 г. къ этому селенію было причислено 180 скопцовъ и 69 скопчихъ. Изъ этого числа и за это время умерло 43 скопца и 27 скопчихъ, т. е. въ 23 года вымерло 27%.—болѣе четверти населенія. Еслибъ прибытіе новыхъ жертвъ изъ Россіи теперь прекратилось, то достаточно какихъ нибудь 50—60 лѣтъ, чтобы отъ скопческаго поселенія Якутской области не осталось и слѣда.

нихъ хлѣбъ—нерѣдко на корню—по дешевой цѣнѣ, потомъ имъ же продаютъ его по высокимъ цѣнамъ скопческой биржи или отправляютъ на пріиска или сдаютъ въ качествѣ подрядчиковъ казнѣ. Всѣмъ этимъ разсказамъ мы нашли и оффиціальное подтвержденіе въ конфиденціальномъ отношеніи Якутскаго губернатора Олекминскому исправнику отъ 9-го ноября 1885 года. Наконецъ мы знаемъ, какъ скопцы воспользовались всеобщимъ бѣдствіемъ неурожайнаго 1886 года, продавая изъ своихъ полныхъ амбаровъ ржаной хлѣбъ по 4 и болѣе рублей за пудъ. Какъ въ Россіи процвѣтаніе «отечественной» промышленности связано со вздорожаніемъ фабричныхъ произведеній, такъ и въ описываемомъ нами округѣ успѣхи земледѣлія подняли цѣны на хлѣбъ. Для доказательства мы приводимъ небольшую выписку изъ оффиціальныхъ отчетовъ о справочныхъ цѣнахъ въ округѣ на съѣстные и другіе припасы за нѣсколько лѣтъ по плану придъидущей таблицы [1]). Изъ этой таблички мы видимъ, насколько раньше привозный хлѣбъ обходился дешевле. Тогда, спрашивается, зачѣмъ хлопотать объ успѣхахъ въ области земледѣлія, служащаго одной изъ причинъ упадка скотоводства, такъ какъ самые лучшіе выгоны отходятъ подъ пашни, которыя огораживаются плетнями, заставляющіе скотъ дѣлать длинные и утомительные обходы, чтобы попасть на тощія пастбища [2]).

[1]) Справочныя цѣны въ Олекминскомъ округѣ.

	1849 г.		1850 г.		1861 г.		1882 г.		1888 г.			
									отъ		до	
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
1 пудъ ярицы . . .	—	65	—	—	—	—	1	90	2	60	3	—
„ ячменя . .	—	86	—	—	—	—	1	90	2	35	2	40
„ пшеничн. м.	—	—	1	40	1	50	3	50	3	75	4	25
„ ржаной м. .	—	—	—	46	—	75	3	25	3	—	3	20
„ ячной муки.	—	—	1	60	—	—	2	90	2	30	2	60
„ ячной круп.	—	—	—	—	—	75	3	75	3	95	4	20

[2]) Изъ слѣдующихъ данныхъ видно, какъ развитіе хлѣбопашества все сокращаетъ сѣнокосы:

Накошено сѣна пудами въ Олекминскомъ округѣ.

	въ 1862 г.	въ 1872 г.	въ 1882 г.	въ 1888 г.
Горожанами и Казаками	27.000	13.125	13.300	22.000
Крестьянами	396.535	197.900	144.500	96.500
Якутами	861.595	986.000	382.125	376.600
Скопцами	5.325	7.000	19.470	12.680

Намъ замѣтили, что цѣнность денегъ въ качествѣ мѣновыхъ знаковъ теперь понизилась, но въ чемъ, спрашивается, заключается курсъ денегъ? Въ ихъ отношеніяхъ къ вещамъ. Что касается до привозныхъ товаровъ, то они съ каждымъ годомъ тутъ дешевѣютъ, мѣстные же продукты, какъ мясо, масло и т. д., правда, вздорожали вслѣдствіе спроса на нихъ на пріиска и вообще— уменьшенія скота, но скопцы вѣдь мяса не употребляютъ, а молочныхъ продуктовъ у нихъ есть достаточно отъ своего скота, цѣны же на хлѣбъ устанавливаютъ они.

Если мы теперь обратимся къ огородничеству, служившему уже было не только важнымъ подспорьемъ въ хозяйствѣ крестьянъ и даже Якутовъ округа, но и предметомъ сбыта на пріиска, то насъ дѣйствительно поразитъ паденіе этого промысла у коренныхъ жителей, главнымъ образомъ у крестьянъ, съ одновременнымъ поднятіемъ его у скопцовъ и вздорожаніемъ овощей. Изъ многочисленныхъ годичныхъ отчетовъ объ огородничествѣ въ Олекминскомъ округѣ, начиная съ 1852 года мы выбрали 2 наиболѣе важныхъ огородныхъ продукта: капусту и огурцы съ опредѣленіемъ снятаго ихъ количества каждый, послѣдній годъ каждаго десятилѣтія до 1888 г у крестьянъ и скопцовъ [1]).

Это непонятное и непростительное паденіе огородничества у приленскихъ крестьянъ, но которое, насколько мы замѣтили изъ бумагъ, не было еще обращено вниманіе администраціи, нельзя разумѣется приписать исключительно скопческому вліянію или конкуренціи, а опять таки надеждамъ крестьянъ на легкіе заработки на пріискахъ. Но то обстоятельство, что скопческое огородничество развивалось, было только на руку пріисковой праздности и разгулу крестьянъ, получившихъ возможность пріобрѣтать овощи за деньги, безъ труда и заботъ огородника [2]), а скопцы со своимъ смиреннымъ видомъ и обычнымъ умѣніемъ воспользовалися своимъ господствомъ на овощномъ рынкѣ.

---

[1]) Снято съ огородовъ въ Олекминскомъ округѣ.

		въ 1852 г.	въ 1862 г.	въ 1872 г.	въ 1882 г.	въ 1888 г.
Капусты	у крестьянъ	450 грядъ	600 пуд.	500 пуд.	250 пуд.	56 пуд.
	» скопцовъ	— »	200 »	900 »	2.575 »	2.275 »
Огурцовъ	» крестьянъ	— »	22.000 шт.	1.900 шт.	5.000 шт.	800 шт.
	» скопцовъ	— »	7.500 »	12.000 »	30.000 »	25.500 »

[2]) Только разведеніе картофеля, не требующаго такого ухода и поливки, какъ капуста, или парниковъ, какъ огурцы, въ Якутской области, болѣе или менѣе у всѣхъ расширились, какъ видно изъ слѣдующихъ данныхъ:

Снято четвертей картофеля въ Олекминскомъ округѣ.

	въ 1850 г.	въ 1860 г.	въ 1872 г.	въ 1882 г.	въ 1888 г.
Горожанами (мѣщане, казаки и др.) . .	12	57	72	195	192
Крестьянами	328	247	1.262	2.094	955
Якутами	99	196	428	2.531	1.167
Поселенцами	—	—	—	110	150
Скопцами	—	—	1.236	2.506	2.200

Намъ олекминскіе старожилы разсказывали о дешевизнѣ овощей тамъ въ 50-хъ годахъ—сотня огурцовъ напр. стоила 40—60 коп. Изъ отчета по округу за 1862 годъ мы находимъ между справочными цѣнами стоимость огурцовъ: за сотню 1 р.—1 р. 50 коп.—капусты: за 100 вилковъ (что составляетъ не менѣе 10 пудовъ) отъ 1 р. 50 коп.—3 р., а по справочнымъ цѣнамъ 1888 года сотня огурцовъ уже продавалась по 5 р. и больше, а 1 пудъ капусты отъ 1 р. и больше [1]).

Изъ всего сказаннаго нами о земледѣліи и огородничествѣ скопцовъ могутъ пожалуй сдѣлать ложное заключеніе, что мы желали бы стѣснить дѣятельность скопцовъ, какъ землепашцевъ, но это разумѣется было-бы несправедливо, такъ какъ всякій трудъ надо поощрять; но не мѣшаетъ также обратить вниманіе на рыночныя цѣны хлѣбныхъ и огородныхъ растеній, а главнымъ образомъ не слѣдуетъ придавать важнаго значенія «земледѣльческой культурѣ» скопцовъ—значенія, какого они не имѣютъ. Наоборотъ, еще большой вопросъ полезна-ли она или вредна для будущаго, для того будущаго, которымъ сами скопцы не чреваты. Если скопцы тщательнѣе обрабатываютъ поля, глубже вспахивая землю, чѣмъ якуты, хотя все еще первобытными орудіями послѣднихъ, то это они дѣлаютъ для своей пользы и главное для пользы настоящаго момента. Самый способъ земледѣльческаго хозяйства скопцовъ можно назвать хищническимъ. Они не соблюдаютъ никакой системы при обработкѣ полей, особенно изъ арендуемыхъ ими земель. Они сѣютъ до тѣхъ поръ, пока земля даетъ всходы, потомъ бросаютъ ее и обращаются къ истощенію другихъ участковъ. Такимъ образомъ боевое земледѣліе скопцовъ едва ли полезно для того мирнаго завоеванія полей, которое началось у Якутовъ до прихода безполаго народа.

Особенное значеніе скопческое хозяйство должно имѣть для Олекминскаго округа, въ которомъ Якуты становятся настоящими земледѣльцами, оставляя за собой, къ сожалѣнію, русскихъ крестьянъ. Много Якутовъ тамъ уже занимаются исключительно земледѣліемъ, а нѣкоторые изъ нихъ, какъ бывшій улусный голова Антоновъ, завели обширныя хозяйство съ образцовыми экономіями, мельницами и т. д. [2]). Изъ примѣчанія къ этой страницѣ мы видимъ

[1]) Стоимость огородныхъ произведеній въ 1888 г. въ одномъ только Спасскомъ селеніи скопцы опредѣлили въ 6.328 рублей. Цѣны на овощи, какъ и на хлѣбъ, зависятъ отъ воли и сговора скопцовъ. Намъ разсказали случай, когда скопцы Троицкаго селенія привезши въ городъ для продажи огурцовъ, хотѣли ихъ продавать по 3 р. за сотню, но «братцы» Спасскаго селенія запротестовали и заставили первыхъ поднять цѣну до 5 р.

[2]) Изъ данныхъ, приведенныхъ въ «Приложеніи къ Всеподданнѣйшему отчету Якутскаго губернатора» за урожайный 1889 г., мы вычислили, что изъ хлѣба, снятаго съ якутскихъ полей за этотъ годъ приходилось на каждаго якута въ Якутскомъ округѣ (всего 131.088 чел.) менѣе 0,5 пуда,—въ Вилюйскомъ округѣ (всего 66.475 чел.) немногимъ болѣе 0,6 пуда, а на каждаго якута Олекминскаго округа (всего 9.667 чел.) по 25,4 пуда.

что эволюція перехода якутовъ Олекминскаго округа отъ пастушескаго къ земледѣльческому быту, несмотря на неблагопріятныя условія климата и почвы, можны считать законченной. Мы слышали недавно о предпсложеніяхъ высшей Восточно-сибирской администраціи о новомъ надѣленіи скопцовъ якутскими землями, такъ чтобы каждый скопецъ имѣлъ не менѣе 15 десятинъ земли. Эта мѣра, долженствующая по мнѣнію администраціи, способствовать развитію хлѣбопашества, нанесла бы тяжелый ударъ якутскому земледѣлію и землевладѣнію. Уже гораздо справедливѣе подвергнуть передѣлу земли, уже находящіяся въ рукахъ скопцовъ для уравненія неравномѣрнаго среди нихъ землевладѣнія. Якутской области не только не нужны крупные скопческіе землевладѣльцы богачи и кулаки, но они абсолютно вредны по своему, безсердечію, притворству и ненасытной жадности.

Не мѣшало-бы уже теперь оставить увлеченія фальшивымъ блескомъ преходящаго явленія, чтобы, по примѣру стараго времени, главное вниманіе и заботу обращать на крестьянскія и инородческія общества, отъ которыхъ зависитъ не одно настоящее населенія, но и его будущее.

(*Окончаніе въ слѣд. вып.*).

ОТДѢЛЪ II.

Народныя сказанія о самоубійцахъ.

Село Даньково Смол. уѣзда, Сельцо Рудня Ельнинск. уѣзда.

Вотъ и чорту баранъ!

(*Нар. погов.*).

Многія психическія настроенія человѣка объясняются состояніемъ его здоровья физическаго организма, а, главнымъ образомъ, нравственнымъ и умственнымъ его складомъ, міросозерцаніемъ.

Народная психологія и миѳологія требуютъ совмѣстнаго изученія.

Простой народъ до сихъ поръ еще находится подъ властью миѳологическихъ воззрѣній; эти воззрѣнія всасываются человѣкомъ съ дѣтства, передаются отъ бабокъ и дѣдовъ внукамъ вмѣстѣ съ пѣснями, сказками, обрядами, сногаданіями. И часто воззрѣнія, кажущіяся неважными и незначительными на обширномъ и пестромъ полѣ этнографіи, играютъ роль въ жизни человѣка, имѣютъ рѣшающее, поворотное значеніе.

При одинаковыхъ условіяхъ жизни и воспитанія, воззрѣнія простаго народа общи, легко передаются и сообщаются отъ одного другому—иногда у многихъ лицъ психическія настроенія выливаются въ извѣстныхъ формахъ. Даже психическія болѣзни, уклоненія отъ нормальнаго состоянія духа, какъ результатъ извѣстныхъ причинъ, получая опредѣленное направленіе, характеризуютъ нѣкоторыя мѣстности. Народу присуще то воззрѣніе, что человѣкъ не самъ лишаетъ себя жизни, а доводитъ его до самоубійства, иногда даже непосредственно убиваетъ, топитъ, чортъ, лѣшій.

Меланхолическое настроеніе передъ самоубійствомъ, душевное разстройство, считаются дьявольскимъ навожденіемъ; раздвоеніе сознанія, разговоры и препирательство съ невидимымъ к ѣ м ъ-то (что нерѣдко бываетъ также въ экстазѣ отъ хмеля) народъ понимаетъ, какъ борьбу съ нечистой силой; когда же больной самовольно прекращаетъ свое существованіе народъ выражается пословицей «чорту баранъ»!

Представленіе лютаго горя или насильственной идеи въ видѣ неотвязчиваго и неотступно преслѣдующаго демона усиливаетъ душевную тревогу больнаго и тѣмъ скорѣе приводитъ его къ преступленію или къ роковому концу. Иногда демонъ принимаетъ образъ знакомаго, кума [1]), чтобъ вѣрнѣе обольстить, а потомъ погубить человѣка; или же нечистая сила вручаетъ заклятыя вещи, которыя губятъ взявшаго ихъ.

---

[1]) Во время нынѣшняго голода получилъ популярность слѣдующій разсказъ.

Мужикъ продаетъ въ дорогѣ, возлѣ кабака, жонку свою куму за десятку, надѣясь, что кумъ изъ сосѣдней деревни сжалится и отдастъ ее со временемъ назадъ. Вышло иначе. Жонка пропала безъ вѣсти; взявшій ее съ собою былъ не кумъ, а кто-то другой: кумъ никуда не ѣздилъ, а былъ все время дома.

Слышавшіе этотъ разсказъ заключали, что несомнѣнно купилъ жонку у мужика дьяволъ.

И въ Иліадѣ Гомера враждебный богъ пользуется такимъ пріемомъ, такою хитростью, чтобъ обмануть героя.

Жертвы самоубійства становятся стихійными существами, принадлежащими къ царству лѣсовика или водяника, или домоваго.

Умереть, по древнимъ воззрѣніямъ, значило уйти домой, къ домовому, къ предкамъ.

— «Я хачу двору итьти... Што вы мине двору ни пущаитя?»... говоритъ страждущій больной, прося близкихъ, чтобъ ему дали умереть спокойно, не безпокоя плачемъ, не приковывая жалобными причитаніями къ мыслямъ о родныхъ, которыхъ все равно ему надо покинуть.

Особенно часто вѣшаются несчастные самоубійцы на хлѣвахъ, на гумнахъ, гдѣ, по народнымъ воззрѣніямъ, именно и обитаетъ домовой.

Самоубійцы тревожатъ живущихъ, особенно тѣхъ, которые знали ихъ, имѣли съ ними дѣло, быть можетъ, обидѣли ихъ, не оказали имъ должной любви и поддержки;— поэтому участь самоубійцъ и волнуетъ близкихъ родичей.

Видѣть во снѣ самоубійцу «хорошо», видѣть его въ блаженномъ состояніи, значитъ до извѣстной степени примириться съ нимъ и успокоиться относительно его загробнаго состоянія.

Приводимъ нѣсколько записанныхъ въ Смоленской губ. народныхъ разсказовъ о самоубійцахъ разсказовъ, характеризующихъ воззрѣнія народъ на миръ прекратившихъ самовольно свою жизнь.

1.

Якъ Данила абвѣсіўся.

Состояніе Данилы передъ самоубійствомъ.

Сядить Данила, дремлить,—маладуха спрашіить:

— «Данила, адурѣлъ ты? Чаго ты ета дремишъ?»

— Чаму жъ мнѣ ни дримать, Ганнычка?! Ляжу спать, ни ра́зачку ни засну— крѣпка я ня сплю.

— «Чаго жъ ты ета такъ ня спишь?»

— Ганнычка, якъ ляжу я спать, здаются мнѣ дѣўки... Ни знаю, Ганнычка, якея ета дѣўки мнѣ спать ни даютъ!. Што яны тольки мнѣ пристаўляютъ акаянныя! Яны мнѣ на адинъ часъ, на адну минутучку, ни дадуть спако́ю!..

— «Што ты ета адурѣў? Ти жанитца ты уздумаў? а?»

— Ды нѣ! Ни да́йжа [1]) и въ умѣ ни було, а дѣўки усё мнѣ приздаютца, усё приздаютца—никакъ атъ ихъ ни атабьесьтя!..

— «Ну, якея жъ дѣўки?»

— А такея, да усё харошія—груди такея!.. Сиськами якъ трёпнить, трёпнить... Што тольки яны выдѣлываютъ пирида мною? Яны и скачуть, и вы́ютъ, и пѣсни пяютъ... Што яны тольки пристаўляютъ, такъ я и глазми ни звяду. Усяе начўшучку хуть я лажись, хуть ни лажись, мнѣ спакою атъ ихъ нѣтъ ни разу—хажу, якъ дуракъ!..

— «Ты сказаў-бы батьки»!..

— Я бы хуть и сказалъ бы батьки!. Батьки я баюсь, баюсь: іонъ затукаитъ,— затукаитъ и залюкаитъ [2]) (батька такей дуракъ: яму ни гавари ни худога, ни харошига—ни выпускаитъ изъ рукъ байда [3]): што глянуў, то и грянуў).

---

[1]) Дайжа=даже.

[2]) Застрашитъ.

[3]) Байда=кнута.

— «Ты жъ бы матки сказаў»!..

— Якъ я буду матки гаварить? Матка станить браниттца: «Што ты? дуракъ ты! Пристаўляить блазнату, дурату! А ящо такей бальшей маладчуга! Вишь яму на умѣ дѣўки!...

Бабка самоубійцы «передъ случаемъ» сонъ видитъ.

Нада жъ такому сну Даниллный бабки сасниттца:

Икъ бигать свиньни са ўсей дяреўни на канавалыву зямлю и стали рыть,—во и рыть. Рыли, рыли—тады якъ збѣхся народъ, якъ стали етыхъ свинней турить. Узяли тыхъ свиней путурили у заказъ. Етый сонъ ина разсказапть, а тутъ бигать и кричать: хто—пажаръ, а хто—нашъ Данила задавіўся.

Пожаръ и самоубійство Данилы.

Паѣхали за снапами и стали снапы на вазы ускладать. Данила кладеть снапы умѣсти съ махынькый дяўчонычкый (ей тольки што восимый гадокъ пашоў). Стаў Данила у трубку курить; дяўчоначка на яго заругалась:

— Чаго ты бязўлисьтя? [1]) дуракъ»!..

А Данила гаворить:

— Маўчи, разумная дура: а то сичасъ возъ запалю.

А ина стаптъ бизъ апаски, сваимъ дѣлымъ займаитца [2]). Іонъ жа выхватіў спичку съ капшука [3]), стёръ яе и запаліў авёсъ на вазу.

Дяўчонка съ вову саскачила и закричѣла. Тутъ народъ бягить къ имъ, слыша крикъ и видя, што полы [4]) съ возу такъ и шибаить.

Стали кричать, Данилу бранить (а ета напрасна: агонь шуму ня любить).

Уплялися у каня—каня диржать.

Каня таки атклали [5]). Конь якъ вырваўся, узбѣхъ на дворъ и зарзалъ [6]) стоючи.

Стали гарящій возъ раскидывать.

Пиринасили снапы ажъ на третію ниву.

Тады якъ стала усѣ шумѣть—загарѣлась!

Тушуть зямлёю, кидають комья на етый авёсъ, и хто чимъ пупала: хто лупатками, хто руками.

А Данила узяў моўча и пашоў.

Тутъ усѣ давай яго ругать.

— «Пятлеўникъ ты! [7]) И ходишъ ты, якъ разбойникъ, якъ ниприкаянный... [8]) Вялѣй [9]) ба ты ужъ задавился! Ходить [10]) паверьхъ лѣсу, да бѣды дѣлать... Ты адинъ намъ никому жить ни даешъ...

Данила жалобна баскомъ прамычалъ:

— «Пубягў ды и задаўлюся!...»

А матка на няго:

---

1) Дурачишься.
2) Занимается.
3) Съ кисета.
4) Пламя.
5) Отложили.
6) Заржалъ.
7) Разбойникъ, заслуживающій петли.
8) Неприкаянный—человѣкъ безпокойный, не находящій себѣ нигдѣ мѣста
9) Лучше.
10) Сумашествуетъ.

— А бяги, с.. сынъ, давися: чортъ тябе вȍзьмить!...

Ту́шуть агонь и ту́шуть, а Данила прайдȅть, да и назадъ поглядить.

Уси у занятіи, никȍму да яго дѣла нѣтути—нихто ни агляну́ўся.

Етыга ўремини и съ часъ ни було.

Пажаръ путушили, ужу́ двѣ дѣўки ѣхали запрягать варьхомъ,—глянули,—а іонъ висйть.

Крикнули: «а, Божа мой, Данила задавіўся!»

Тады ду́нули [1]) уси къ заказу [2]).

Хто говорить— «бягитя за вадой ритува́ть [3]) Данилу» (атливать яго), хто кажить: за ножикамъ бягйтя варȅўку отриза́ть.

Вады нѣту—усю павылили, ножикъ принясли.

Сняли Данилу; давай ката́ть, давай маха́ть.

Махȁли, махȁли—толку съ маха́нья ня вышла. Идѣ яго аткатȁнишь?!..

Душка—ня птушка!...

Деревенскіе толки о смерти Данилы и причитанія матери

Матка якъ увидила тѣла Данилы, такъ и самлѣла [4]), доўга причитывала, панядѣлкывать [5]) стала.

Попъ бранился:—«нада маладова чилавѣка разсужда́ть—сами вы винува́ты».

— Праўда, батюшка. праўда, батюшка! Зачѣмъ, зачѣмъ я на яго бранилась?!...

Видить батюшка, что къ горю ящо горя подбаўляить: надо матку утѣшить.

— «Упрочимъ тольки причина придалась [7]) къ етыму. За Васькыўкый адинъ такъ задавитца хатѣў, а сястрёнка за имъ побѣгла у лѣсъ: іонъ ухадить атъ яе—ана за имъ; іонъ дȁлій ухадить—и сястру пугубіў и самъ задавіўся. Нѣтъ усёё раўно іонъ былъ ужъ на свѣти ни жилѣцъ...»

— Нѣ, нѣ, батюшка, и ни гаваритя.. Я, я яво зъѣла [8]), своего сыночка.

Яму усё ни спалось, у галавѣ ȍмутъ хадилъ. [9]) На парȅклѣти спаў [10]).

— Нихарошо мнѣ, мамочка, тутъ.—

— «Стялись на павозки!»—

Пaслаўся на павозки.

— И на павозки мнѣ тыя чартȍўки спать ни даютъ.—Ляжу я, мамочка, у пуни, на сяннйцы.— [11])

— «Ну, иди сабѣ ложись на сяннйцу»—

А у мине, батюшка, дочка—вотъ ета самая большая—Ганначка.

На Ганначку іонъ и говорить:

— Иди ты, Ганначка, лажись са мною, а то мнѣ страшна...

Ана на яго:

— А иди ты—бықъ! дурату́ пристаўля́ить... [12]).

---

[1]) Бросились бѣжать.

[2]) Зака́зами часто называются въ Смоленской губерніи лѣса: первоначально «заказъ» заповѣдный лѣсъ.

[3]) Спасать.

[4]) Упала въ обморокъ,

[5]) Панядѣлкывать-поститься по понедѣльникамъ.

[6]) Увѣщевать.

[7]) Придалась-показалась

[8]) Зъѣсть—погубить.

[9]) Омутъ ходилъ-голова была не въ порядкѣ.

[10]) Парȅклѣтъ—фронтонъ около амбара

[11]) Сянни́ца—пуня съ сѣномъ.

[12]) Дурату́ пристаўля́ить-дурачится.

Я на яе зругалась:

— Дура ты, гаварю: яму усё будить висялѣй.

Вохъ съ табою, Ганнычка, ни паслушалась мине!...

Штобъ то была, батюшка, якъ ба мы приглидали яго—уси вотарапъ [1]) ягобъ ни такъ браў!...

Мужики гаварили:

— Ну, а штобъ была, кадабъ іонъ жіў ба былъ?! усюбъ дяреўню спаліў! Ета и харашо, што іонъ у лѣси задавіўся! Чоргъ атъ чорта родитца. Батька яго сумашедшій...

Бабы гаварили:

— А идитя вы! — Напрасна, зря, нечига гаварить на чилавѣка... Данила парнвь быў змирный и изъ сибе видный. А грѣхъ да бида на каго ни бываютъ?! А харошія ли жила [2]) была яму батьки? Знаемъ мы! хвалить нечига: туть и са здаровый галавой адурѣишь, либа воўси съ ума сайдёшъ! Ти чули [3]) вы, что батька вытваряў мѣсицъ таму назадъ, узлѣзъ къ абразамъ и скинулъ съ абразоў намётку [4]). Ну, вобразъ узялъ и поставилъ у чуланъ, пирянёсъ:

— Маимъ абразамъ ни малитись!

Ладна. Саснился жъ яму сонъ.

На жонку:

— Катя Андреіўна, сянни я у ва снѣ нихарошо видіў.

— «Што ты такоя нихарошія видіў?»

— Пирянёсъ образъ Спаситиля у клѣть. Онъ мнѣ приснился:—«Нашто мине патревожилъ? ни бяри атселя!»—Если на другую ночъ приснитца, то пастаўлю вобразъ на прежнія мѣста...

— «Пустыня [5]) ты, пустыня! На што ты вобразъ трогаишь, пустасмѣща [6]) чужоя? Люди вокыла насъ и такъ насміялись»...

— Дыкъ я, баба, панясу...

— «Няси ты, пустыня!»..

Узяў вобразъ и паставилъ на кутъ.

Знать, грѣхъ вабраза тривожить!..

Жонку и дятей біў дужа.

Яецъ напрягѣть [7]), сядить на услонки [8]), ихъ паатгонить; на кравати сядить жонка и двоя датей. Самъ убёрывають яйца—яны тольки смотрять у глазы—имъ ничога. Цѣлую нядѣлю жонку бьётъ, адёжу усю пупарвётъ на ей, ажно галая сядить; а іонъ хвалитца:—Смативтя, добрыя люди: ета мая Пятница сядить...

Ти чули вы ета? Изъ жонки Пятницу здѣлаў?!.

Зъ нажомъ на жонку кинулся. Люди паддёржили, а то была бъ няплоха [9]). Атъ жонки къ тяленку. Шархъ нажомъ—тялёнка зарѣзалъ. Патомъ гаворить:

— «Ти жіў іонъ будить?»— А нюжъ жіў?! Ха, ха, ха!

Ета яво станавой троху паддёржіў:

Пажалились, што новую рубаху на сыни падраў, и дяреўню зжечь гразіўся.

— Ты у мине братъ, ня буйствуй, а сакратись [10]): я вашига брата сакрачать умѣю: туда заганю, куды Макаръ тилятъ ни ганяў».

---

1) Вотарапъ=страхъ.
2) Жила=жизнь.
3) Слышали.
4) Намётка=головной старинный женскій уборъ; намётками покрываются образа.
5) Пустыня—эпитетъ волка, бѣшеннаго человѣка.
6) Пустасмѣща=предметъ смѣха.
7) Напрягѣть=наварить, нажарить.
8) На услонки=на услонцы=на лавкѣ.
9) Няплохо съ ироніей=очень плохо.
10) Усмирись.

Батька—уси скажуть—буянъ, а абъ сыни сказать нильзя глупо́ва [1]) ничо́га;—ияд́оля яво́: изъ сябе маладчу́га, такей станкави́тый [2]) тольки узглядъ суво́ристый [3]), ни ласки, ни привѣта атъ яго, ни шутки, ни вясёлыва слова.

Такъ говорили бабы, такія дѣйки шли на дяреўни абъ удавлоннаки Данили.

Ипять дѣўки снятся Данилиныму брату.

Вярнуўся двору братъ Данилинъ и покла́уся спать на тымъ самымъ мѣсти, идѣ спаў Данила.

Му́ліўся, му́ліўся [4]) на аднымъ мѣсти—и яму дѣўки снятца. Самъ сябе кусь за языкъ, ды пирашолъ на другоя мѣста—тамъ кое-якъ ўздрямну́ў пиридъ святко́мъ. Казаў:

— А! тапержь я знаю, якаво Данили было... во стра́хи, такъ стра́хи.—

Вабъ у аднинъ голасъ спрасили:

— Што снилась табѣ?—

— «Што мнѣ снилась?! А усё жъ тыя дѣўки снились».—

— Якея жъ, якея яны? Ти страшныя, ти приго́жія?—

— «Такея—бѣлыя, іость сабѣ бѣлыя, іость и чёрныя, ну, больши бѣлыя. Тольки адна черная, грибáтая [5]), якъ жидоўка Ма́хля—тая мине усю бутура́жила»...[6])

Данила снитца.

Присніўся Данила тому мужику, што яго атча́пливаў.

— Станить у мине Данила у глазахъ, кричить на мине у ва снях [7]):

— «На што ты атча́пливаў?»

— А якжа, братъ, ни атчапливаўши? Ня ўсёжъ тибѣ висѣть?!

— «Ты думаишъ: я задавіўся—я тольки што аборину [8])затащіў: анамнѣ няўрёдна...

Пагаварилъ я съ Данилый, аткуль узяўшись, бигать двѣ сабаки: адинъ урядникыў, жо́ўтинькій, а другей—сѣрый, бальшей, страшный, ротъ разинуўши, языкъ высулупимши [9]), а слюня вярёўкый такъ книзу и стѣлитца. Вижу и урядника: вярьхомъ ѣдить, гаворить:

— А хочишъ ты, Сямёныў, Данилу пувидать?

Я сагнуўся—глядь: ни сабака ета бѣшиный, а нашъ Данила... Ко мнѣ лѣзить... Я атбиваюсь.

— Ти признаѐшъ мине, братъ? я—Данила! Ня грѐбуй [10]) ты мною—пацалуй!

Цалмыкъ [11]) іонъ мине—тутъ я атъ страху прашнуўся...

Данила снитца матери и во снѣ примиряотца съ нею.

Матка панядѣлкывала [12]) па сыну, пока іонъ ни присніўся ей.

— Вижу ва снѣ, што плачу. Данила приходить:

— Мамъ, мамъ, чаго ты плачишъ?

---

1) Глупо́ва ничога сказать нельзя=нельзя осудить.
2) Станкави́тый=стройный.
3) Суровый.
4) Муліўся-переминался, терся до боли.
5) Губа́стая, съ толстыми губами.
6) Бутура́жила-безпокоила.
7) Во снѣ.
8) Верёвка отъ лаптей.
9) Высулупимши—высунувъ.
10) Не пренебрегай.
11) Поцѣловалъ разомъ, неожиданно.
12) Постилась по понедѣльникамъ.

— «Сынокъ мой, якъ мнѣ ни плакаўши? Я таперь сама сябе ни унииму [1]) и сама я ни магу сябѣ прастить. Када ты бижалъ давитца, я ни атваратйла тибѐ, а сказала: чортъ тибе вазьми!»...

— Ухъ, матка ты, матка! Ты ни клапатй [2]): мнѣ лу́ччи, чѣмъ была.

— «Якъ, сыночикъ, табѣ лучч́iй?»

— А такъ! У насъ ничога не была, а таперь у мине мука́, крупы; ѣшь—скольки хочишъ; скольки хочишъ—ѣшъ.

— «Идѣжъ вы тапѐрича бу́дитя, сыночикъ мой?»

— А мы у сваёмъ пруди...

Тутъ мужикъ сталъ мине звать:

— «Жонка, а жонка!»

— Ды што табѣ?

— «Съ кимъ гаваришъ».

— Да зъ Данилый!

— «О!» [3])

— Казаў мнѣ: харашо!

— «О!»

— Iонъ вить у пруди.

— «О!»

На третiй день гаварю пра сны свае сва́тьти; ина мнѣ:

— Сватьтика, някъ iонъ у пруди?

— «Да у нашимъ пруди—а тожъ идѣ. И сянни мнѣ снiўся—ва снѣ пришоў:

— Ты апять плачишъ, мама! напрасна!.. Знаишъ мама: я здѣсь никога ни баюсь, нихто мине ни абижаить и ни чипа́ить [4]); усяго давольна...

Сасніўся и сястрѣ Данила такей бѣлый, чистый, якъ лижаў ва гробѣ.

— Я ни задавился, сястра, а затхнуўся; таперь жа такъ харашо мнѣ, такъ свабодна!...

2.

Якъ Вася утонула.

[а) Васю черти во́дють; б) Васю черти то́пють].

Мужикъ Ва́синъ былъ на за̀рабаткахъ, а ина забрѐминила атъ родныга плямѐнника, атъ бра́тнига сына.

Стали яе люди стра́шить [5]):

— Ты ьяру́шъ-ка! Будить табѣ атъ мужика...

— «Я сваиго мужика ни баюсь: iонъ рахма̀нъ» [6]).

Другая жѐнъщина на ей:

— Съ тихыга усё ля̀ха [7]) бываить: тихiй душу вы̀нить... А што тибѣ за навбля яму работать?! Ты лучче задавись или затапись, а яго ни дажидайся..

Вася узяла̀ ета на умъ и заду̀малась.

Сабирались бабы жать. Тэй день ниnастя была дужа, а хлѣба ни було̀. Нявѣстка большая гаво̀рить Васи:

---

1) «Отъ сильнаго раскаянiя не могу успокоиться».
2) Не горюй, не безпокойся.
3) Знакъ изумленiя, небольшаго испуга.
4) Не трогаетъ.
5) Пугать.
6) Смиренъ.
7) Бѣда.

— «Иди на ниву: я принясу табѣ хлѣба. Якъ хлѣбъ спякѣтца, я приду къ табѣ».

Паслухала Вася нявѣстку и пашла у поля. Якъ атсталась ана адна, тутъ сатана яе и падмыкнўлъ: падўмала ти затапитца, ти залитца.

Уздумала дурноя. Якъ пришла, на ниву серпъ паклала—узила и пашла...

Нявѣстка приходить—яе нѣту.

Ти ни ягады збирåнть инá? Гукåть яе, гукáть—слўхамъ, дўхомъ—нѣту, на барскимъ дворѣ тожа нѣту. Инá тады дво̆ру прибѣгла за мужикомъ сваимъ. Васинымъ дéверимъ. Гукåли, гукáли [1])—нѣту Васи нiйдѣ. Назаўтрига сабрали сходку, аблаву здѣлали,—пашла уся дярэўня; искали, искали—и ни нашли. Яны тада шукáть [2]) яе па возиру. Связали плотъ и плавали па возиру; астя̆ми щўпали—ни знайшли. Назаўтрига, якъ Вася прапала, хадила идна жэнъщина съ другей дярэўни у въ апенки [3]). Чуить ина, што хто-та рыгаить [4]), атъ каго-та слоўна атбиваитца:

— Ну... Ну... Ну... Чаво вы ка мнѣ пристали?!

Вѣтиръ, такей бальшей, атносить го̆манъ [5]): то ей чўтна плоха, а тамъ, проти вѣтра, ужъ ничога ня чўтна. Ина разбирåить, разбирåить... Якъ во̆тырыпъ узяў яе, такъ рубаха ко̆ракымъ на спини становитца и нимагѐть ина ни разу ступить атъ страху.

На третiй день другая жэнъщина у Бараус̆ькоя ишла мима бора, идѣ го̆манъ былъ чўтинъ и патомъ ужъ зю̆кала:

— «Туда бѣгла ничога ня чула (ня буду пустоя брихать). Иду аттуда, ужу на стискáньни [6]), ужу сонца зайшло. Увайшла я (у Гутницкiй роў, проти Рявыкъ) узяў мяне во̆тырыпъ [7]). Чую я го̆манъ:

— Ну, куда ета я иду, иду? Чаво вы ка мнѣ пристали? Ну, куда вы мяне вядѐтя?

Какъ пачула я эта, уляпётывала, скольки силъ была».

Тую ночъ яны яе и затапили. Шесть нядѣль мякла,—на сӑменькава [8]) Пакрава нашли.

Шоў паринь мима возира, да, камнемъ балуваус̆шись [9]) якъ цуднѐть [10]) у возира, да прямо у го̆лаву Васи и пупаў: платокъ выплыў.

Плотъ звизали и вы̆тинули Васю, атъ возира ни брали, пакуль писарь пришоў. Казаў:—«Харанитя яе—вить усякый видить, што ина залилася, а ня што нибудь»...

Вася у во̆ди сядѣла, а съ рукъ нохти атлятѣли: ти атъ вады атмя̆кли, ти черти атарвали.

Мужикъ Васинъ пришо̆лъ; гулъ [11]), гулъ—ящо ти сто̆льки [12]),—гулъ, гулъ. Казаў:

— «На што вы яе бранили?! На што вы яе пужӑли?!..» (дѐвирь бо̆льшiй браніў яе: я тябе забью!). Якоя вамъ дѣла да маей бабы? Хуть бы ина двухъ радила, я бъ яе пальцымъ ня тронў! И пусть бы жйла... Надажъ вамъ мнѣ такоя горя здѣлать»!...

---

[1]) Звали.
[2]) Шукáть=искать.
[3]) Апéнки—грибы желтаго цвѣта.
[4]) Ры̆гаить=плачетъ, рыдаетъ.
[5]) Го̆манъ—говоръ.
[6]) Въ сумеркахъ.
[7]) Во̆тырыпъ—страхъ.
[8]) Уменьшительное отъ «самъ».
[9]) Шаля̆.
[10]) Броситъ, швырнетъ, шлёпнетъ.
[11]) Плакалъ, рѣвелъ.
[12]) Ящо ти сто̆льки—очень много, безъ мѣры.

3.

Кастылиха.

(Пьяную Кастылиху чартоўка, бытцакъ знакомая дѣўка, Уварауськая Сонька, топить).

Кастылиха была на Микольщини [1]) у Бараўськомъ.

Ряку пиришла, стаить тамъ изба. Уздумала, што напрямки нада идить у Буду къ Ирмалаю. Сичасъ, тольки избу прашла, іўлянитца къ ей дѣўка (Сонькуй яе звали—Увараўськая); іўлянитца:

— Я тожа хачу идить у Буду.

Кастылиха съ ею здароўкаитца, такая радая, што ни адной идить да мѣста.

Сонька пуцулуватца съ Кастылихый хатѣла:

— Да, пацалуимся жъ съ табою, Андреіўна. Кастылиху усё атводить съ ею цулуватца.

— Ня буду!

— Мною гребуишъ? Чаго ты такъ ня хочишъ?! Ну, пайдемъ,—пайдемъ напрямки!

— Луччій па полю.

Нѣтъ жа пувила напрямки, падъ Лучисянку; а падъ Лучисянку роў вяликъ, и гара къ няму якъ изъ печи крута.

Сонька вядеть яе пряма съ гары падъ Лучисянку; Кастылиха упинаетца—Сонька яе преть пряма съ кручи. Падъ кручій мѣста у насъ называитца Кисялёў виръ. Бывала мы ляжимъ у лѣтку, у тянёчку [2]), падъ ракиткый и смотримъ унизъ. Унизу кружѣлка [3]) бальшая, слова калодись: утрымъ тамъ галаўли, падъуста и разная рыба, такъ и играють.

— Сонька! икаянная! куда мяне прешъ? [4]).

— «Иди, иди пряма—ня бось: соньца ужу зайшло: и прямикомъ намъ дайтить нядоўга».—

— Пусти! Сонична, милая, галубка, пусти! Бойжа мой, ета вить виръ Кисялеў... Куда мна прѣть... Ишъ сама усё беригымъ грябѣтца [5]), а мине усё пихаить... Сичасъ вапрѣть... [6]) Сичасъ вапрѣть... Бойжа мой, лячў, лячў...

Пихнўлъ [7]) Сонька Кастылиху.

Лятить Кастылиха пряма у воду—лѣдва, [8]) лѣдва выскриблась, нахтями уцапіўшись за берихъ,—ну, вада такая халодная и беригъ ужъ абмерзъ.

Апомнилась Кастылиха, устала,—ипять съ нею Сонька, усё ипять муштруить яе: то пихнеть, то крутнѣть, то за руку тасканѣть, а усё са сваихъ рукъ ни выпущаить. Ужу виднѣить—бутцакъ висялѣй троху стала у Кастылихи.

Во скотникъ Будянскій ѣдить скоту давать.

Кастылиха стала гукать:

А рятўй, а рятўй!.. А Яхимычка, а радимый жа ты мой, рятўй,—атъ Соньки рятўй...

Аглянулась! Соньки ни стала. .

— «Вижу таперь, вижу, што ета ня Сонька была... Якая ета Сонька—ета икаянный, змустйтель»...

---

[1]) Передъ зимнимъ Николой мужицкія пирушки называются «Микольщинами».
[2]) Въ тѣни.
[3]) Водоворотъ.
[4]) Прёшъ=толкаешь.
[5]) Съ трудомъ пробирается.
[6]) Впихнётъ.
[7]) Пихнула.
[8]) Едва, едва.

Скотникъ падъѣхалъ къ Кастылйхи: ляжить ина на бирягу... адёжинка уся абмёрзла, аблидянила: дома лаптей ни магли атъ нохъ атдёрнуть: такъ пристали. Шпиртымъ тёрлась, гарчишники къ застылку приляпйла Кастылиха (гаспада дали), а шесть надѣль у абчёртачку [1]) пралежила.

4.

Пьяный Кузьминъ на чортывый тройки ноччу катаўся. Чахолъ Кузьмину атъ чорта застаўся, патомъ таго Кузьминъ на гўмни абвѣсiўся.

Ишоў пьяный съ Бараўськога. На дарбзи стаить каминь—елка. Сичасъ къ яму чилавѣкъ выходить. Разсматрѣў харашенька: падъ имъ лошадь, лошадь падъ чахлбмъ.

— «Эй, знакомый, здрастуй! Садись на маю лошадь: я тибѣ падвязу»!..

Тольки сѣў на яе вярьхомъ Кузьминъ, низнакомый лошадь тую якъ цуднѣть [2]) (а у яго карнатка харошая, якъ у цыганъ). Кузьминъ абъ землю хряпъ.

Тады ипять другей выходить, падъ имъ тожа лошадь аказываитца:

— Садись, братъ Кузьминъ!..

— «Абманишъ»!..

— Ня бось! Ни 'бманю—ня бось, ня бось, а садись-ка!—

Падмыкнула яго сѣсть. Сѣў—и палятѣў у други торчмя галавой, бутырёмъ.

У третiй разъ выходить чилавѣкъ, а падъ имъ лошадь.

— Эй, Кузьминъ!—

— «Атвяжитись, ўраги: вы тольки мине падманяитя»!..

Патомъ Кузьминъ гаварилъ:

— «То былъ я пьянъ, а то и хмѣль мой сачхнўў [3]), куда дѣваўся: Страхъ, вотырыпъ мяне такъ и узяў, ажно трясусь и калачусь. А усё што-та паттаўхиваить мине садитца... Самъ сабѣ думаю: «тольки таперь дурна ни сяду, якъ тады, а вазьмусь за чахолъ абѣими руками, что на каня уздѣтъ»...

Чортъ, якъ Кузьминъ тольки сѣў, абрадаваўся што у третiй разъ яго азялйлъ, да якъ кулупнѣть каня карнаткый: Чахолъ абарваўся—Кузьминъ съ чахломъ палятѣў на землю и вочи сабѣ накрыў.

Устаў ипять Кузьминъ на ныги—нѣтъ ни людей, нѣтъ никбга, тольки чахолъ астаўся яму атъ чорта. Узяўши чахолъ, за мотузы [4]) пувалокъ яго двору:

— «Глядитя, рибяты, якую новасть я привалокъ. Ѣздiў цѣлую ночь на тройки, на вражжiй сили, а вотъ съ третьтига каня што мнѣ чортъ павѣсiў...

Цѣлая лѣта ета штука висѣла на шули [5]).

Придуть дѣти, придуть бабы и мущины; тигають, тигають и усё дивютца, якая штука.

Цѣлая лѣта чахолъ висѣлъ на шўли,—къ восини прапалъ.

Пашоў чилавѣкъ тэй на гумно, што привалокъ чортаву штуку—тамъ и абвѣсiўся.

---

[1]) Ровно какъ одинъ день.
[2]) Цуднѣть—стебанётъ.
[3]) Сачхнўў=испарился, ослабѣлъ.
[4]) За тесёмки.
[5]) На шўли=на столбѣ.

5.

Задȁўлиньники [1]) на дяреўихъ качаютца.

Ишоў салдатъ нȁ вѣсти [2]); стрѣлися зъ имъ рибяты:

— «А, брахнинька ты мой, идёшь ты адинъ: тутъ вѣшальники призданотца».—

— А няжъ [3]) насъ будуть талаку сабирать.—

— «Иди жъ ты, служивый, съ апаскыю».—

— А ни баюсь: жiў—прапаў! царьская—ни панская,—ета вы идȅтя на пригонъ атказываитись, а цáрьская ни атказкитца.

Съ етыми славами iонъ и пашоў.

Дайшоў да мѣтнаго [4]) мѣста, якъ пуваротка, глянулъ на таȅ бярезу, идѣ дѣўка съ парнимъ задавились (пȅрва дѣўка, пȍтэмъ и паринь): абая яны, схапёмшись [5]) руками, калышутца на кривэй бярёзи: тотъ аттэ́ль, атая аттэ́ль, калышутца и прибаюкываютъ адинъ аднаму: а—а! а—а! [6]).

А я иду сабѣ да васкресную малитву читаю. Ружжо заряжина и штыкъ падъ рукою:

— «Тȍльки палѣзь, икаянная сила: я тябе па свȍиму дёрну»!..

Сообщилъ В. Добровольскiй.

---

[1]) Повѣсившiеся.
[2]) На́ вѣсти=на караулъ.
[3]) Неужели.
[4]) Да мѣтнаго мѣста—до намѣченнаго мѣста.
[5]) Схватившись руками.
[6]) а—а=болѣзненный скрипъ надломленнаго дерева.

Рекрутчина.

Солдатчина для крестьянъ—тяжелая и непріятная повинность. Она отрываетъ парней отъ крестьянскихъ работъ, а иногда и совсѣмъ отъучаетъ ихъ отъ деревенскаго хозяйства; воспитываетъ въ нихъ новые вкусы и привычки, часто не пригодные и не желательные въ крестьянскомъ быту. Да и самое солдатское житье, по взгляду крестьянъ, не веселое, «не привычное»; тамъ «потачки не дадутъ», «жиру сбавятъ», «бока повыминутъ», научатъ «по стрункѣ ходить». Между тѣмъ эта повинность неизбѣжна для крестьянина. Понятны поэтому—сочувствіе, нѣжность и ласки, съ которыми они относятся къ молодымъ парнямъ, подлежащимъ призыву, или, какъ ихъ называютъ, «некрутамъ». Эти чувства выражаются въ причетахъ и обрядахъ, которыми сопровождается «рекрутчина». Въ причетахъ родственниковъ слышится съ одной стороны—нѣжная любовь и ласка къ своему «рожденью сердечному», а съ другой скорбь продолжительной разлуки, сопровождаемой тоской и кручиной, и скорбь за будущее солдатское житье, гдѣ все то не привычное, не по крестьянскому тѣлу. Обряды и разныя церемоніи вытекаютъ изъ тѣхъ же съ одной стороны нѣжныхъ чувствъ любви и ласки, а съ другой стороны—тяжелаго чувства разлуки.—Въ самой крестьянской жизни парни, состоящіе «на очереди», еще задолго до призыва начинаютъ пользоваться разными привиллегіями въ работахъ и «гуляньѣ». Ихъ не принуждаютъ къ работѣ, не посылаютъ на трудные зимніе заработки (напр. вывозку бревенъ), во всемъ даютъ бо́льшую свободу и смотрятъ сквозь пальцы на ихъ проступки и шалости.

Лѣтомъ предъ призывомъ «некрутъ» обыкновенно (если онъ не изъ богатыхъ) идетъ на заработки, большею частію «въ путину», «на Маріинку» (Маріинскій каналъ). Тамъ онъ обязательно покупаетъ себѣ гармонику, по мѣстному выраженію «бобку» (русскую гармонику), или «тальянку» (гармонику съ италіанскимъ строемъ) и справляетъ праздничный костюмъ, въ которомъ главную роль играютъ «вытяжные» черные сапоги и суконный «пинжакъ». Оставивши остальной заработокъ на карманные расходы, или, какъ говорится, «на табакъ», некрутъ въ Августѣ возвращается домой. Съ этого времени начинается его гулянье. Не проходитъ почти ни одной «ярманки» или «гулянки», гдѣ бы онъ не появлялся. Обыкновенно рекрута служатъ центромъ, около котораго группируется на гулянкахъ молодежь. Имѣя бобку, они даютъ тонъ праздничному веселью и являются иниціаторами танцевъ—кадрёлки (кадрили), ланцёвки и русскаго.

Послѣ окончанія полевыхъ работъ, въ Октябрѣ мѣсяцѣ, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ начинаются гулянья рекрутовъ съ парнями односельчанами. Подъ вечерокъ парни собираются въ избѣ у какого-нибудь бобыля или бобылки; здѣсь иногда «некрутъ» выставляетъ водку, а не то покупаютъ ее всѣ въ складчину и подвыпивши начинаютъ свои ночныя прогулки по деревнямъ, которыя часто продолжаются «до пѣтуховъ». Ревъ гармоники, безобразное нестройное пѣніе, большею частію неприличныхъ, пѣсенъ [1]), лихое отхватываніе «русскаго»—сопровождаютъ эти

---

[1]) Пѣсни эти большею частію представляютъ изъ себя риѳмованные куплеты изъ 4-хъ стиховъ, часто безъ всякаго смысла, въ родѣ слѣдующихъ:

Какъ у бобки у тальянки
Изломалися мѣхи,
Возьму я дѣвку староверочку
Замолитъ всѣ грѣхи.

Заболѣла голова
Съ великаго посту,
Полюбилъ дѣвчонку я
Небольшого росту.

полупьяныя толпы; не обходится, конечно, безъ потасовокъ и даже серьезныхъ дракъ.

Но главное раздолье для гулянья, кривлянья и бахвальства «некрутовъ» наступаетъ съ открытіемъ въ деревнѣ «бисёдъ» (посидѣлокъ). Здѣсь рекрута—главныя дѣйствующія лица: имъ предоставляется здѣсь полный просторъ. Они заводятъ всѣ танцы и игры, выкидываютъ разныя «штуки», сидятъ на колѣняхъ у всѣхъ дѣвушекъ, даже и у «славутницъ», угощаютъ ихъ «прениками и канфетами»; парни ухаживаютъ за рекрутами и стараются во всемъ угодить имъ.

«Прйзывъ» бываетъ обыкновенно въ Ноябрѣ мѣсяцѣ. За недѣлю до назначеннаго дня гулянье рекрутовъ особенно усиливается, а за 2—3 дня начинается «гостеба» ихъ по своимъ роднымъ, къ которымъ они ходятъ прощаться; начинаютъ съ самыхъ близкихъ родственниковъ.

Когда рекрутъ собирается въ гости, мать напутствуетъ его слѣдующими причетами: [1]):

«Ты послушай-ко рожденьё сердесьнёе.
Скацёная жемцюжина—ягодка,
Ты куды справляпсе и свиваисе?
Ты справлеисе и свиваисе
Со друзьеми, со братьеми,
Съ перелетными удалыми молодцами.
Свиваисе не по старому, справлеисе не по прежнему
Во цастоё любимое госьбищё.
Омираётъ моё сердцё ретйвое.
Справлеисе не по волюшкѣ великія.
Ты пойдешь во цастое любимое госьбищё,
Ужъ не въ первое, а въ послѣднее
Придешь ко своей родимой тетушкѣ,
Седёшь за столы, да за дубовые,
Перекрести ты лицо чисто-браниоё
Предъ иконою передъ Божіей.
Тобя станутъ подтцивать и цёствовать,
Сугрѣву мою теплую, зеленымъ виномъ кудрявымъ.
«Ты не упивайсе, мое милое рожденьицё сердесьнёе».

Рекрутъ идетъ въ гости со своими сверстниками. Родственница (положимъ тетка) встрѣчая, обнимаетъ его съ плеча на плечо и начинаетъ голосить:

«Слава, слава Тобѣ, Господи,
Дождалась я свово любовново племянницька, гостя долгожданново,
Во цастое любимое госьбищё.
Ужъ мнѣ смахнуть-то свои оци ясные
На свово любовново племенницька.
Идетъ онъ со друзьеми, со братьеми,
Съ перелетными удалыми добрыми молодцами.
Ужь я гляжу тетка бѣдная
На тебя, добрый молодецъ, любовный племённицекъ;
Идешь да не по своей-то волѣ вольныя,
Не несутъ тебя рѣзвы ноженьки,
Пріупали бѣлы руценьки,
Потуманились оци ясные,

[1]) Во всѣхъ причётахъ по возможности удержаны особенности произношенія.

Помертвѣло лице бѣлое
Со великово со горюшка.
Садись-ко, любовной племенницёкъ,
За столы да за дубовые
Со удалыми добрыми молодцами.
Поставила я тетка бѣдная столы дубовые,
Послала скатерти бѣлотканныя,
Припасла ѣсву хресьянскую,
Хресьянскую, да не господскую».

Подносятъ рекруту на тарелкѣ вина, при чемъ хозяйка угощаетъ:

«Выпей-ко, любовный мой илеменницёкъ,
«Зелена вина кудряваго
«Не въ первое, а во послиднёе».

Рекрутъ садится съ товарищами за столъ, покрытый скатертью, на которомъ кипитъ самоваръ и стоятъ разныя закуски: крендели, пряники, конфекты, а также—непремѣнно рыбникъ (рыбный пирогъ). Онъ выпиваетъ немного вина, чаю, пробуетъ закусокъ и выходитъ изъ-за стола. Хозяйка кланяясь благодаритъ его:

«Спасибо тебѣ, любовной мой племенницёкъ.
Што не занессе ты богатымъ-то богацествомъ,
Дороднымъ-то дородцествомъ».

Изъ гостей ведутъ рекрута «взáпятки», т. е. лицомъ къ большому углу, а спиной къ двери съ тою мыслію, чтобы въ скоромъ времени опять бывать ему здѣсь въ гостяхъ.

Съ такими же церемоніями ходитъ рекрутъ и по другимъ родственникамъ. Когда вечеромъ, по большей части уже достаточно подвыпивши, возвращается онъ домой, мать встрѣчаетъ его причётами:

Слава, слава Тобѣ, Господи, дождалась я доглядѣласе
Свово рожденья сердесьнево,
Удалово доброво молодца.
Ушь ты былъ во цастомъ любимомъ госьбищѣ,
Ушь и што тебѣ сказала любовная тетушка,
Какія примѣтоцки и приглядоцьки,
Што бывать-ли тобѣ на родимой сторонушкѣ
По старому, да по прежнему?»

Передъ днемъ отъѣзда къ мѣсту вынутія жребія родные рекрута обращаются обыкновенно къ мѣстнымъ колдунамъ и колдовкамъ, которыя по картамъ, по бобамъ или другимъ какимъ-нибудь способомъ предсказываютъ судьбу—счастье рекрута. Иногда на канунѣ отъѣзда болѣе смѣлыя бабы спрашиваютъ объ участи рекрута даже у «нечистой силы». По большей части въ такомъ случаѣ обращаются къ «дворовому». Въ полночь хозяйка идетъ во дворъ, снимаетъ съ себя крестъ, поворачиваетъ рубаху воротомъ назадъ, становится среди двора противъ конюшни и спрашиваетъ «хозеина-дворов аго»: «Батюшка хозеинъ! чѣмъ ты меня обрадуешь, или прослезишь»? Дворовый, по мнѣнію крестьянъ, непремѣнно или заплачетъ, или просто закряхтитъ или закашляетъ голосомъ хозяина дома. Плачъ означаетъ неблагопріятный отвѣтъ, а кряхтѣнье считается хорошимъ предзнаменованіемъ. Чтобы благополучно удалиться изъ двора, нужно повторить первое слово, сказанное при входѣ въ него; иначе дворовый можетъ сдѣлать большія непріятности. Иногда бабы, хотя и довольно

рѣдко, обращаются за предсказаніемъ къ лѣсному, или, какъ называютъ его, «праведнику». Для этого выходятъ въ полночь въ лѣсъ, становятся на «рòзстань» (т. е. на перекрестокъ дорогъ) и обращаются къ лѣсному съ такимъ-же вопросомъ, какъ и къ домовому.

Въ самый день отъѣзда въ избу рекрута собираются родственники и масса любопытныхъ сосѣдей. Устраивается угощеніе для ближайшихъ родственниковъ; всѣ ухаживаютъ за рекрутомъ и стараются предупредить его малѣйшее желаніе. Послѣ обѣда всѣ молятся Богу, при чемъ рекрутъ часто даетъ какой-нибудь «завѣтъ Богу» (обѣтъ) въ случаѣ освобожденія его отъ военной службы. Родители благословляютъ рекрута и выводятъ его подъ руки изъ избы. При этомъ наблюдаютъ слѣдующую довольно сложную, примѣту. Отъ четырехъ угловъ скатерти, покрывавшей обѣденный столъ, отрѣзываютъ маленькіе кусочки, полагаютъ ихъ на печной столбъ (верхъ печи надъ самымъ ея устьемъ), зажигаютъ и смотрятъ—куда направится дымъ. Если дымъ идетъ въ большой уголъ или «прилубъ» [1]), то предзнаменованіе хорошее—рекрутъ останется на свободѣ и возвратится въ родной домъ; если же дымъ направляется въ двери, то значитъ—рекрута забріютъ въ солдаты.—Когда рекрутъ прощается съ матерью, послѣдняя обхватываетъ его руками и начинаетъ причитать:

«Ты прощайсе со своёй родимой сторонушкой,
Ты мое рожденьё сердесьнёе,
Со широкой быстрой риценькой,
Со всими со полеми со цистыми,
Со лушками со зелеными.
Ты прощайсе, сугрѣва сердесьняя
Съ Преображеньемъ многомилосливымъ
И со всѣми храмами Господними.
Какъ пріидешь ты на дальнюю сторонушку,
Заведутъ тобя во пріёмну казенную,
И станутъ, сугрѣва моя теплая,
Содѣвать съ тебя платье хресьянское
И тонкую билую рубашецьку,
И станутъ тебя оглядывать и осматривать;
И поведутъ тебя на кружало осударево,
Подъ мѣру подъ казенную.
И рыкнутъ судьи—власти не милосливы,
Серца ихны не жалосливы:
Принеть да добра молодца
Во солдаты во рекрутцкіе.
Подрѣжутъ рѣзвы ноженьки,
Пріопáдутъ бѣлы руценьки,
Пріужаснетце серце ретивое.
Принесутъ тебѣ бритву нѣмецкую,
Станутъ брить да буйну голову,
Золоты кудри сыпуція.
Обырѣй ты, мое рожденьё сердесьнёе.
Собери-ко свои русы волосы,
Золоты кудри сыпуція.
Заверни во бѣлу тонкую бумажецьку,
Пришли ко мнѣ матери побѣдныя.

---

[1]) Небольшая комната съ хозяйственными припасами и инвентаремъ рядомъ съ большой жилой избой.

Я пока бѣдна мать бесцасная
Покажесъ я во живности,
Буду держать ихъ во теплой запазушкѣ
За правой за пелецькой [1]).
Пойдутъ удалы добры-молодцы,
Все твои дружки-товарищи
Ко цесному годовому ко празницьку,
Погляжу я, мать безцясная,
Во хрустальнёе окошецько
На широкую пробойную улушку,
Погляжу я на твоихъ друзей-товарищей;
Стану примицѣть да и доглядывать
Тебя, мое рожденьё сердесьнёе,
Стану доглядывать по стипи да по возросту,
По похвальныя походоцькѣ.
Ушь не могу прибрать тебя, рожденьё сердесьнёе,
Не по походоцькѣ похвальныя,
Не по поступкѣ молодецкія,
Не по платью по хресьянскому.
Я погляжу мати безцясная
На тебя, сугрѣва сердесьняя:
Ты была у миня яблунь кудрёватая,
Срослая и урösливая,
Съ корешка да не закомлистой,
По середоцькѣ поджаристой.
По лицю по цисто-бранному,
По буйной по головушкѣ.
Ушь я не могу тебя признать
Тутъ одолитъ миня бесцясную
Горе бѣднось-то великая.
Ушь нѣту мово ясново солнышка
Не по стипи, да не по возросту,
Не по ухватоцкѣ похвальныя,
Не по походкѣ молодецкія.
Ушь была ты у миня яблунь кудрёватая,
Свиця да воску ярово,
Верба да золоцёная.
Былъ добрымъ людямъ-то присвойчивый.
Тутъ обомретъ мое серце ретивоё,
Што нѣту мово рожденья сердесново.
Ушь мое-то рожденье сердесьнёе
Былъ умный-то и разумный,
Къ добрымъ людямъ прибойчивый.
Со тово горя великово,
Со обиды, со досады несныя
Выну я съ своей съ теплой пазушки
Возьму во несцясныя руценьки
Кудри жолтыя сыпуція
Со твоей со буйной головы,
И приложу я къ ретиву серцу побѣдному,

[1]) Пелецька—часть пазухи за лямкой сарафана.

Будто на тебя нагляжусе, рожденьё сердесьнёе,
Будто съ тобой наговорюсе и набаюсе».

Когда рекрутъ садится въ сани, наблюдаютъ за лошадью. Если она въ это время не стоитъ смирно, а переступитъ съ ноги на ногу, то примѣта нехорошая.

Съ рекрутомъ отправляется кто-нибудь изъ близкихъ родственниковъ—мужчинъ—отецъ или братъ. На мѣстѣ призыва уже не слышно причитаній, такъ какъ бабы рѣдко ѣздятъ туда. Все больше встрѣчаются серьезныя задумчивыя лица мужиковъ и слышится пьяный разгулъ призываемыхъ.

Но вотъ жребій вынутъ, произведенъ медицинскій осмотръ; рекрутъ оказывается «забритымъ» и превращается въ «новобранца». Прежде чѣмъ отправиться къ мѣсту своей службы, онъ еще пріѣзжаетъ на недѣлю на двѣ домой погулять. Тутъ уже новобранецъ кутитъ во всю ширь русской натуры. Онъ одѣвается въ лучшее крестьянское платье—суконную «сибирку», яркій цвѣтной шарфъ и мѣховую шапку. Домашнія и родственницы дарятъ ему цвѣтные платки, которые онъ связываетъ вмѣстѣ концами и неизмѣнно носитъ при себѣ. Начинается лихое гулянье новобранцевъ. На тройкѣ лошадей съ бубенчиками, съ гармоникой и пѣснями, махая разноцвѣтными платками разъѣзжаютъ они по гостямъ и бесѣдамъ. Неизмѣнными спутниками новобранца являются два три молодыхъ парня—пріятеля, которые водятъ его подъ руки.

Наступаетъ день отъѣзда на службу. Мать и женская родня все время заливаются горючими слезами. Опять происходитъ прощанье новобранца со своими родственниками, сопровождаемое обильнымъ угощеніемъ; а дома въ это время укладываютъ его пожитки и пекутъ «подорожники», въ числѣ которыхъ неизбѣжно являются «сдобные колобы», «калитки», «наливки» (различные виды пироговъ изъ ячменной муки) и т. п. Въ самый день отъѣзда въ избу новобранца собирается чуть не вся деревня. Мать уже не только не въ состояніи причитать, но даже и плакать, а только охаетъ, стонетъ. Начинается трогательное прощанье новобранца. Онъ падаетъ въ ноги всѣмъ своимъ домашнимъ и близкимъ родственникамъ, начиная съ отца. Тѣ поднимая его и, обнимая, прижимаютъ къ своей груди; съ посторонними онъ только обнимается. Новобранецъ проходитъ по всему дому: въ каждой комнатѣ онъ молится Богу и падаетъ въ землю. Потомъ онъ идетъ во дворъ—прощаться со скотомъ; предъ каждой животиной онъ кланяется до земли и благодаритъ ее за вѣрную службу ему.—Когда онъ въ послѣдній разъ прощается съ матерью, она обхватываетъ его руками и напутствуетъ причетами. (Во время причетъ ее держатъ подъ руки близкія родственницы; она нѣсколько разъ «омираетъ» (т. е. лишается чувствъ), но придя въ себя, опять продолжаетъ причитать). Напутственные причеты слѣдующіе:

«Ты пойдешь, рожденьё сердесьнёе,
Не по старому, да не по прежнёму.
И даютъ тѣ тонку-бѣлую рубашецку солдатскую
На твое-то тѣло бѣлое,
И даютъ шинель казенную
Не по костямъ и не по плецюшкамъ,
И даютъ фуражку солдацкую
Не по буйной-то головушкѣ,
И сапожки-то не по ноженькамъ
И рукавицки не по руценькамъ.
И станутъ высылать на путь дорошку широкую,
Волоќа-то будутъ долгіе
И версты будутъ не мѣрныя,
Пойдутъ лѣса темные высокіе.
Пойдешь-ты, моя сугрѣва бажёная,
Въ города-то незнамые,

Все народы да не знакомые.
Какъ дойдешь до храма Господнево,
До церкви до священныя,
Ставь-ко свицьки Царю Небесному,
Пресвятой да Богородицѣ
И служи молебны-те заздравные
За великое за здравіе,
Штобы далъ тебѣ Христосъ Истинной
Ума и разума великово
На чужой на дальней на сторонушкѣ.
Служи-ко вѣрою да и правдою,
Держись за вѣру христіанскую,
И слушай-ко властей, судей милосливыхъ,
Командировъ, офицеровъ
И рядовыхъ-то солдатушёкъ.
Будутъ судьи власти милосливы
И серца ихъ будутъ жалосливы».

Студентъ Духовной Академіи
Александръ Мельницкій.

Село Ухта, Вытегорскаго уѣзда,
Олонецкой губ.

Святки въ Кореле.

Время гаданій у кореляковъ начинается съ вечера сочельника (24 декабря) и продолжается до самаго Крещенья. За это время, кромѣ того, что соблюдается во время «віандўойдъ» (не мажутъ дегтемъ сапоговъ, не моютъ половъ и т. д.), не бросаютъ еще на снѣгъ огарковъ отъ лучины,—чтобы жито не почернѣло. Вечеромъ въ сочельникъ дѣвушки и парни собираются въ одинъ домъ и здѣсь—въ складчину—дѣлаютъ «пряженые пироги» на постномъ маслѣ... Закусивъ пирогами, всѣ молча отправляются гадать—узнавать свою судьбу. 1) Одно изъ самыхъ распространенныхъ средствъ—узнать свою судьбу—это подслушиваніе подъ окнами. Дѣвушки или парни, а иногда тѣ и другіе вмѣстѣ идутъ подъ окна дома и, притаившись, слушаютъ, что̀ говорятъ живущіе въ домѣ. Каждый условливается слушать слова только извѣстнаго лица, живущаго въ домѣ. Потомъ подслушанныя слова толкуютъ въ томъ или другомъ смыслѣ, и на основаніи ихъ узнаютъ, что будетъ въ наступающемъ году... 2) Ходятъ слушать на перекрестки дорогъ. Собирается компанія молодежи, и тайно, безъ смѣха и разговоровъ выходитъ изъ дому на перекрестокъ. Молча становятся спинами вмѣстѣ и одинъ изъ нихъ обчерчиваетъ «сковородникомъ» кругъ, чтобы слушающимъ не могъ сдѣлать ничего худаго «сўндў» «Сўндў»—это особаго рода божество, которое дѣйствуетъ на землѣ преимущественно о святкахъ. Нѣкоторые изъ кореляковъ видали «сўндў». По разсказамъ ихъ, оно представляетъ изъ себя двигающійся стогъ сѣна, и не дай Богъ человѣку попасть въ его руки: онъ непремѣнно задавитъ его. Въ причитаньяхъ какъ свадебныхъ, такъ и погребальныхъ встрѣчаются названія «суврэдъ сўндўдъ», «сўндўйжедъ»; по всей вѣроятности, это второстепенные боги послѣ Юмала, но боги очень популярные между кореляками, всѣми почитаемые и имѣвшіе большое значеніе въ семейной частной жизни. На мой вопросъ: «что-же такое «суврэдъ сўндўйжедъ»--старуха-причитальщица не сразу нашлась отвѣтить... Она задумалась и минуту другую сидѣла молча. Потомъ, осмотрѣвшись по избѣ, она съ нѣкоторымъ даже азартомъ отвѣтила: «что «суврэдъ-сўндўйжедъ»?—да иконы вѣдь это»... Потомъ такъ же, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, внимательно слушаютъ, что прислышится, что скажетъ «великій сўндў». Иные изъ молодежи слышатъ отдаленные выстрѣлы—это значитъ быть имъ въ солдатахъ, слышатъ звонъ ямщицкаго колокольчика, пѣніе веселыхъ пѣсенъ,—все это къ тому, что скоро будетъ свадьба. 3) Вышеописаннымъ-же способомъ слушаютъ еще на церковномъ крыльцѣ и на кладбищѣ. Этотъ способъ гаданія считается самымъ вѣрнымъ, чтобы узнать свою судьбу, но рѣдко кто изъ кореляковъ осмѣливается идти на кладбище или на церковное крыльцо. Суевѣрный страхъ ихъ столь силенъ, что иные даже на свѣту, среди яснаго дня не осмѣлятся пройти по кладбищу; кладбище и церковь, по мнѣнію ихъ, населены покойниками, которые всюду бродятъ, всюду проникаютъ и еще намѣренно стращаютъ живыхъ людей .. 4) Въ полночь, когда всѣ уснутъ, дѣвушка кладетъ предъ устьемъ печки на плиту зеркало и зажигаетъ свѣчу; сама поднимается на печку, ложится на спину (головой въ сторону плиты), распускаетъ волосы и, закинувъ голову, глядится въ зеркало, положенное на плиту: если суждено ей скоро выйти замужъ, то непремѣнно

она увидитъ въ зеркалѣ лицо своего жениха, если же выйдетъ еще не скоро, то не увидитъ ничего. Тѣ же, которыхъ ожидаетъ скорая смерть, видятъ гробъ и похоронную процессію... 5) Также въ полночь, когда всѣ уснутъ, дѣвушка одѣваетъ на шею хомутъ и садится подъ столъ,—садится и ждетъ, что привидится. Этотъ способъ гаданія считается довольно опаснымъ, потому что гадающую можетъ испугать показавшійся призракъ. 6) Дѣвушки берутъ зубами съ печки каждая по лучинкѣ, въ зубахъ же и несутъ ихъ на прорубь, опускаютъ въ воду и несутъ потомъ обратно въ избу; вставляютъ въ стѣнную щель надъ дверной липиной и зажигаютъ: чья лучина загорится, къ той скоро пріѣдутъ сваты. 7) Гадающая дѣвушка беретъ сапогъ и, повертывая нижней частью его (то носкомъ впередъ, то пяткой), отмѣриваетъ пространство отъ лицевой стѣны до порога; и если въ послѣдній разъ приложенный сапогъ будетъ носкомъ къ порогу, то дѣвушка выйдетъ замужъ, а если пятой, то останется въ прежнемъ состояніи. 8) Въ самый день Крещенія утромъ подметаютъ полъ; соръ, собранный на полу (преимущественно угли лучины, которая и до сихъ поръ не вытѣснена у кореляковъ никакимъ другимъ горючимъ матеріаломъ), выбрасывается на улицу, недалеко отъ домоваго крыльца. Гадающая дѣвушка примѣчаетъ—прилетитъ ли на этотъ соръ сорока, если прилетитъ, то дѣвушка непремѣнно выйдетъ скоро замужъ. 10) Для того, чтобы узнать характеръ будущаго жениха, дѣвушка беретъ сковороду, наливаетъ на неё воды и кладетъ немного кудели, и все это ставитъ на огонь; если на сковородѣ будетъ сильно трещать, то женихъ будетъ—человѣкъ горячій, буйный, а если будетъ только шипѣть, и дѣло обойдется безъ треску, то женихъ будетъ нрава кроткаго, человѣкъ смирный и степенный... 11) Чтобы узнать, кто будетъ женихъ—крестьянинъ или купецъ, или нищій, съ этою цѣлію берутъ три одинаковыхъ ложки; одну наполняыгъ молокомъ или хлѣбнымъ зерномъ, въ другую кладутъ золотое или серебряное кольцо, а въ третью наливаютъ воды... Годающая дѣвушка уходитъ на время въ сѣни, пока приготовляютъ ложки; потомъ возвращается и выбираетъ одну изъ трехъ (самыя ложки закрываются, и оставляются на видъ только ручки): если попадетъ ложка съ водой, то быть за бѣднымъ человѣкомъ, если съ молокомъ, то за крестьяниномъ, а которая возьметъ съ кольцомъ, то выйдетъ за богатаго человѣка....

Н. Лѣсковъ.

Мудрый Маччи.

Жила-была въ одной деревнѣ вдова съ дочерью и сыномъ. Дочь была молодая дѣвица; и вотъ когда она однажды утромъ вышла изъ дому—выполоскать на берегу озера вѣники,—увидѣла на другой сторонѣ озера домъ, поглядѣла на него и расплакалась. Приходитъ въ избу къ матери, а сама плачетъ забывается. «Что же ты плачешь, милая дочка?» спрашиваетъ у ней мать, «обидѣлъ тебя кто-нибудь или слово грубое сказалъ?...»—Нѣтъ, маменька, отвѣчаетъ дочь, не обидѣлъ меня никто, и слова грубаго я не слышали ни отъ кого; а плачу я отъ того, что когда полоскала вѣники увидѣла на другой сторонѣ озера на самомъ берегу домъ—и подумала: а что еслибы да меня выдали замужъ въ тотъ домъ; радился бы у меня ребеночекъ-мальчикъ, пошелъ бы онъ играть на «уличку», ходилъ бы онъ, игралъ бы и, по глупости своей, забрелъ бы въ воду и утонулъ... Вотъ чего я, милая матушка, и плачу такъ сильно»... Мать выслушала свою плачущую дочь, и сама разжалобилась, сѣла на скамейку рядомъ съ дочкой и давай плакать... Плачутъ обѣ мать и дочь... Приходитъ съ работы сынъ и спрашиваетъ: чего вы плачете, мать и сестра?... Обидѣлъ ли кто васъ или слово грубое кто сказалъ?...—Нѣтъ, не обидѣлъ насъ никто, и слова грубаго мы не слышали ни отъ кого, а плачемъ отъ того, что сестра твоя дѣвица пошла сегодня вѣники полоскать въ озерѣ; полоща, она увидѣла на другой сторонѣ озера на берегу домъ и подумала, что если бы она была выдана туда замужъ, родился бы у ней ребеночикъ—мальчикъ, пошолъ бы онъ играть на уличку, ходилъ бы онъ, игралъ бы и, по глупости своей, забрелъ бы въ воду и утонулъ бы... вотъ чего мы и плачемъ, вотъ изъ за чего и слезы роняемъ... Выслушалъ сынъ—мать и сестру и въ первое время просто изумился:«—ну, говоритъ онъ имъ, сколько живу на семъ свѣтѣ такихъ глупыхъ людей еще не видалъ... Пойду скитаться по міру, и если найду трехъ человѣкъ глупѣе васъ, то ворочусь,а если не сыщу нигдѣ, то не ждите больше отъ меня мягкихъ и теплыхъ хлѣбовъ...

Собралъ Маччи котомочку, вскинулъ ее за плечи и отправился въ дальнюю сторону. Идетъ день, идетъ другой, наконецъ, приходитъ въ одну деревню и останавливается въ ней на ночлегъ. Вечеромъ жильцы-хозяева того дома, въ которомъ онъ остановился, отправились въ баню... Только что за чудо? Идутъ люди въ баню, а подштанники дома оставляютъ. Напарились, намылись хозяева въ банѣ и возвращаются домой безъ подштанниковъ. Вошли въ избу, и всѣ мужчины поднялись на полку, а бабы ихъ подштанники несутъ и подъ самой полкой прилаживаютъ ихъ въ стоячемъ положеніи... Скочилъ одинъ мужикъ, скочилъ другой,—все мимо подштанниковъ, никакъ въ цѣль не попадаютъ. Въ каждый разъ, какъ скочитъ кто не удачно, не попадетъ въ подштанника, хлопъ свою бабу по щекѣ, зачѣмъ-молъ худо подштанники подставила... Снова оттуда скачутъ,—и опять неудачно, опять мимо подштанниковъ—и ну бить бабъ... До самой полуночи бились съ подштанниками и утомились до смерти... Маччи глядѣлъ—глядѣлъ на эту безтолковщину и заговорилъ: «Зачѣмъ все это вы, крещеные, дѣлаете? Развѣ такъ подштанники одѣваютъ? Одѣть ихъ можно иначе, да и съ большимъ удобствомъ»...—Какъ?... Скажи, пожалуйста, научи,мы за это тебѣ заплатимъ... «Да вотъ какъ», говоритъ Маччи; самъ сѣлъ на лавку, протянулъ ноги и руками легко натянулъ подштанники... Хозяева просто рты разинули;—Сколько, говорятъ живемъ мы на свѣтѣ, до сихъ поръ и въ голову не приходилъ этотъ простой способъ одѣванія подштанниковъ... Спасибо тебѣ, добрый молодецъ, что научилъ»... Накормили, напоили Маччи да еще дали денегъ 5 рублей.

Идетъ Маччи дальше. Приходитъ опять на ночлегъ въ одну деревню. Сидятъ хозяева, ужинаютъ «hутту» (каша изъ ржаной муки) ѣдятъ... Возьметъ каждый ложку «hутту» и бѣжитъ въ чуланъ за сметаной; съѣстъ ложку, другую хватитъ и опять въ чуланъ за сметаной и т. д. и т. д... Глядѣлъ-глядѣлъ Маччи на это бѣганье изъ избы въ чуланъ, и потомъ обратно—изъ чулана въ избу и говоритъ: «Зачѣмъ вамъ бѣгать каждый разъ съ ложкой «hутту» въ чуланъ? Вѣдь это очень утомляетъ, а можно бы сдѣлать такъ, что и бѣгать не придется»...—А какъ же, спрашиваютъ хозяева, если можешь такъ, пажалуйста, ужь научи, а мы тебѣ за это заплатимъ... «Да вотъ какъ, говоритъ Маччи, смотрите», и самъ принесъ горшокъ со сметаной изъ чулана и поставилъ его на столъ,—хозяева такъ и ахнули отъ изумленія: «сколько, говорятъ они, на свѣтѣ жили, а до сихъ поръ вѣдь такъ устроить—и въ голову не приходило». Напоили накормили Маччи и дали еще ему 5 руб. за выучку.

Идетъ Маччи дальше и думаетъ дорогой: въ двухъ мѣстахъ нашелъ глупыхъ людей, а если въ третьемъ еще найду, тогда домой возвращусь и буду кормить мать и сестру... Приходитъ Маччи опять въ даревню; только зашелъ онъ въ деревню, видитъ, какъ изъ одного дому выскочило на улицу четыре человѣка съ припономъ; разостлали его на солнцепекѣ, потомъ снова быстро поспѣшно схватили его за четыре угла и опять унесли въ избу. Скоро опять выскочили изъ избы, снова разостлали припонъ и обратно въ торопяхъ снесли въ избу и т. д. и т. д. Долго глядѣлъ на это Маччи и никакъ не могъ понять, что бы это значило: люди съ припономъ бѣгаютъ; по видимому ничего не носятъ, а разстелютъ только на солнцепекѣ и опять въ избу несутъ; потъ на лицахъ ручьями льется.... Глядѣлъ, глядѣлъ Маччи и спрашиваетъ у этихъ людей: «Что вы дѣлаете, добрые люди? Я стою и смотрю и никакъ не могу понять, надъ чѣмъ вы такъ стараетесь»...—Ой, братъ, говорятъ Маччи четыре человѣка, не мѣшай намъ въ нашей работѣ... Вотъ выстроили домъ,—домъ хорошій, крѣпкій, жить только, въ немъ, такъ вся бѣда въ томъ, что свѣту нѣтъ; вотъ мы и стараемся въ припонѣ занести свѣтъ въ избу... Но ужъ скоро годъ, какъ трудимся, а до сихъ поръ въ избѣ темно, какъ въ могилѣ... «Да зачѣмъ же вамъ такъ свѣтъ въ избу носить? Можно иначе и гораздо легче сдѣлать это»...—А какъ же, спрашиваютъ Маччи?... Если ты знаешь какое другое средство, такъ, пожалуйста, научи, а мы будемъ очень тебѣ благодарны и за то тебѣ деньги заплатимъ. «Да вотъ какъ, говоритъ Маччи: роздалъ каждому по топору, и самъ взялъ топоръ, и давай рубить окна въ избу. Прорубили 5 оконъ въ избу: 3 съ лица и по одному съ боковъ, и въ избѣ стало свѣтло, какъ на улицѣ... Стоятъ мужики, удивляются и думаютъ: какъ это имъ прежде въ голову не могло придти такое простое средство освѣтить избу... Напоили, накормили Маччи и въ благодарность дали ему еще 5 рублей денегъ... Взялъ Маччи деньги и пошелъ домой... Пришелъ домой и говоритъ матери и сестрѣ: «ваше счастье, нашелъ въ трехъ мѣстахъ людей глупѣе васъ, ѣште хлѣбъ до самой смерти, буду кормить безъ словечка»...

Н. Лѣсковъ.

Шутъ Григорій.

Въ одной деревнѣ жилъ-былъ крестьянинъ, по имени Шутъ-Григорій. Не даромъ такое имя дано было ему. Не было ни проѣзду, ни проходу ни конному, ни пѣшему, котораго бы Григорій не обозвалъ какъ-нибудь. И какъ кого прозоветъ, такая кличка за тѣмъ человѣкомъ навѣкъ и останется; «какъ гвоздями прибьетъ», поговариваютъ объ этой способности Григорья сосѣди-мужички. Украсть, обмануть, соблазнить дѣвушку, «опохожать» (т. е. осмотрѣть и стащить потомъ рыбу) чужую ловушку—никто не могъ такъ ловко, какъ это дѣлалъ Григорій. Всѣ знаютъ, что это Григорій сдѣлалъ, его работа,—но уличить никогда не могутъ. Такъ ловко спрячетъ концы, что самому «паһалайнэ» не отыскать. Цѣлыми днями иногда Григорій ничего не дѣлалъ: лежитъ себѣ на теплой печи и придумываетъ—какую-бы ему еще штуку выкинуть. Лежитъ насвистываетъ, какъ бы тетерокъ приманиваетъ, а жена его ужь горячіе «ростёги» (особый видъ пироговъ) масломъ мажетъ да съ поклонами Григорью подноситъ. А Григорій ѣстъ да ухмыляется: умѣлъ, говоритъ, нажить, умѣю и ѣсть. Слезетъ иной разъ вечеромъ съ печки, нащиплетъ лучины или сплететъ корзину и опять на цѣлый вечеръ правъ, сидитъ безъ дѣла, разсказываетъ сказки, прибаутки, загадываетъ загадки да семейныхъ смѣшитъ. Даже русскіе пріѣзжали слушать Григорьиныхъ сказокъ. Пріѣдутъ это съ деньгами, по недѣлѣ сидятъ на подпольницѣ, рта не смѣютъ открыть, слушаютъ его... А Григорій сидитъ себѣ на печкѣ, ногами помахиваетъ да языкомъ болтаетъ. Лѣтомъ—нечего дѣлать, такъ Григорій въ лѣсъ сходитъ, бересты надеретъ, мячики ребятишкамъ дѣлаетъ и цѣлые дни этимъ забавляется; какъ глупенькій рѣзвится, скачетъ, на одной ногѣ прыгаетъ, «кода»—мячикомъ играетъ. Не было у Григорья никакой скотины въ домѣ, только и было у него, что черная, старая кошка да собака Мутти. Разъ вздумалось Григорью идти «пало» (пожогу) пахать. Лошади у него своей не было; вотъ онъ и пошелъ къ попу лошади просить. Батюшка, говоритъ Григорій, думаю идти «пало» пахать, такъ одолжи пожалуйста лошади и сохи,—возвращу съ благодарностью...—«Да вѣдь ты напакостишь только, Гришка, говоритъ ему попъ. Я дать дамъ, мнѣ не жалко, отчего не дать человѣку въ нуждѣ, но не будетъ только съ тебя пахаря; какой съ тебя пахарь?... Ты бы шелъ лучше къ русскимъ да языкомъ у нихъ болталъ, да денежки за это получалъ: вѣдь они до этого охотники»...—Нѣтъ, батюшка, дай ты мнѣ лошадь и соху; буде что случится съ ними недоброе, тебя самого позову, не полѣнюсь, сбѣгаю... Взялъ Гришка лошадь и цѣлый день возился съ ней, пахалъ-царапалъ «пало». Вечеромъ ѣдетъ домой... Проѣзжаетъ мимо болота, глядитъ болото-вязкое, глубокое, взялъ да и заѣхалъ въ него: «а пусть, говоритъ, околѣваетъ лошадь, у попа ихъ много». Взялъ потомъ — почти совсѣмъ отрубилъ у лошади голову, только на верхней шейной шкуркѣ оставилъ висѣть, и самъ съ крикомъ и плачемъ побѣжалъ въ деревню къ попу. «Ой, батюшка, несчастье случилось со мной: лошадь твоя завязла въ болотѣ, стоитъ, золотая, хвостомъ не шевельнетъ, до самаго брюха въ болото ушла...» Попъ съ кряхтеньемъ и неудовольствіемъ поднялся и крѣпко выругалъ Григорья: «говорилъ я тогда тебѣ, сатанинская голова (саттананъ піä), что гдѣ тебѣ съ лошадью справляться,—вѣкъ чего въ рукахъ не бывало, за то бы и не брался, а то вотъ теперь изъ-за тебя, дурака, приходится мнѣ самому трудиться...» Пришли попъ и Григорій къ болоту; лошадь, дѣйствительно, какъ говорилъ Григорій, стоитъ, хвостомъ не шевельнетъ; мертвая, такъ будетъ ли шевелить?!...

Какъ же теперь вытащить лошадь? А вотъ что, батюшка, говоритъ Гришка, я, какъ простой мужикъ, буду пихать лошадь съ хвоста, съ зади: мнѣ простому мужику живетъ; а ты, какъ попъ, будешь тащить съ головы... Понравился такой распорядокъ попу. Накинулъ онъ на голову лошади петлю, выбралъ посушѣе мѣсто на кочкѣ, оперся правой ногой о пень и давай тащить лошадь что есть мочи... «Ой, батюшка, говоритъ Гришка, не тащи такъ сильно лошадь, неравно голова оторвется». Попъ тащилъ, тащилъ,—голова у лошади вдругъ оторвалась, и онъ, какъ снопъ (или—какъ стручекъ), «палго», хлопнулся на пень; едва живъ остался, такъ сильно ударился жирной спиной о пень. А Гришка правъ: говорилъ я тебѣ, батюшка, тише нужно тянуть, не послушался, на себя теперь и пеняй: голову у лошади оторвалъ и спину себѣ досадилъ...» А самъ въ это время отвернется въ сторону и смѣется надъ простоватымъ попомъ...

Случилось также Григорью весной ходить въ лѣсъ на тетёръ. Ходитъ Григорій по «корбѣ» (густой лѣсъ) со своей Мутти, ходитъ посвистываетъ, не столько тетёръ стрѣляетъ, сколько пѣсенъ поетъ. Пришло время обѣденное, солнышко высоко надъ лѣсомъ поднялось, и сталъ Гришка обѣдъ варить. Развелъ огонь, положилъ рябчика въ горшокъ, налилъ его водой и поставилъ на огонь кипятиться... Ужъ булькаетъ, кипитъ, паръ съ горшка столбомъ валитъ,—слышитъ вдругъ Григорій, что идутъ къ нему на просѣку какіе-то люди, топорами звѣнятъ, ружьями пощелкиваютъ—должно быть разбойники. Гришка скорёхонько затопталъ огонь, нарылъ на него снѣгу, а горшочекъ поставилъ на растаявшую кочку, самъ стоитъ и надъ горшкомъ палочкой помахиваетъ, а горшокъ свое дѣло дѣлаетъ—пары пускаетъ, пріятнымъ запахомъ носъ щекочетъ. Подходятъ разбойники. «Что ты, Гришка, дѣлаешь? спрашиваютъ они; зачѣмъ палочкой надъ горшкомъ помахиваешь?—А посмотрите, говоритъ Гришка, подойдите поближе, поглядите, что съ горшкомъ дѣлается... Смотрятъ разбойники и удивляются,—горшокъ на голой кочкѣ стоитъ, а рябчикъ въ немъ ужъ совсѣмъ готовъ,—сварился.

«Продай, говорятъ Гришкѣ разбойники, продай намъ этотъ горшокъ. Намъ онъ очень бы годился: на промыслѣ иной разъ вздохнуть некогда, столько работы бываетъ, гдѣ ужъ тутъ бабьимъ дѣломъ заниматься: огонь разводить да обѣдъ варить; а въ горшокъ твой чего только ни наклалъ, все мигомъ безъ огня скипитъ». — Отчего же, говоритъ лѣниво Гришка, отчего же и не продать? Продать можно, лишь бы деньги дали хорошія.—«А сколько же ты просишь»?—Да ни много, ни мало, а рублей 10. Покопались разбойники у себя на вороту, въ кожанныхъ кошелькахъ, достали деньги и съ поклонами отдали Григорью. А Гришка радъ, что деньги получилъ и разбойниковъ обдулъ... Проходитъ недѣля... Гришка начинаетъ побаиваться, что вотъ вотъ разбойники нагрянутъ на его домъ и тогда ему плохо придется за обманъ. Думаетъ, что въ такой-то день они непремѣнно придутъ къ нему, и идетъ въ этотъ день опять въ лѣсъ на охоту съ неразлучнымъ Мутти. Предъ уходомъ въ лѣсъ поймалъ Гришка двѣ маленькихъ птички—трясогузки (паске-чивчуой), совершенно другъ на друга похожихъ. Одну берётъ съ собой въ лѣсъ, а другую дома бабѣ оставляетъ; «да смотри, баба, говоритъ Гришка, чтобы сегодня ты у меня, какъ можно больше, пироговъ напекла: ростеговъ, сканцевъ съ кашей, чупуковъ, кокачей, колобовъ..., сегодня у насъ гости будутъ, да, смотри, не забудь, приготовь все, какъ слѣдуетъ, по хорошему, иначе я у тебя живой шкуру сдеру». Пошелъ Гришка въ лѣсъ. Опять, какъ и въ первый разъ, ходитъ по корбѣ, посвистываетъ, не столько тетеръ стрѣляетъ, сколько пѣсни распѣваетъ. Поднялось солнышко высоко надъ лѣсомъ, наступило время обѣденное, слышитъ Гришка, что какіе-то люди къ нему на просѣку подходятъ, топорами звенятъ, ружьями пощелкиваютъ.—Разбойники, думаетъ Гришка, а у самого «брюхо отъ страху ниже ножныхъ пальцевъ упало» (корельское выраженіе для обозначенія страха). «Ну да раньше времени бояться нечего; посмотримъ, кто кого обидитъ»; встряхнулъ волосами, стоитъ и поджидаетъ гостей.—А, вотъ и самъ Гришка, говорятъ разбойники, завидѣвъ Григорья. Ты что, братъ, обманулъ насъ, деньги взялъ сполна, а горшокъ далъ никуда негодящійся. Мы палочкой надъ нимъ махали, махали, а щей себѣ однако не сварили.—Вотъ за это тебя слѣдуетъ убить. «За что убить? говоритъ въ отвѣтъ Гришка;

не я въ томъ виноватъ, что у васъ горшокъ безъ огня не кипитъ; нужно было вамъ слова нѣкоторыя выучить, безъ которыхъ ничего не будетъ, хоть годъ палочкой помахивай... Не вѣрите мнѣ? Вотъ у меня въ рукахъ птичка—трясогузка, самая обыкновенная птичка, а стоитъ только пошептать ей въ ухо нѣсколько словъ, и она, какъ стрѣла, прямо полетитъ къ моей бабѣ и передастъ вѣсть, чтобы обѣдъ для гостей хорошихъ готовила: чупуки и растеги стряпала, блины пекла, кофей варила...»—Ужели, Гришка, у тебя птичка такая есть? Пожалуйста, сдѣлай такую милость, отправь её къ бабѣ, пусть она обѣдъ готовитъ, и мы бы у ней кстати поѣли... «Отчего же, говоритъ лѣниво Григорій, можно»... Взялъ птичку, пошепталъ ей въ ухо и пустилъ ее въ лѣсъ на всѣ четыре стороны... Птичка быстро вспорхнула и скоро скрылась изъ глазъ разбойниковъ. Идутъ разбойники въ домъ Гришкинъ, а сами сомнѣваются: — «ужели, говорятъ между собой, птичка-то и вправду къ бабѣ слетѣла и приказъ отдала—обѣдъ готовить». Приходятъ, наконецъ, въ домъ—и что же? Птичка на окнѣ по стекламъ порхаетъ, а у бабы уже пироги масломъ намазаны, обѣдъ готовъ, кофей сваренъ, послѣдній «чупукъ» съ кашей свёртываетъ.

Сѣли разбойники за столъ, ѣдятъ, пьютъ, ѣду похваливаютъ, но больше и больше птичкѣ удивляются.—Ну, и птичка у тебя, Гришка; не птичка, а кладъ, продай ты её намъ; она намъ очень бы погодилась; въ другой разъ далеко въ лѣсу бродишь, придешь домой холодный, голодный, а у бабъ ничего, оказывается, не приготовлено; а будь такая птичка, какъ у тебя, взялъ бы да заблаговременно и послалъ её, и велѣлъ бы передать бабамъ,—чтобы обѣдъ скорѣй готовили, и было бы очень удобно. Продай намъ, Гришка, её...—«Отчего же, говоритъ лѣниво Гришка, и не продать; продать можно, лишь бы деньги дали хорошія!..»—А сколько же ты просишь? — «Да ни много, ни мало, а рублей 10». Покопались разбойники у себя на вороту въ кожанныхъ кошелькахъ, достали деньги и съ поклонами отдали Григорью. А Гришка имъ намѣсто птичку далъ, и самъ радъ, что деньги получилъ и разбойниковъ обдулъ.

Проходитъ недѣля, другая... вдругъ въ одинъ день нагрянули разбойники въ Гришкинъ домъ, связали Гришку по рукамъ и ногамъ и говорятъ ему: «ну, теперь мошенникъ, не уйдешь отъ насъ; полно тебѣ обманывать насъ, какъ маленькихъ дѣтей; будетъ тебѣ—и деньги выманивать; пришло время свести съ тобой счеты...» Взяли связаннаго Гришку, посадили въ куль, куль зашили, бросили его на возъ и повезли на ледъ озера. Привезли на средину озера, и всѣ общимъ голосомъ порѣшили утопить Гришку... Но, какъ на грѣхъ, ни у кого не оказалось съ собой пешни («пуразь»), чтобы сдѣлать прорубь. Подумали разбойники, потолковали и отправились всѣ домой за пешней, а Гришку, зашитаго въ куль, оставили тутъ же, на озерѣ, не убѣжитъ, молъ, а возить его зря взадъ и впередъ не стоитъ. Сидитъ Гришка въ кулѣ и думаетъ: «насталъ, должно быть, мой конецъ, теперь ужь никакъ не вывернешься, приходится, вѣрно, умирать; ну, пожилъ и—довольно...» Слышитъ вдругъ какъ-будто вдали колокольчикъ ямщицкій зазвенѣлъ.—Должно быть баринъ какой-нибудь проѣзжій ѣдетъ... Гришка сейчасъ же на хитрость пустился; сидитъ въ кулѣ и такъ жалобно стонетъ: «хотятъ въ попы ставить, а грамотѣ не умѣю; хотятъ въ попы ставить, а между тѣмъ грамотѣ не знаю...» Подъѣхалъ проѣзжій баринъ поближе, замѣтилъ куль, прислушался:—кто-то стонетъ: «Хотятъ въ попы ставить, а грамотѣ не умѣю»; велѣлъ баринъ ямщику остановиться, распоролъ куль и вывелъ на свѣтъ Божій Гришку. «Какимъ образомъ попалъ ты въ куль»? спрашиваетъ баринъ Гришку.—Да вотъ, добрый человѣкъ, говоритъ Шутъ, хотѣли меня попомъ сдѣлать, а я грамотѣ не знаю и не хочу идти въ попы, такъ меня, чтобы хотя насильно въ попы поставить, взяли и зашили въ куль... Выслушалъ баринъ Гришку, и самому ему захотѣлось сдѣлаться попомъ «Если ты не идешь въ попы, говоритъ онъ Гришкѣ, такъ пусти меня, я грамотѣ умѣю...»—Отчего же, лѣниво отвѣчаетъ Гришка, можно; только тебѣ, баринъ, слѣдуетъ въ мою одежду нарядиться, и въ куль сѣсть. Баринъ безъ словечка согласился: снялъ съ себя енотовый тулупъ, черные сапоги, одѣлся въ Гришкинъ кафтанъ и засѣлъ въ куль, а Гришка зашилъ его. Потомъ Гришка одѣлся въ барское платье, засѣлъ въ

барскія сани, свистнулъ и поѣхалъ... А между тѣмъ баринъ сидитъ въ кулѣ и твердитъ: хотятъ въ попы ставить, и я грамотѣ знаю. Пришли разбойники, принесли пешню, сдѣлали ею прорубь и спустили туда куль съ бариномъ. «Ну, теперь не выскочитъ ттуда, говорятъ разбойники, смотри только пузырьки встаютъ на поверхности. Хотѣли уже уходить домой--глядятъ—на встрѣчу имъ Гришка ѣдетъ. Сидитъ въ саняхъ, развалясь, какъ баринъ, въ енотовомъ тулупѣ, въ черныхъ сапогахъ, и подъ дугой колокольчикъ звенитъ. Разбойники какъ увидѣли, такъ и ахнули; сняли шапки, поклонились Гришкѣ и спрашиваютъ у него: «Сдѣлай милость, скажи какимъ образомъ ты живъ остался и лошадей гдѣ нажилъ, вѣдь сейчасъ только мы утопили тебя въ озерѣ...» — Эхъ, братцы, говоритъ имъ Гришка, вы хотѣли мнѣ зло сдѣлать, анъ оказалось, что вы мнѣ добро сдѣлали; опустился я это на дно озера, а тамъ, братцы, каждому, кто съ этого свѣта туда спустится, лошадей даютъ, сани и хорошую одежду; каждому, кто бы ни пришелъ туда...

«Ой, Гришенька, спусти насъ въ прорубь, стали просить разбойники, спусти насъ подъ ледъ, мы тебя отблагодаримъ...» Отчего же, говоритъ лѣниво Гришка, можно... Прыгайте сами въ прорубь, а тамъ на днѣ увидите и повѣрите, что я вамъ правду говорилъ.

Стали прыгать разбойники въ прорубь, и послѣ нихъ только пузырьки встаютъ на поверхности. Прыгнулъ одинъ, прыгнулъ другой, а остальные ждутъ своихъ товарищей, стоятъ около проруби... «Что же, говорятъ Гришкѣ разбойники, наши товарищи такъ долго не возвращаются, пора бы, кажется, придти имъ обратно...»—Ахъ, братцы, отвѣчалъ Гришка, они, не какъ я, выбираютъ лучшихъ лошадей и покраснвѣе сани... Я такъ прямо: хватилъ, что было поближе да поскорѣе вонъ, а они видишь не такъ: выбираютъ какъ бы все получше... «Такъ пожалуйста, Гриша, спусти насъ поскорѣе подъ ледъ...» — Прыгайте всѣ скорѣе да по очереди, чтобы не препятствовать другъ другу. И всѣ разбойники другъ за дружкою поскакали въ озеро... А Шутъ-Григорій радъ, что живъ остался и отъ разбойниковъ навсегда отвязался.

Пастухъ и дьяволъ.

Въ одной деревнѣ жилъ былъ молодой пастухъ, по имени Пекко. Пасъ коровъ Пекко хорошо: на ночь въ лѣсу не оставлялъ, утромъ, на пастбище рано прогонялъ и пасъ на такихъ мѣстахъ, гдѣ росла трава до поясу (по поясъ). Хвалятъ Пекко бабы, не нахвалятся... Вотъ однажды, когда Пекко былъ со стадомъ далеко въ лѣсу, приходитъ къ нему дьяволъ (паһалайнэ) и говоритъ ему: давай Пекко—помѣряемся силой...—Отчего же, отвѣчаетъ ему Пекко, помѣряться можно, я не прочь; вотъ возьмемъ каждый по камню изъ «кившпали» (груда камней, собранная на полѣ), и кто можетъ такъ зажать его сильно въ рукѣ, что изъ него потечетъ вода, тотъ будетъ сильнѣе... Дьяволъ со смѣхомъ взглянулъ на молодаго пастуха, осмѣлившагося такъ дерзко говорить съ нимъ, взялъ камень и крѣпко сжалъ его въ своей рукѣ. Камень хрустнулъ и разсыпался мелкимъ пескомъ. «Ну, нѣтъ, братъ, говоритъ ему Пекко, это еще не сила, у тебя вода не течетъ изъ камня, а вотъ погляди-ка, какъ я буду дѣйствовать»... Предъ приходомъ дьявола Пекко только что испекъ на огнѣ нѣсколько рѣпинъ—«пачой» и спряталъ ихъ между камнями въ «кившаллю», Теперь онъ вытащилъ одну изъ нихъ, сжалъ въ рукѣ, и изъ «пачой» потекла вода. «Смотри-ка, братъ, говоритъ дьяволу, у меня изъ камня вода течетъ». Дьяволъ удивился силѣ Пекко и сталъ просить его, что бы онъ сдѣлался его работникомъ. «Отчего же? можно» .. говоритъ Пекко, направилъ стадо коровъ по дорогѣ къ деревнѣ, а самъ пошелъ съ дьяволомъ—служить ему... Работаетъ Пекко въ домѣ дьявола, ходитъ съ топоромъ по улицѣ, по угламъ избы обухомъ пощелкиваетъ. Вотъ разъ дьяволъ съ Пекко отправились въ лѣсъ дрова рубить. Срубилъ дьяволъ громаднѣйшую ель и, не обсѣкая вѣтвей, хочетъ тащить ее домой... Видитъ Пекко, что дѣло плохо, и если не схитрить, то, пожалуй, еще издохнешь подъ тяжестью дерева... «Я, говоритъ онъ дьяволу, такъ какъ буду сильнѣе тебя, то понесу «комель», а ты иди въ переди неси дерево за верхушку, по твоимъ силамъ и этого достаточно»... Взваливъ вѣтвистую верхушку на плечи, дьяволъ тащитъ, кряхтитъ, а Пекко сидитъ на комлѣ и пѣсни поетъ... «Да смотри ты у меня, покрикиваетъ онъ на дьявола, если будешь останавливаться да оборачиваться назадъ, такъ-таки между лопатокъ топоромъ и щелкну». Идетъ дьяволъ, кряхтитъ подъ тяжелой ношей, а остановиться и обернуться ни разу не смѣетъ: боится, что топоромъ отъ работника достанется. Приходитъ дьяволъ домой и разсказываетъ женѣ: «ну, и работникъ же намъ попался, жена; силища такая, что и сказать нельзя... Сегодня я въ лѣсу нарочно срубилъ самую большую ель и, не обрубая вѣтвей, понесъ. Пекко самъ выпросился «комель нести, а мнѣ верхушку далъ. Я едва несу, охаю, ноги подламываются, а онъ легонько такъ несетъ, пѣсни поетъ да на меня покрикиваетъ: если хоть разъ-молъ оглянешься, такъ-таки топоромъ и свистну между лопатокъ. Что теперь намъ дѣлать съ такимъ силачемъ?—Убить его слѣдуетъ, совѣтуетъ дьяволу жена, иначе никакъ отъ него не отвяжешься. Какъ пойдетъ онъ спать въ сарай, въ сани, говоритъ она мужу, уснетъ тамъ, ты возьми топоръ, поди и щелкни его по головѣ, ужь навѣрное тогда сдохнетъ. Дьяволъ согласился, и рѣшено было убить Пекко въ первую же ночь. А Пекко между тѣмъ стоялъ въ сѣняхъ за дверью, слышалъ отъ слова до слова весь совѣтъ «паһалайнэ» съ женою. «Ну, думаетъ онъ, не такъ-то вы скоро отвяжетесь отъ меня; кто кого еще выживетъ»?

Послѣ ужина, Пекко спокойно, какъ будто ни въ чемъ не бывало, отправился спать въ сарай. Легъ въ сани и ждетъ, что дальше будетъ. Слышитъ, что въ сарай идетъ дьяволъ, на цыпочкахъ подходитъ къ санямъ и прислушивается—спитъ ли Пекко или нѣтъ... Пекко же, что есть мочи, захрапѣлъ, показывая видъ, что крѣпко спитъ. Возвратился дьяволъ изъ сарая и говоритъ женѣ: давай скорѣй топоръ, работникъ спитъ крѣпко, настало время сплавить его съ этого свѣту. Снова идетъ дьяволъ въ сарай, только теперь уже съ топоромъ, намѣреваясь сразу же прикончить съ сильнымъ работникомъ. А Пекко между тѣмъ, пока дьяволъ ходилъ за топоромъ въ избу, вылѣзъ изъ саней, и въ сани на мѣсто себя положилъ чурбанъ, обвернулъ его кафтаномъ, а самъ забрался подъ сани и ждетъ. Приходитъ дьяволъ вторично въ сарай; подбѣжалъ это къ санямъ и что есть мочи—хвать по чурбану топоромъ: Ну, жена, теперь ужь, навѣрное, издохъ; пойдемъ, ляжемъ спать, уснемъ спокойно, а завтра закопаемъ Пекко въ болотѣ. На утро Пекко встаетъ, преспокойно идетъ въ избу и, къ изумленію своихъ хозяевъ, оказывается живымъ и вполнѣ здоровымъ. «Какъ еще ночь эту спалъ»? спрашиваетъ дьяволъ у него.—«Да ничего, спалъ хорошо, только около полуночи, что-то ущипнуло за лобъ, какъ будто комаръ укусилъ». «Ну, и на работника же мы съ тобой, жена напали», шепчутся—дьяволъ и его жена; «ужъ какъ я обухомъ его треснулъ по лбу?! А для него это—все равно, что комаръ укусилъ. Нужно теперь придумать другое средство... Вотъ что мы сдѣлаемъ,. совѣтуетъ дьяволу жена—«Возьмемъ ригачу» (выраженіе, означающее,—стопить «ригачу», насадить ее хлѣбомъ и обмолотить), и когда Пекко на ночь уйдетъ топить печь въ ней, ты поди и подожги «ригачу»; «ригача» сгоритъ, но и Пекко ужъ тогда не уцѣлѣетъ»... Такъ совѣтуетъ дьяволу поступить—жена, а, между тѣмъ, Пекко все это за дверями подслушалъ и «на умъ» себѣ взялъ: ну, думаетъ, не такъ-то вы скоро отъ меня отвяжетесь; кто кого со свѣту сживетъ? Какъ задумали дьяволъ съ женой, такъ и сдѣлали: взяли ригачу,—насадили ее полную овса и Пекко послали на ночь топить въ ней печь... Топитъ Пекко печь, а самъ на двери поглядываетъ, какъ бы изъ риги по добру по здорову удрать.. Вдругъ въ самую полночь—рига вспыхнула, со всѣхъ четырехъ угловъ загорѣлась. А Пекко уже приготовился бѣжать; схватилъ охапку соломы, и самъ—драло въ лѣсъ. Проспалъ тамъ до утра, а утромъ, когда пожаръ прекратился, и на мѣстѣ риги осталась только куча золы, пришелъ на пепелище, подослалъ въ сторонкѣ соломы подъ бокъ, свернулся калачемъ и уснулъ... «Ну, теперь, навѣрное, ужъ сгорѣлъ, разговариваютъ—дьяволъ съ женой, теперь и косточекъ работника не отыщешь»... Приходятъ на пожарище и ума не могутъ приложить?! Лежитъ Пекко на соломѣ и громко похрапываетъ... Все—около него сгорѣло, а онъ цѣлъ остался, и даже самая солома подъ бокомъ не задымилась. Ну, жена, говоритъ дьяволъ, нашего работника и огонь не жжетъ; вѣрно, придется намъ по добру по здорову бѣжать изъ своего дому, пока мы еще живы, пока работникъ нашъ не задумалъ еще убить насъ... Съ такой силой все можно сдѣлать..—Рѣшились дьявола и жена бѣжать изъ своего дому, задумали скрыться отъ силача работника Пекко. Пекутъ хлѣбъ, сушатъ сухари, приготовляются въ дорогу—бѣжать... А Пекко, слушая за дверью, опять узналъ обо всемъ и думаетъ: «куда-то вы убѣжите отъ меня? Куда то вы скроетесь отъ своего работника?» Напекли насушили дьяволъ съ женой три цѣлыхъ мѣшка сухарей и уже назначили самый день, когда побѣгутъ: дьяволъ условился взять два мѣшка, а жена его—мѣшокъ. А Пекко, между тѣмъ, на канунѣ того дня, въ который условились дьяволъ и жена его бѣжать, высыпалъ изъ одного мѣшка сухари, убралъ ихъ подальше, и самъ забрался въ мѣшокъ и сидитъ молча, не жунетъ... Наступилъ, наконецъ, самый день побѣга... Дьяволъ, ничего не подозрѣвая, взвалилъ на плечи два мѣшка, въ одномъ изъ которыхъ сидѣлъ Пекко, а жена остальной—третій. Идутъ спѣшатъ, подъ тяжестью мѣшковъ кряхтятъ; прошли довольно большое разстояніе и задумали позавтракать: «теперь ужъ работникъ не догонитъ насъ, еслибъ и захотѣлъ бѣжать за нами»... Сняли съ плечъ мѣшки и только что начали сухари грызть, вдругъ Пекко и закричалъ изъ мѣшка: подождите немножечко, и я съ вами позавтракаю...—«Ой, жена,

говоритъ дьволъ, слышишь?... Кричитъ, догоняетъ насъ, и ужъ близко должно быть... Побѣжимъ еще дальше»... Снова схватили мужъ и жена мѣшки и ну бѣжать... Бѣжали, бѣжали, утомились, захотѣли ѣсть и рѣшились остановиться и отдохнуть. Опять сняли съ плечъ мѣшки, усѣлись, ужъ только бы сухари взять въ руки да грызть, вдругъ—слышатъ голосъ работника: Подождите немножечко, вмѣстѣ пообѣдаемъ; я сейчасъ буду съ вами...—«Жена, слышишь? Говоритъ дьяволъ, Пекко кричитъ, догоняетъ насъ и ужъ близко должно быть... Побѣжимъ еще дальше, авось скроемся»... Снова схватили дьяволъ и жена мѣшки и ну бѣжать... Бѣжали, бѣжали, высунули языки, и отъ утомленія оба сразу пали на землю и издохли... А Пекко выбрался изъ мѣшка, забралъ изъ дьявольскаго дома все, что поцѣннѣе, и пришелъ въ свою деревню, и снова сталъ жить по прежнему—пасти стадо коровъ. Такъ пастухъ избавилъ людей отъ «паһалайнэ».

Сообщилъ и перевелъ съ корельскаго языка:

Н. Лѣсковъ.

Приложеніе къ Отчету А. Л. Погодина о поѣздкѣ въ Ковенскую губернію лѣтомъ 1893 года. [1]).

I.

Шилы Жоранскаго прихода Тельшевскаго уѣзда.

I. [2]). Сказка о трехъ дуракахъ.

Bo(u)va trys durnėj, turėje anej gyvene(i)mo(u)ką; tap anej targ saves pradėje kalbėti: «kun mes če varksma tame gyvene(i)me? mes geriau ejkiam pardavę vandravote(i) į svėtą; pe(i)ningus pasedalysma į trys dalis ir ejsma į svėtą pavajksčiote(i)». Vejns sake: «kad mes išaeksma, kun mes darysma?» Untrasis sake: «mes nu supe(i)rskma surį ir galesma valgyte(i)»; vo tretinsis saka: «vo je kejts bus, kun mes darysma?» Tap tas saka, untrasis saka apent: «aš graušo(u), graušo(u) ir tau douso(u)». Untras saka: «graušo(u), graušo(u), tau douso(u)», vo tretinsis saka: «aš graušo(u), graušo(u), graušo(u), graušo(u), graušo(u), graušo(u), graušo(u), graušo(u)», ir nebe — pasake, kad jums douso(u). Tap to(u)do(u) saka: «tap tu mums ne-b-douse(i), nori sugraušte(i) ve(i)są?» Tap to(u)do(u) jeme anon o(u)žton užmo(u)ša, tap bepale(i)ka do(u); ejna ano(u)do(u) par me(i)šką ir pamate egle voverį. Tap vejnas saka: «vot če vedo(u)m bus pejta; le(i)pk tu į eglę, sugauk voverį; vo aš ejsio(u) [3]) poudelį atse(i)nešte(i), kame norints benegausio [3])

Было три дурака; имѣли они домикъ; и начали они разговаривать между собою такъ: «чего мы здѣсь будемъ плакать въ этомъ домѣ? пойдемте-ка мы лучше, продавши (его), странствовать по свѣту; деньги раздѣлимъ на три части и пойдемъ побродить по свѣту». Одинъ сказалъ: «когда мы проголодаемся, что мы сдѣлаемъ?» Второй сказалъ: «ну, мы купимъ сыръ и сможемъ поѣсть», а третій говоритъ: «а если онъ будетъ твердъ, что мы будемъ дѣлать?» Такъ сказалъ этотъ, второй говоритъ опять: «я погрызу, погрызу и тебѣ дамъ». Другой говоритъ: «погрызу, погрызу, тебѣ дамъ», а третій говоритъ: «я буду грызть, буду грызть, буду грызть, буду грызть, буду грызть, буду грызть, буду грызть, буду грызть», и не сказалъ, что вамъ дамъ. Тутъ тѣ два говорятъ: «такъ ты намъ уже не дашь, хочешь весь сгрызть?» Взяли его и убили за это, и такъ остались (только) вдвоемъ; идутъ они черезъ лѣсъ и увидѣли на елкѣ бѣлку. Тутъ одинъ говоритъ: «вотъ тутъ будетъ намъ и обѣдъ; ты лѣзь на елку, поймай бѣлку, а я пойду принести горшочекъ, не добуду-ли гдѣ-нибудь взаймы?» И добылъ онъ у одного человѣка, а оставшійся

---

[1]) См. «Живая Старина». 1894. Вып. I. стр. 114—119.

[2]) Въ первыхъ двухъ сказкахъ за діалектическимъ произношеніемъ ĭ и й возстановлено ихъ граматическое значеніе.

[3]) Въ родѣ русскаго ё: *эйсё бенэгаусё*.

pažičiote(l); ir gava nu vejna žmogaus; vo pale(i)kusis gaudė voverį ir le(i)pa į eglę gaudite(i) voverejs. Tap ta voveris iš tos eglis iššoka į ke(i)tą eglį. Tap ons saka sau: «kad tu tokia maža gale(i) šokte(i) į ontrą eglį, juk ir aš galio(u) šokte(i) į ontrą eglį». Kap ons šoka į ontrą eglį ir nukre(i)ta unt žemes ir prise(i)mo(u)ša, g(u)ol vos gyvas. Tas atejna su poudo(u), saka anam: «sugavá voverį, prise(i)jede ir guli». Tap su poudo to(u)jaus davė į gałvą anam ir bepale(i)ka vejns.

ловилъ бѣлку, и влѣзъ на елку поймать бѣлку. Тутъ эта бѣлка скакнула съ этой елки на другую. А тотъ сказалъ себѣ такъ: «когда ты такая, маленькая, можешь прыгать на другую елку, такъ значитъ и я могу прыгнуть на другую елку». Какъ прыгнулъ онъ на другую елку, и упалъ на землю и убился, лежитъ еле живой. А этотъ приходитъ съ горшкомъ, говоритъ ему: «ты поймалъ бѣлку, наѣлся и лежишь». И тотчасъ же далъ ему по головѣ горшкомъ, и такъ остался одинъ

---

2. Lajmingas strelčius.

Vejns žmogus de(i)de(i)lį ukatą turėje vakščiote(i) unt medžiokles ir ronds nėka ne liub nušaute(i), ne turėje lajmes, ke(i)te(i) draugaj liub nušaute(i), vo ons nėkumet nėko neliub nušaute; vejną kartą mislej sau: «norints dušę velniuj pardoučio, bi tejk nušaučio, ar šokį, ar tokį paukštį»; to(u)jaus ir velns atse(i)rada: «nu», sak: «atedouk mon dušę, aš tau dousio lajmę», ir ons suserokava ont ištejs metu, ir po tus visus metus, kur nušaudis, į vejną pakajo(u)ką to(u)r dete(i) plunksnas ir skuras, ir kap pe(i)lną prides pakajo(u)ką, to(u) kart bengas lajme ir tures atedoute dušę; tep ons ejn vakare pro staldus ir ons atseduksejе dedele, vo motriška karves mełža tuse stalduse; tep ana išge(i)rdusi ano duksavima išeje ir kłause ano: «ponati», saka, «kas yra Tamsta, kad tap duksauji?» «Nu», sak, «kad aš ir pasakysio, juk munį ne išgełbės iš tos nelajmas». Ana saka: «išgelbesio, tik pasakyk mon, kas yra?» Tap ons saka: «ryto par dvyle(i)ka, velne mona dušę paims»; tap ana saka ponaičiuj: «ar to(u)ri smałas? płunksną visokiu paukščiu ar to(u)ri?» Ons saka: «to(u)ro(u) ve(i)sako.» Tap ana įlinda į smałą, susesmaleje dedele ir potam išsevolaja po visokiu paukščiu płunksnas ir išeje į tyra ir sedos ir ons šaude pauk-

Счастливый охотникъ.

Одинъ человѣкъ имѣлъ большую страсть ходить на охоту, но никогда, кажется, ничего не застрѣливалъ, не имѣлъ счастія; другіе товарищи, обыкновенно, застрѣлятъ, онъ же никогда ничего не застрѣливалъ; однажды думаетъ онъ себѣ: «хоть душу черту продалъ бы, только бы застрѣлить ту-ли, другую-ли птицу». Сейчасъ-же нашелся и чертъ: «ну», говоритъ, «отдай мнѣ душу, я тебѣ дамъ счастія». И онъ уговорился на годы, сколько будетъ нужно, и въ продолженіе всѣхъ этихъ лѣтъ отъ всего, что онъ застрѣлитъ, перья и шкуры онъ долженъ складывать въ одну комнатку, и, когда онъ наложитъ полную комнату, сейчасъ же оканчивается его счастіе и онъ долженъ будетъ отдать душу. Вотъ идетъ онъ вечеромъ мимо скотнаго двора и сильно вздыхаетъ, а женщина доила коровъ въ этомъ стойлѣ; вотъ она, услышавши его вздохи, вышла и спросила его: «панычъ», говоритъ: «что съ Вами случилось, что вы такъ вздыхаете?» «Ну», говоритъ онъ: «если я и скажу, все-же ты меня не выручишь изъ этой бѣды». Она говоритъ: «выручу, только скажи мнѣ, что такое?» Вотъ онъ говоритъ: «завтра послѣ двѣнадцати черти возьмутъ мою душу». Вотъ она говоритъ панычу: «есть-ли у тебя смола и перья всякихъ птицъ?»...

ščius visokius lig dvyle(i)kas dejnos iššaude visus paukščius, kurius bova velne atvaren; tap ons velnas saka: «ne béra paukščiu; jau rek tava dušę jimti». «Ne», sak, «ne jimste dar mona dušes; dar vejną paukštį to(u)re(i)t atvaryte; tap anej varė vėsokias spasabas; tas paukštis ne ko(u)še(i)nas ejte; velne vesokias spasabas bajda; steš steš, pasestejbdamės begio aplinkou to paukščio, vo ons ne jo(u)de(i)nas; sėd ir sėd; potam jis su trubeliu sutrubej, kad paukštis to(u)jaus pradeji ejte unt truba balsa; kap ons prijaje pri strelčiaus, tap strelčius to(u)jau šava į ton paukštį; tas vejną karta šava, dar ne kre(i)ta paukštis, ir ontrą kartą to(u)jaus šava, to(u)jau paukštis pavirta; velne pribegen už kojas nutvere ir kelno ton paukštį: «och, och, kas tas persmago(u)ms to paukšte»; prišekese vejżeje: «ach, kakias ta ronas padėje dve».

3. Var. J. 9, 706, 838. Geitler. Lit. Stud. 113. Bezzenberger. Lit. Forsch., s. 179.

Na paimtas dėva cudas,	Не понятное Божье чудо,
Ane żmoniun błogas budas.	Не понятенъ дурной человѣческій нравъ:
Nėkur nėra tos asabas,	Нигдѣ нѣтъ такого человѣка,
Katra visims pase(i)dabas,	Который нравился бы всѣмъ,
Kożnam douda ketą vardą;	Каждому даютъ другое имя,
Par ton żmoniun šłovę arda;	А этимъ портятъ славу людей;
Kap dabarčiu, tap visadas	Какъ теперь—такъ и всегда
Svėts ne pamet sava madas;	Свѣтъ не бросаетъ своей моды;
Svėts, kap łape, mok privełte,	Свѣтъ, какъ лиса, можетъ привлечь,
Vo privilęs grejża ełte;	А привлекши скрежещетъ зубами;
Ant pabażne pirštas roda,	На набожнаго показываютъ пальцами,
Styra mełstejs jam ne douda;	Не даютъ ему чисто молиться;
Nors konegas dejva tarnas.	Хоть священникъ и слуга Божій,
Nu apkałbų nėra vałnas;	Отъ наговоровъ не свободенъ и онъ;
Kursaj prastas, ne mokintas,	Кто простъ, не ученъ,
Tas nu żmoniun panekintas;	Тотъ людьми унижается;
Kas razumnas, tasaj durnas,	Кто разуменъ, тотъ золъ,
Vis apsudej żmoniun burnas.	Все обсуждаетъ человѣческія рѣчи (уста);
Katras redas, tasaj pliuškis;	Кто наряжается, тотъ сумасшедшій,
Kas ne redas, tasaj suskis;	Кто не наряжается, тотъ нищій;
Ne rustybe, ne pakara	Ни грубость, ни покорность
Żmoniun burnas ne uždara;	Не закрываютъ устъ человѣческихъ;
Katras gera, tas gertuklis,	Кто пьетъ, тотъ пьяница,
Kas ne gera, tas šeštuklis;	Кто не пьетъ, тотъ скупецъ;

Katras turtu tor daugybę,
Saka: ne jo ta gerybe;
Błogas busi, kad kałbesi,
Vo ne teksi, kad tylesi.
Kad tau svėtas užmės tinklą
Imk kontrybę sau užginklą.
Kur tu, žmogau, pasidėsi,
Kad kontrybes ne turėsi;
Buk tu, Dėve, tėvu mona,
Taves vejna bus mon gana.

Кто имѣетъ много богатствъ,
Говорятъ: не его это добро;
Будешь дуренъ, коли будешь разговаривать,
Но не получишь, если будешь молчать
Если свѣтъ закинетъ на тебя сѣть,
Своей защитой возьми терпѣніе.
Куда ты, человѣкъ, дѣнешься,
Если не будешь имѣть терпѣнія?
Будь ты, Боже, моимъ отцемъ,
Тебя одного будетъ мнѣ довольно.

4. Var, L. B. L. 76, 1.

4. 1. Dajnoukit, mergiales,
Kon ne dajnoujat?
Ko vejzet į munį
Rupesningą?
2. Aš toro širdele
Rupesnelį,
Rutelu darżely
Iškadele.
3. Rutelias ne sėtas,
Ne ravėtas,
Ne pintas vajnekas
Ir ne devėtas.
4. Na sėsio rutelių
Ir ne ravėsio,
Nepinsio vajneka
Ir ne devėsio.
5. Pasėsio linelius,
Tus ravėsiu,
Išausio drobelu,
Ton aš devėsio.
6. Bałst mona drobele
Nu raselių,
Vo mona rankeles
Nu ašarelių.

1. Пойте, дѣвушки!
Почему вы не поете?
Для чего вы смотрите на меня
Озабоченную?
2. У меня въ сердечкѣ есть
Заботушка;
Въ рутовомъ садикѣ
Изъянъ.
3. Рута не сѣяна,
Не полота,
Вѣнокъ не свитъ
И не надѣванъ.
4. Не буду я сѣять руту
И полоть не буду,
Не буду вить вѣнка
И носить не буду.
5. Посѣю я ленъ,
Его полоть я буду,
Натку полотенъ,
Ихъ носить я буду.
6. Бѣлится мое полотно
Отъ росы,
А мои ручки
Отъ слезъ.

5. Var. Жив. Стар. 1893 г., IV вып., стр. 527.

1. Išleidau žilį pro łongą,
Pats atsisedęs dumojau;
Fodrí, fodrá, fodrá ła ła [1],
Pats atsisedęs dumojau.
2. Kur lejsio berą žirgelį,
Kur pats ejsio nakoute;

1. Я выпустилъ синичку чрезъ окошко
Самъ думалъ, сѣвши;
Фодри, фодра, фодра ла ла,
Самъ сѣвши думалъ:
2. Куда пущу я бураго конечка,
Куда пойду самъ ночевать;

[1]) См. припѣвъ L. B. L. 120 falodridi faledra. Этотъ же припѣвъ я слышалъ въ этомъ году (1894 г.) въ одной латышской пѣснѣ. Если я не ошибаюсь, онъ служитъ признакомъ нѣмецкаго происхожденія мотива.

Fodŕi. fodrá, fodrá ła ła,	Фодри, фодра, фодра ла ла,
Kur pats ejsio nakoute.	Куда пойду самъ ночевать?
3. Išlejsio žirgą į lonką,	3. Коня пущу въ поле,
Pats ejsio pri jaunų merginn и т. д.	Самъ пойду ночевать къ юнымъ дѣвицамъ. и т. д.
4. Mergiale mona, jaunoje(i),	4. Дѣвица моя юная,
Ar ne gali, Tamst, prijimte? и т. д.	Не примете-ли Вы меня? и т. д.
5. Berneli mona jaunasis,	5. Молодецъ мой юный,
Aš Tamst(as) negalio prijimte; и т. д.	Я не могу Васъ принять; и т. д.
6. Toro durales girkždontes,	6. У насъ двери скрипучія,
Sverna raktelius skombončius; и т. д.	Ключи отъ свирни звенящіе; и т. д.
7. Mergiale mona, jaunoje(i),	7. Дѣвица моя юная,
Aš Tamstą jimsio mokite; и т. д.	Я примусь Васъ учить; и т. д.
8. Kap riak durales daryte,	8. Какъ нужно двери отворять,
Sverna raktelius valdyte; и т. д.	Овладѣть ключиками отъ свирни и т. д.
9. Pakiałk duriales nab‿girkždęs,	9. Подними двери, не заскрипѣвши,
Suspausk raktelius na b-skumbęs?...	Сдави ключики, не зазвенѣвши; и т. д.
10. Berneli mona jaunasis,	10. Молодецъ мой юный,
Mokyk tu sava žirgelį; и. т. д.	Учи ты своего конька; и т. д.
11. Kap keliu begte, rysnote,	11. Какъ бѣжать по дорогѣ, рысить,
Vandenį gerte, sliurpsnote; и. т. д.	Какъ воду пить, тянуть; и т. д.
12. Vandenį gerte, sliurpsnote,	12. Воду пить, тянуть,
Aviž(el)es jeste, rupsnote; и т. д.	Овесъ ѣсть, грызть; и т. д.

6. Čion susirinka turtingas panas;	Здѣсь собрались богатыя панны;
Anas terp saves kałb rożnas kałbas;	Онѣ между собою ведутъ разные разговоры;
Uż paselninką ejt ne norėje,	За поселянина идти не хотѣли;
Uż gaspadorių kożna ketėje.	За хозяина каждая желала.
Vo kap pasena, paselninks ne bjam:	А какъ состарѣлись, поселянинъ ужъ не беретъ:
Koudel ne eje, kad jauna bova?	Почему ты не шла, когда молода была?
Panele saka: pasoga yra.	Панночка говоритъ: приданое есть.
Kas ta pasoga, kad dontes byra:	Что тутъ приданое, коли зубы сыпятся.
Brongis spodničes uż nėka yra;	Дорогія платья ничего не значатъ,
Kad per senomą dontes išbyra;	Если отъ старости зубы сыпятся.
Perła, karolia kakłą nutraukė,	Перлы, коралы шею оттянули,
Kad per senomą kaktą suraukė,	А отъ старости лобъ стянуло;
Iau į parėdką važiounte gana,	Уже на свадьбу ѣздить довольно,
Bet jau tu esi marcava pana...	Уже ты старая панна.
Telšiun povėte daug tokiun yra,	Въ Тельшевскомъ уѣздѣ много есть такихъ,
Kad perse nomą neb-gava vyra;	Что отъ старости не достали мужа.
Vo katras girdat, prašom nepikte!	А вы, которые слышете, пожалуйста, не сердитесь!
Bet ta dajniuška tejsybe štyra.	Пѣсенка же эта чистая правда.

7. Aj, mergiale, kon ne šoki,
Ar ne drejsi, ar ne moki?
Kad ir moko, bet ne šoko.
Skaust kojales per kelelius.

Ай, дѣвушка, почему ты не пляшешь?
Боишься-ли или не умѣешь?
Хоть и умѣю, все-жь не пляшу:
Болятъ ножки въ колѣняхъ.

8. Вар. B. L. B. 97. Iušk. 410

1. Vajkščioji meškele pustyne, pustyne,
Tajsė sau patała łužtvyne, łužtvyne.
Toki nesčeste užteka:
Nakty pedas ne užsnėga,
Znoks yra, znoks yra.
2. Eje strelčius ryta nedelios, nedelios,
Rades dronsas pedas, dyvyjos. dyvyjos.
Taj yra gera gaspadyne,
Kur beteles bečiulava
Petnyčio, petnyčio.
3. Panedele rytą žiniomis, žiniomis;
Apstojijosdvarą tylomis, tylomis,
Meška unt patała sedusins rymoji,
Aplink strelčių rodą nėka ne žinoji,
Nėka ne žinoji.
4. Atstumisi patałą,
Pasekajše šaravara,
Ejn keliu, ejn keliu.
5. Išeje mėškele
Čese nepokajaus,
Sateko unt keli
Dedelį razbajų,
Dedelį razbajų.
6. Vejnas šava, ronas dare,
Ontras šava, bałsa dare...

1. Бродилъ медвѣдь по пустынѣ, по пустынѣ,
Устраивалъ себѣ постель въ хворостѣ, въ хворостѣ.
Такое несчастіе случилось:
Ночью слѣдъ не покрылся снѣгомъ,
Знакъ есть, знакъ есть.
2. Идетъ охотникъ въ воскресеніе утромъ,
Встрѣчается ему ясный слѣдъ, дивится онъ.
Вотъ это хорошая хозяйка,
Которая у пчелъ хозяйничала
Въ пятницу, въ пятницу.
3. Въ понедѣльникъ утромъ, по условію,
Окружили ея дворъ потихоньку,
Медвѣдица сидѣла на постели спокойно,
О совѣтѣ охотниковъ ничего не знала,
Ничего не знала.
4. Поднялась съ постели,
Натянула шаровары,
Идетъ путемъ-дорогою.
5. Вышла медвѣдица
Во время неспокойное,
Встрѣтила на пути
Большой разбой,
Большой разбой.
6. Одинъ стрѣльнулъ, раны сдѣлалъ,
Другой стрѣльнулъ, она крикнула.

(далѣе записать мнѣ не удалось).

9.

Эта пѣсня, какъ мнѣ сказали въ Шилахъ сами пѣвцы, взята изъ Połangos Iuze Волончевскаго, вообще очень распространенной въ Литвѣ книжки. Варіанты къ этой пѣсни (съ разными припѣвами): Połangos Iuze стр. 10 (другой говоръ, припѣвъ тотъ же), Fort. № 99, Iušk. № 381 (припѣвъ: vepsum dałdúm), Kolb. № 51 (припѣвъ: he, he, dżium, dżium), Brug. 91 (припѣвъ: ehė, dżium, dżium). Отсутствіе этой пѣсни въ сборникахъ пѣсенъ прусскихъ, литовскихъ и въ сборникахъ раньше 70 года указываетъ,

кажется, на заимствованіе этой пѣсни изъ книжки Волончевскаго, сюда же она попала, вѣроятно, какъ переводъ русской пѣсенки: «жилъ, былъ у бабушки сѣренькій козликъ».

1. Iššoka vožiokas į rutų daržą, Oh vej, oh vej, vej, vej į rutų darža	1. Выскочилъ козликъ въ рутовый садъ, Охъ вей, охъ вей, вей—въ рутовый садъ.
2. Ej bobote vože varyte и т. д.	2. Идетъ бабушка козлика гнать и т. д.
3. Ne dors vožiokas, ne nor klausyte и т. д.	3. Не добръ козликъ, не хочетъ слушаться...
4. Pajeme bobote elgą votagą, и т. д.	4. Взяла бабушка длинный кнутъ...
5. Uždrože vožioką par pat oudegą, и т. д.	5. Ударила козлика по самому хвосту...
6. Išbega vožiokas į tyrus laukus, и т. д.	6. Убѣжалъ козликъ въ широкія поля...
7. Eje bobote vože iškote, и т. д.	7. Идетъ бабушка козлика искать ..
8. Sutinka bobote do vilko pelko, и т. д.	8. Встрѣчаетъ бабушка двухъ сѣрыхъ волковъ...
9. Vilkele mona, ne matet vožioka mona?...	9. Волки мои, не видѣли-ли козлика моего ..
10. Tava vožele ragele vejne ..	10. Отъ твоего козлика одни рожки...
11. Išejn bobote ragun iškote...	11. Идетъ бабушка рога искать...
12. Atrada bobote do dedžio rago...	12. Нашла бабушка два большіе рога...
13. Parneši bobote tus dedžius ragus...	13. Принесла бабушка тѣ большіе рога...
14. Iš to ragele paderba didį trubą...	14. Изъ того рога сдѣлала большую трубу...
15. Iš to ragele igeje sau gražį rubą...	15. Изъ того рога нажила себѣ славное платье...
16. Iš ontra ragele arkli posnagą...	16. За другой рогъ добыла себѣ лошадиную подкову...
17. Ton pasnagą išmajnė molinį poudą...	17. Ту подкову вымѣняла на горшокъ муки...
18. Išvere bobote sau joudą potrą...	18. Сварила бабушка себѣ черной путры...
19. Sukule bobote ton molinį poudą.	19. Разбила бабушка мучной горшокъ...

10. Пословицы.

1) Durnas par vesą pilvą.	Дуракъ по всему брюху.
2) Atsarga gėdas ne dara.	Осторожность стыда не дѣлаетъ.
3) Kon urednikas pagadys, to ir viskupas ne patajsys.	Что урядникъ испортитъ, того и епископъ не исправитъ.
4) Deł geros potros błogs pilvs te sprokst.	Для хорошей пищи хоть лопни дурное брюхо.
5) Dulkę preš vejį ne atpusi.	Пыли противъ вѣтра не отдуешь.

II. М. Лаукава.

1. Вар. I. 35.

1\. 1. Tajp toli nuduta,
Tajp toli prażudita, (вм. prażadeta?)
Uż du šimtu milelu,
Uż żaluju girelu.
Arge ana parlektu,
Pas matušį sugrinštu?
2\. Leksiu į girelį
Pas margą gegelį
Pażičioti sparnelų
Ir rejbųjų płunksnelų.
3\. Lekčiu pas tatušį
Ir lekčiu pas matušį
Ivišnelu sodnelį
Po dajmantu łongelį;
4\. Tatušį lingučiu,
Matušį kukučiu,
Kad migele ne miktu,
Migele ne migotu.
5\. Matuši kelusi,
Langa praverusi,
Kas tenaj do paukštelis,
Kur po rutų darżelį?
6\. Kelketes, sunele,
Kelketes, jaunije;
Użmušket tun paukštelį,
Kur po rutu darżelį.
7\. Pałukėk, matuši,
Pałukėk, senoji,
Be ne musu sesele,
Be ne musu jaunoji?
8\. Ar tad gali buti?
Tajp toli nuduta,
Toli prażudyta;
Arga ena parejtu,
Pas matušį sugrinštu.

1\. Такъ далеко отданная,
Такъ далеко погубленная (обѣщанная?),
За двѣ сотни миль,
За зеленые лѣса.
Неужто она прилетѣла бы,
Къ матушкѣ возвратилась бы?
2\. Полечу въ лѣсокъ
Къ пестрой кукушкѣ
Взять въ займы крыльевъ
И рябыхъ перышекъ.
3\. Полечу къ батюшкѣ
И полечу къ матушкѣ
Въ вишневый садикъ
Подъ алмазное окошечко.
4\. Я кликала бы для батюшки,
Куковала бы для матушки,
Чтобы сномъ не спали,
Сномъ не спали.
5\. Матушка поднялась,
Окошко открыла.
Что тамъ еще за пташка,
Что въ рутовомъ садикѣ.
6\. Вставайте, сыночки,
Вставайте, молодые,
Убейте эту пташку,
Что въ рутовомъ садикѣ.
7\. Подожди, матушка,
Подожди, старая,
То не наша-ли сестрица,
То не наша-ли молодая?
8\. Можетъ ли это быть:
Такъ далеко отдана,
Такъ далеко погублена.
Неужели она пришла бы,
Къ матушкѣ вернулась бы?

2. Var. Isvd. 93, Isvd. 53. I. 1012. Br. L. Br. 21, 8, 1. Bez. 59. Lesk. 69.

1\. Marge dvara, marge dvara,
Dejmonta langelej.
Auga sodne żale łapa
Raudonas ugelis.
2\. Ten [1]) vakščioja, ułavoja

1\. Пестрые дворы, пестрые дворы,
Алмазные окошечки.
Растутъ въ саду зеленые листья,
Красныя ягодки.
2\. Тамъ бродила, гуляла

[1]) Собственно, это не *en*, а *n sonans*.

Jaunoji panele
Po žaliįį sodinelį,
Po rutų darželį.
3. Aš panele «labą diną»,
Panele ne žodeli.
Oj panele, oj jaunoji,
Oj ko tajp didžujis?
4. Roda bučiu Tamstas buti,
Kad matuši lejstu!
Matušeles pažadeta,
Kajp parduta bučiu.

Юная барышня,
По зеленому садику,
По рутовому саду.
3. Я барышнѣ «добрый день»,
Барышня ни словечка.
Ахъ, барышня, ахъ юная,
Чего ты такъ важничаешь?
4. Рада была бы Вашею быть,
Кабы матушка пустила;
Матушкой обѣщанная,
Я была бы, какъ проданная.

3.

Одна изъ самыхъ распространенныхъ пѣсенъ: варіанты ея есть, кажется, въ каждомъ сборникѣ изъ окрестныхъ мѣстностей: см. Isvd. 326, 327, 328, 339, 345: Bez. 37, 46. Br. 3; около Россіенъ этой пѣсни нѣтъ.

1. Oj, sakali, sakaleli,
Tu aukšta lakioji;
Nulekdamas, parlekdamas,
Naujinas nešioji.
2. Ir parneše naujinelį
Smutną ir ne gerą,
Kad ir mona paniulate
Už kitą išejna.
3. Tegul ajna, tesižina,
Tegul Diėvs padedi.
Užkinkiket mon žirgelius
Ir aš pats važiusiu.
4. Kad aš sėdau į karėtą,
Karėta lingava,
Kad važiavau par vejelį,
Vejeli žaliava.
5. Kad važiavau viškelelu,
Smilteles dulkėjė;
Kad užgavau akminelį,
Ugnelis žibėjė.
6. Gale lauka kopličele,
Nauje muravota,
Dar yr muna paniulate,
Dar ne vinčevota.
7. Ajn panele par božnyčę,
Ponus vitodama;
O mun širdis pusiau plišta,
Unt jos žiuredamas.

1. Ахъ, соколъ, соколочекъ,
Ты высово летаешь;
Прилетая, улетая,
Ты новости носишь.
2. И принесъ новость
Печальную и не добрую,
Что и моя барышня
Выходитъ за другого.
3. Пусть идетъ, пусть какъ себѣ знаетъ.
Пусть ей Богъ поможетъ.
Запрягите мнѣ лошадокъ,
Я и самъ поѣду.
4. Когда я сѣлъ въ карету,
Карета закачалась;
Когда я ѣхалъ по лощинѣ,
Лощина зеленѣла;
5. Когда я ѣхалъ большой дорогой,
Пыль поднималась;
Когда попадалъ на камень,
Отъ камня искры отскакивали.
6. Въ концѣ поля часовня,
Недавно построенная;
Еще моя барышня
Еще не обвѣнчана.
7. Идетъ барышня по церкви,
Привѣтствуя господъ,
А мое сердце чуть не разрывается,
На нее глядючи.

4. [1]) Вар. LB. B. Apè žiūrkę, katrà už karaliùnaiczio tekéjo.

Vina karalėne turėja trys sunus; ana nedelios rytmete saka sava sunams: «važiuket į bažnyčą; katras su-

Одна королева имѣла трехъ сыновей; она въ воскресеніе сказала своимъ сыновьямъ: «поѣзжайте въ церковь; который

[1]) Эта сказка записана отъ старушки—сестры ксендза, слѣдовательно—особы довольно образованной, что и отразилось на ея непостоянномъ соблюденіи діалекта.

nus bażnyčoje atraste poną—unt galvos kvėtką, tą tas pajimk, parvesk sava, ta bus tava pati». Ans pamate łaupkoje sedončį bajoratę ir unt anos gałvos kvėtka żydėja ir ano akisi pasirode łabaj graži; ontras sunus ontro nedelio atėje į bażnyčę, rada unt bednos mergėlės kvėtką żydončį ir anam łabaj patika; parvežė numo į pałotiu ir łabaj patika motynaj; tretjas sunus ne rond pačios deł saves, išeje unksti iš pakajaus; sutink varlelę šukujenčią, unt jos varleles gałvos didele graži kvėtka żyd ir ons pajemė tą varlelę į pakajų ir padėje unt žėmes; ir ana palinda po łovos. Ijaja sunus pas motyną ir saka: «turu pačią varlelę». Ta dabar saka motyna: «katra iškėps duną deł mones iš tun triun marčiun». Iaje tas jaunikatis pri sava varleles: «ak, bėda mona! kas mon duną iškėps». Varlele atsake: «nešk miłtus deł manis ir vondenį ir medžių, o pats išejkes. Potam unt rytmeče įejk». Iškėptą duną rada varleles kun gražiausę; bajores duna ir mužikes ir varleles; motyna prorekusi duną mužikes pakoštavoja: labai skani buva, deł darbininkų duna labaj gera; bajores duna ponams ir kunigams valgyt, vo varleles duną karaliu ir popėžiu valgyt. Potam pasimyslėja ana motyna ir pasake: «katra iškėps pyragus, ta aš pamatysiu, katra geresni bus»? Visas trys iškėpė; ne vinos toki pyraga na buva skani, kap varleles. Potam pasimyslėja motyna, kad rejk dute marškines sjuti; potam įjaje jaunikatis tas pri varleles: «ak» saka: «bėda mona, kad nėr kam pasjuti marškinius», vo varlele atsake: «įnešk audimą ir žirkles ir adetą ir noperstką ir siułus; palik, išejk sav». Unt rytmete įejn: marškinia ant stało didele graži pasjuta; neše jis motynaj sava parodyt; pajėmė ana bajorates marškinius sjutus, pajėmė mužikes marškinius pasjutus; motyna pavejzėje tus marškinius: mužikes marškines gaspadoriams nešioti, o bajorates ponams ir kunigams gal nešioti, jos darbą, vo varlelės karaliams ir grafams: tap ana graže pasjuva; dabar motyna

сынъ въ церкви найдетъ панну—на головѣ букетъ, ту пусть возьметъ онъ, приведетъ себѣ, та будетъ твоей женой». Одинъ замѣтилъ сидящую на лавкѣ дворяночку и на ея головѣ букетъ цвѣтовъ и на его глазъ она показалась очень хороша; другой сынъ въ другое воскресеніе пришелъ въ церковь, нашелъ на бѣдной дѣвушкѣ цвѣтущій букетъ, и она ему очень понравилась; привезъ домой во дворецъ, и она очень понравилась матери; третій сынъ не находитъ жены для себя; вышелъ онъ рано изъ покоевъ; встрѣчаетъ квакующую лягушечку, на головѣ той лягушечки большой красивый букетъ цвѣтетъ, и онъ взялъ ту лягушечку въ покой и поставилъ на полъ, и она поползла подъ кровать. Выходитъ сынъ къ матери и говоритъ: «имѣю жену-лягушечку». Вотъ теперь говоритъ мать: «Которая испечетъ хлѣбъ (черный) для меня изъ этихъ трехъ невѣстокъ»? Пошелъ тотъ юноша къ своей лягушечкѣ: «ахъ, горе мое! кто мнѣ хлѣбъ испечетъ»? Лягушечка отвѣтила: «неси муку для меня и воды и дровъ, а самъ выходи. Потомъ на утро войди». Онъ нашелъ хлѣбъ, испеченный лягушечкой, самый прекрасный; дворянки хлѣбъ, мужички и лягушечки; мать, разрѣзавши хлѣбъ мужички, попробовала его: онъ былъ очень вкусенъ, для работниковъ хлѣбъ очень хорошій; дворянки хлѣбъ господамъ и ксендзамъ кушать, но хлѣбъ лягушечки кушать королю и папѣ. Потомъ подумала эта мать и сказала: «которая испечетъ (бѣлые) хлѣба, такъ я посмотрю, которая лучше будетъ». Всѣ три испекли; ни у одной не былъ такъ вкусенъ хлѣбъ, какъ у лягушечки. Потомъ подумала мать, что нужно дать рубашки шить; потомъ вошелъ юноша тотъ къ лягушечкѣ: «охъ», говоритъ: «бѣда моя, что некому шить рубашки», но лягушечка отвѣтила: «принеси ткани и ножницы и иглу и наперстокъ и нитокъ; оставь, уходи себѣ»; на утро онъ входитъ: рубашка на столѣ очень хорошо сшитая; онъ понесъ матери своей показать; взяла она дворянкой сшитыя рубашки; взяла рубашки, шитыя мужичкой; посмотрѣла мать на эти рубашки: рубашки мужички крестьянамъ (хозяевамъ) носить, а дворяночки господамъ и

pasimyslėja: «turet dabar, vajkaj mona, važiuty *) į šliubą»; įjajė jaunikajtis: «ak», sake: «varlele mona, mona broliaj jims šliubą su motriškoms, vo aš ne žinau su kum!»; ana atsake: «užkinkik šešius arklius į karėtą ir munį padėk karėtoje ir pats sesk su munim drauge». Antvažiava vesas tryns karėtas pri šliuba, sueje ani į bažnyčę; bajorate jim pirma šliubą, vo mužike potam jim šliubą, vo tas jaunikajtis saka: «ak, Deve mona, ak, su kum aš šliubą jimsu?» Povejzęs po dešiną rųką, pamate didele gražį paną, auksunse pasiredžusią: «as esu pati tava; ejnam šliubą jimti». Ana po šliuba ataja į pusę bažnyčos ir prapule; ty [1]) broliaj jo susėda su sava pačioms į karėtą, vo jis važiu su sava varlele; parvažiava numo, jaja į pakajų su sava varlele, palejda jen unt žemes, ana palinda po łovos; vakare vełaj: «ak», saka; «varlele mona, mona broliaj su pačioms guls, vo aš su kum gulsu?»—«Užgesik žvakę».—Kap užgese žvakę, tap ana jam pasake: «gulk dabar į łovą» ir jis atsigule į łovą. Ons pamate, kad ana strošne graži pana yra; kap ana užmiga, tap ons išlepa iš łovas, jen palka miktončį; vejzęs ons po łovas, vejzė, kad nug varleles tikt skurele yra. Ons vel įgule į łovą, nėko ne sakė; ir ons užsidagė žvakę ir pamate, kad ana didele graži; kap jis užmiga, tap ana atsikele iš łovas ir vel įlinda į sava skurelę; patam pradėja pasakoti sava motynaj, kad ana graži didele naktį, vo diną varlele; tap motyna tare, kad palik vakare, kad įejsi gulti, durį ne užrakintą, aš noru pamatyte. Kap motyna pamate, kad dideli gražybe, tada ana lipe pečįu grejtaj pakurti; ana pajėme tą skurelę ir mete į pečių, vo motyna vejzedama džiaugės, kad tajp graži; kap ana atsibude, tap ana išlipa iš łovas, ne rond sava skureles; tap ana sušuka, «ne gera», sake: «padaryta, aš bučiau sunų pagimdžusį, ta aš

ксендзамъ можно носить, ея работу, но (рубашки) лягушечки королямъ и графамъ: такъ хорошо она сшила; теперь подумала мать: «теперь вы должны, дѣти мои, ѣхать на свадьбу». Вошелъ юноша: «ахъ», сказалъ онъ: «лягушечка моя, мои братья прiимутъ обрученiе съ женщинами, а я не знаю съ кѣмъ». Она отвѣтила: «запряги шесть лошадей въ карету и положи меня въ карету и самъ садись со мною вмѣстѣ». Прiѣхали всѣ три кареты на свадьбу, сошли они въ церковь; дворяночка принимаетъ первая обрученiе, мужичка потомъ принимаетъ обрученiе, а этотъ юноша говоритъ: «ахъ, Боже мой, ахъ, съ кѣмъ я прiиму обрученiе». Взглянувши по правую руку, онъ увидѣлъ очень красивую панну, разряженную въ золото: «я жена твоя, пойдемъ принимать обрученiе». Послѣ свадьбы она отошла въ сторону и пропала; эти братья его сѣли со своими женами въ карету, а онъ ѣдетъ со своей лягушечкой; прiѣхалъ домой, вошелъ въ покои со своей лягушечкой, опустилъ ее на полъ, она поползла подъ кровать; поздно вечеромъ онъ говоритъ: «ахъ, лягушечка моя, мои братья съ женами лягутъ, а я съ кѣмъ лягу»?—«Погаси свѣчу»!—Когда онъ погасилъ свѣчу, то она ему сказала: «ложись теперь въ постель», и онъ легъ въ постель. Онъ увидѣлъ, что она страшно красивая панна; какъ она уснула, такъ онъ всталъ съ постели, оставилъ ее спящей; посмотрѣвши подъ кровать, онъ увидѣлъ, что отъ лягушечки только шкурка. Онъ снова легъ въ постель, ничего не сказалъ; и онъ зажегъ свѣчу и увидѣлъ, что она очень красива; когда онъ заснулъ, то она встала съ постели и снова влѣзла въ свою шкурку; потомъ началъ онъ разсказывать своей матери, что она очень красива ночью, днемъ же лягушечка; такъ мать сказала, что оставь вечеромъ, когда пойдешь спать дверь не запертой на ключъ, я хочу посмотрѣть. Когда мать увидѣла, что красота велика, то она велѣла поскорѣе затопить печь; она взяла ту шкурку и бросила въ

[1]) Почти, какъ русское ы.

bučiau palikusi išganyta; vo dabar ejnu į gires ješkoti sava vytas». Išdauže longą ir išleke par łongą ir nuleke, kap paukštis, į girę. Ir ana rada mažą trobelį ir ana tyn (=tų̊) palika, palika apkaustyta su gelžinajs łunkajs. Eja tas jaunikajtis verkdams jos ješkoti ir atrada trobelį ir seną bobelę ir paklausę: «matušate, ar ne atlėkė kokia panele?» Atsake ta bobele: «yra, kamaroje, terp gelžinų łunku; aš atdarysiu komaras durys», ir išejna pana jauna terp gelžinun łunkun, ir ons kłause tos senos bobeles: «kun aš turu dabar daryte?» Ana jam pasake: «storokis duti [1]) jaj į ausį, vo kap sudusi į ausi, ty (=ты) nubers ty lunkaj, paliks ana graži motriška, ir puls unt taves, apsikabins unt kakła, ir ana pradės bučiute mejlingaj, iš to didele džiauksma pradės verkti». Ejna potam sasikebę, ejna numo; pareje numo. Motyna pamačusi anus, iš to džiauksmo verkti pradėja; ir ejn par sodną, ir rond naują pałotių: ten (=tų̊) buva užkejkta jauna panele; kap anudu pareja i sava pałotių, rond visus skarbus ne apsakitus, linksme buva kampanija, vesele, susirinkima iš to džiauksma, linksmybes didelias.

печь, мать же смотря радовалась, что она такъ хороша; когда она проснулась, то она встала съ постели, не находитъ своей шкурки; такъ она заквакала: «не ладно», сказала она: «сдѣлано, я родила бы сына, тогда я была бы спасена; теперь же иду въ лѣса искать себѣ мѣста». Выломала окно и вылетѣла черезъ окно и улетѣла, какъ птица, въ лѣсъ. И она нашла маленькую избушку и она тамъ осталась, осталась тамъ обложена желѣзными листами. Пошелъ тотъ юноша, плача, искать ее и нашелъ избушку и старую старушку и спросилъ: «матушка, не прилетѣла-ли сюда какая барышня». Отвѣтила та старушка: «есть, въ комнатѣ, между желѣзныхъ листовъ, я отворю двери комнаты», и выходитъ панна молодая между желѣзныхъ листовъ, и онъ спросилъ у той старой старушки: «Что я теперь долженъ дѣлать»? Она ему сказала: «постарайся дунуть ей въ ухо, и, какъ дунешь въ ухо, то осыпятся тѣ листы, станетъ она красивая женщина, и прильнетъ къ тебѣ, повѣсится у тебя на шеѣ и начнетъ цѣловать тебя ласково, и съ той великой радости начнетъ плакать». Потомъ идутъ они обнявшись, идутъ домой; пришли домой. Мать, увидѣвши ихъ, съ этой радости плакать принялась; и идутъ они черезъ усадьбу, и находятъ новый дворецъ: тамъ была проклятая юная барышня; какъ приходятъ они въ свой дворецъ, находятъ всюду богатство несказанное, радостное было общество, свадьба, собранія съ той радости, великія празднества.

III. Хвейданы.

(Первыя 4 пѣсни записаны отъ лица происхожденіемъ изъ Хвейданъ, но живущаго теперь и заимствовавшаго нѣкоторыя черты Салантскаго діалекта).

1. Pasakyk mon, skajsti rože,
Bene pine Tamstą praustą
Kas dinelę, kas adyną,
Kas tajp gražej užaugena?
Pasakyk mon, lelijele,
Ar anjołas, ar panele?

1. Разскажи мнѣ, прекрасная роза,
Не плели ли тебя омываемую
Каждый день, каждый часъ,
Что такъ прекрасно взростили тебя.
Скажи мнѣ, лилійка,
Ангелъ-ли ты или дѣвушка?

---

[1]) duti (здѣсь не=dů̊ti, дать) изъ русскаго *дуть*.

2. Ak, strelčiukaj, kliste, kliste,

Arge munes ne pažinste?
Aš mergele ir mon doje
Ir broliukaj, kajp er tu;
Iejgi munes nesebajda,
Dukes prilejst łupoms vejdą.
3. Iejgi nori ženkłą jimte,
Imk kvėtkelį ant paminkła.
Iej łankysi tėva dvarą
Rudenelę ir vasarą;
Iej sutiksi su jo vale,
Pas mon ronką gaute gali.

2. Ахъ, охотничекъ, ошибаешься, ошибаешься,
Неужели ты меня не узнаешь?
Я дѣвица и у меня двое
Есть братцевъ такихъ, какъ и ты;
Если ты меня не боишься,
Дай прикоснуться губами къ лицу.
3. Если хочешь получить знакъ,
Возьми букетикъ на память.
Если будешь посѣщать отцовскій домъ
Осенью и лѣтомъ,
Если согласишься съ его волей,
Можешь получить мою руку.

2. Вар. I. 1517.

1. Ak tu Dėve brangus,
Kon dabar darysiu?
Rupesninga širdes mona,
Kum aš patėšysiu?
2. Ne turiu tetuše,
Ane matušeles,
Ne brolele, ne seseles,
Su kum pakalbete.
3. Ani pavyduklej
Visi skersi žiura,
Kad pamate monį jauną,
Su berneliu kałbant.
4. Žad mane karote,
Ugnej sudeginte,
Ar vandenej nuskandinte,
Nug Tamstas atskerte.
5. Berneli jaunasis,
Onžule żaliasis,
Musent monęs neatmesi,
Kitos ne be vesi?
6. Mergeli jaunoji,
Rutele żalioji
Iuk vedous nėks nebatskirs,
Kajp juda żemele.
7. Ejsma į bažnyčę,
Dėva avenyčę,
Ir prijimsma šventą šliubą
Ir błagosłovenstvą.
8. Išejn kunigeles,
Dėva avyneles,
Suriš vedaus bałtas ronkas,
Sukejs auksa židus.
9. Gista volungeli
Ant aukšta kałnele;
Kur gejdoje vołungelė
Devynejs bałselejs.

1. Ахъ ты Господи дорогой,
Что мнѣ теперь дѣлать?
Озабочено сердце мое,
Чѣмъ я его утѣшу?
2. Не имѣю ни батюшки,
Ни матушки,
Ни братца, ни сестрицы,
Съ кѣмъ бы поговорить.
3. Они изъ зависти
Всѣ смотрятъ косо,
Когда увидѣли, какъ я юная
Съ молодцемъ говорила:
4. Хотятъ меня наказать,
Въ огнѣ сжечь,
Въ водѣ утопить,
Отъ Васъ отлучить.
5. Молодецъ юный,
Дубъ зеленый,
Можетъ, меня не бросишь,
На другой не женишься?
6. Дѣвица молодая,
Рута зеленая,
Ужъ насъ никто не разлучитъ,
Кромѣ черной земли.
7. Пойдемъ въ церковь,
Божью овчарню,
Пріимемъ святое обрученіе
И благословеніе.
8. Выходитъ ксендзъ,
Божій пастырь (овечій),
Свяжетъ намъ бѣлыя руки,
Обмѣняетъ золотыя кольца.
9. Поетъ иволга
На высокой горѣ;
Вотъ гдѣ пѣла иволга
Девятью голосами.

10. Ne volunges balsas,
Ne geres paukšteles,
Tiktaj mona matušeles
Mejlingi žodelej.

10. То не иволги голосъ,
Не голосъ лѣсной пташки,
То моей матушки
Милыя словечки.

3. Var. Br. L. Br. 6 и много другихъ. Эта пѣсня сплавъ изъ отдѣльныхъ распространенныхъ пѣсенокъ, какъ и всѣ хвейданскія пѣсни.

1. Ant kalno glusnis,
Po glusne vando.
Ten vajkščioje paniulajte
Po menesiną.
2. Bajors pri vandens,
Pana nu vandens.
Palukeke, graže pana,
Dok žirguj vandens.
3. Ne galiu luket,
Nej ilgaj stovet,
Šalta rasa, o aš basa
Pašalau kojas.
4. Pajimk ploščelu,
Pridengk kojeles,
Kad žinočiau mana busi,
Perkčiau kurpeles.
5. Ne pirk del monęs,
Pirk del saves.
Aš turiu matušelę,
Nuperks del monęs.
6. Mergeli jauna,
Ar busi mona?
Gana Tamstaj mile bučiau,
Ne moku darbą.
7. Turiu bizuną
Išmoksi darbą,
Vo ši žale berža rykšte
Onkstin pabudins.
8. Turi bizuną
Del bėrą žirga,
Vo šį žalę berža rykštę
Del Tamstos patys.
9. Aš ir myslėjau,
Kad tu panele;
Kajp pavejziu į akeles,
Pajudakele.
10. Aš ir myslėjau,
Kad tu didis pons;
Kajp pavejziu i vejdelį,
Patsaj cigons.

1. На горѣ ива,
Подъ ивой вода,
Тамъ гуляла барышня
При мѣсячномъ свѣтѣ.
2. Дворянинъ къ водѣ,
Панна отъ воды,
Подожди, прекрасная панна,
Дай коню воды.
3. Не могу ждать,
Долго стоять,
Холодна роса, а я боса,
Обморозила ноги.
4. Возьми плащъ,
Покрой ножки,
Кабы зналъ, что ты моей будешь,
Купилъ бы башмачки.
5. Не покупай для меня,
Покупай для себя.
Я имѣю матушку,
Купитъ для меня.
6. Дѣвушка юная,
Будешь ли моей?
Довольно была бы я мила Вамъ,
Не умѣю работать.
7. Имѣю кнутъ,
Выучишься работать,
А эта зеленая березовая розга
Рано разбудитъ.
8. Имѣешь кнутъ
Для бураго коня,
А эту зеленую березовую розгу
Для себя самого.
9. А я-то думалъ,
Что ты барышня;
Какъ посмотрю въ глаза:
Черноглазочка.
10. А я-то думала,
Что ты великій панъ;
Какъ посмотрю въ лице:
Самый цыганъ.

4. Var. Br. L. Br. 83, 84. 85. I. 573. I. Svd. 873, 776, 1014. I. 1556.

1. Šen naktelį, par naktelį,
Miga ne migojau:

1. Эту ночку, цѣлую ночку,
Сномъ не засыпалъ я,

Žalioj lankoj par naktelį
Žirgelius dabojau.
2. Užmigau, užmigau
Mažą valondelę;
Išgirdau, išgirdau
Didžį naujinelę:
3. Močikele raganele,
Mones ne kensdama,
Užrytena akminelį
Už svirna durelę;
4. Užrakina svirna durys
Su auksa raktelu.
Ir atjoje jauns bernelis
Iš svečios šaleles;
5. Atritena akmenelį
Nu svirna durele,
Atrakena svirna durys
Su auksa rakteliu.
6. Tepket durys saldžiu vynu,
Kad ir ne girkždetu,
Kad ir mona paniulajte
Saldej išmegotu.
7. Sjuket, šaučej, čeverykus
Žemums užkulnelems,
Kad ir mona paniulajte
Lengvej vajkščinetu.
8. Šluket, panas, naujems šlutoms,
Kad ir ne dułketu,
Kad ir mona paniulajte
Bałta vajkščinetu.

Въ зеленомъ полѣ цѣлую ночку
Я сторожилъ коней.
2. Заснулъ, заснулъ
На малую минутку,
Услышалъ, услышалъ
Великую новость:
3. Мачиха—вѣдьма,
Не терпя меня,
Прикатила камень
Къ двери свѣтлицы;
4. Заперла дверь свѣтлицы
Золотымъ ключикомъ.
И пріѣхалъ юный молодецъ
Изъ чужой сторонки.
5. Откатилъ камень
Отъ двери свѣтлицы,
Отворилъ дверь свѣтлицы
Золотымъ ключикомъ.
6. Намажьте двери сладкимъ виномъ,
Чтобы онѣ не скрипѣли,
Чтобы моя барышня
Сладко высыпалась.
7. Шейте, башмачники, башмачки
Съ низкими подошвами,
Чтобы и моя барышня
Легко гуляла.
8. Метите, госпожи, новыми вѣниками,
Чтобы не пылило,
Чтобы моя барышня
Бѣлая гуляла.

1. Po sodnelį vajkščiodamas,
Pamačiau bitelį.
Tujau, sedaus už stalelį,
Pajėmęs płunksnelį,
2. Padėk, Dėvė, geraj aprašyt:
Kad galečiau skajtydamas
Geraj išmanyt [1]).
3. Pasiremęs ont ronkelių,
Pro longą žiurejau! [2])
Apė bitis mysledamas,
Tejp savej kałbejau:
4. Daug matyte yr unt pivas
Žoliun ir biteliu;

1. По усадьбѣ гуляя,
Я замѣтилъ пчелку;
Тотчасъ же сѣлъ за столикъ
И взялъ перо.
2. Помоги, Боже, хорошо описать:
Чтобы я могъ читая
Хорошо понять.
3. Опершись на ручку,
Я смотрѣлъ черезъ окошко,
Думая о пчелкѣ,
Такъ говорилъ себѣ:
4. Много можно видѣть на лугу
Травъ и пчелъ;

[1]) Кажется, испорченная строфа.
[2]) Интересно, какъ въ эту пѣсню, несомнѣнно, искусственнаго польскаго происхожденія вставлено совершенно народное двустишіе.

Nėks na žena, kajp sutajsa
Medų ir korelių.
5. Na suskajta nėks unt dongaus
Žibončių žvajzdelų,
Vo bitele, tu słavnióji,
Kajp tu pracevoji.
6. Priliginta tava proca,
Už auksa brongesnė,
Rožnas ugas, konfeturas
Medu formavoja;
7. Kad kas vałga tava medų,
Kožnas mėnavoja;
Kad kas miršta iš krikščionų,
Uždega gromyčę,
8. Ta dušele tur patėką
Iš numenių bečių
Ir božnyčo [1])
Deg vaška žvakeles;
9. Atiduda dėvuj garbą
Ta maža bitele;
Ir kraučistes ne gal sjute
Siula ne vaškavęs.
10. Kad kas duda vaška biški,
Prijam pabučiavęs,
Dabar biteninki ne buk skupa [2]),
Atmink susedelas.
11. Nusjunsk medous sklenyčelę
Kučiun vakarelį.
Ton sałdybę vałgydame
Neb mėnavos bėdų,
Dėkavosma Ponuj Dėvuj:
Sułaukėm Kalėdų.

Никто не знаетъ, какъ онѣ составляютъ
Медъ и соты.
5. Не сосчитаетъ никто на небѣ
Блестящихъ звѣздъ;
Ты же славная пчелка,
Какъ ты трудишься.
6. Равна твоя работа,
Даже дороже золота:
Разныя ягоды, варенья
Медомъ формируются;
7. Кто только ѣстъ твой медъ,
Каждый поминаетъ (тебя);
Когда кто умираетъ изъ христіанъ,
Зажигаютъ свѣчку;
8. Та душа имѣетъ утѣшеніе
Отъ домашнихъ пчелъ,
И въ церкви
Горятъ восковыя свѣчи;
9. Воздаетъ Богу славу
Та малая пчелка;
И портной не можетъ шить,
Не навощивши нитки.
10. Когда кто даетъ кусочекъ воска,
Принимая, цѣлуются;
Теперь, пчельница, не будь скупа,
Вспомни о сосѣдкахъ
11. Пошли стаканчикъ меда
Въ вечеръ святокъ.
Кушая эту сладость,
Не будутъ помнить горя;
Поблагодаримъ Господа Бога:
Дождалися Коляды.

6. Žmogus ne bagots išeje į gerę medžių kerst ir išsineše dunos abrakioką ir pasidejes ont kelma: budelis atejęs ir atėmes ton duną; ir ons pareje į pekłą ir ano ne-be-prijėm į pekłą, kad bėdna žmogous atėme duna; anon vare uždėrbti; ons ateje pri to žmogous ir sake atejęs: «prijimk munį, aš padėsiu derbt». Žmogus atsake anam: «aš pats mažą turu, kun derbte; kun aš dusu tavej darbą?» Tas budelis sake anam: «če yra tokias pełkes pona girio, prašysma ano, gal jis

Небогатый человѣкъ пошелъ въ лѣсъ дрова рубить и понесъ съ собой порцію хлѣба и положилъ на пень; чертенокъ пришелъ и отнялъ тотъ хлѣбъ, и пришелъ онъ въ адъ, но его не принимаютъ въ адъ за то, что онъ отнялъ хлѣбъ у бѣднаго человѣка; гонятъ его заработать ему; онъ пришелъ къ тому человѣку и сказалъ придя: «прими меня, я помогу работать». Человѣкъ сказалъ ему: «Я самъ мало имѣю, что работать; какую дамъ я тебѣ работу»? Тотъ чертенокъ сказалъ ему: «есть здѣсь у пана

[1]) Повидимому, неоконченная строфа.
[2]) Вѣроятно, испорченная строфа.

pazvalys mums ten išplešte, dervą padaryte, ir įsesma rugius».—«Nu, gera!» ir susigadeje unt to; tas žmogus saka: «łaj, bus tap, aš asu pri pona, prašysu tos pełkes; ja pons pazvalys mums, ta mas darbusmos ten»; tas žmogus nuejė pri pona ir praše: «ponali, pazvalyk mune tame šmote pasiderbte dervos šmotelį, kad galečiu įseti ten jabkon». Nu, pons pazvalyj ir myslėje pons, kad na gales jis ten nėko padaryte. Parėje tas žmogus numin ir atrada ton budelį tenaj, sava numuse, ta-b-laukont; saka budelis dabar: «kun girdeja naujiną pri pona»? Zmogus atsake anam: «pazvalyje pons; jaj tiktaj galesma mas ten kun gera padaryte?» Budelis atsake: «na rupinkis: kad mas derbsma, ta ir bus gera»; ir išeje anudu į ton gerę; rove tas budelis cėłus medžius ir išderba jis ten łaba šmotą dervas; įseje anudu ten rugiun šmotą ir užauga laba pujki ruge; jau tam ponu pradeje anam pavids jimty (—йимты), ir nab-zvalej tun rugiun be-atimti; pons pats pasjunte sava šamyną ir soveže tus rugius į dvarą ir prideje dedeli daržene; tas žmogus su tu budelu laba gāles anudu sava protis [1]) Tas budelis saka tam žmogu: «pałauk biškį, aš dar āsu pri pona ir prašysu, kad mune pazvalytu bent viną naštą tun rugiun parsinešti; ta(s) žmogus atsake tam budeliu: «nu gera, ak tagi pri pona; jaj išprašyset, bus mums dar gera». Nueje budelis pri pona ir praše pona: «ponali, mas tap sunke pracevojom, ba-kol mas įsejom tus rugius, vo dabar ateme nu musu; pazvalyk dabar mumis bent viną naštelį parsinešty (—парсинешты); pons atsake: «neškis, kik pats panešil» Pareje budelis pri sava žmogaus ir sake: «nu, perk kanapju bent dešimtį štukelų, vo aš vysu-t vervę ir asut pri pona parnešte tun rugiun». Nuperka dešimt štukelus kanapju ir suveje į

въ лѣсу такія болотца, попросимъ ихъ у него; можетъ, онъ и позволитъ намъ ихъ выкортомить, сдѣлать пашню, и посѣемъ мы рожь».—«Ну, ладно»! и сговорились на томъ; этотъ человѣкъ говоритъ: «ладно, будь такъ, я пойду къ пану, попрошу то болотце; если панъ позволитъ намъ, будемъ тамъ работать». Этотъ человѣкъ пришелъ къ пану и просилъ: «панъ, позволь мнѣ на томъ кускѣ сдѣлать кусочекъ пашни, чтобы я могъ посѣять тамъ что-нибудь. Ну, панъ позволяетъ и думалъ панъ, что не сможетъ онъ тамъ ничего сдѣлать. Пришелъ тотъ человѣкъ домой и нашелъ того чертенка тамъ, въ своемъ домѣ, въ ожиданіи; говоритъ чертенокъ теперь: какую онъ слышалъ новость у пана? Человѣкъ отвѣтилъ ему: «позволилъ панъ; если только сможемъ мы тамъ что-нибудь доброе сдѣлать?» Отвѣтилъ чертенокъ: «не безпокойся: что мы сдѣлаемъ, то и будетъ хорошо», и вышли они въ тотъ лѣсъ; этотъ чертенокъ вырывалъ цѣлыя деревья и разработалъ онъ тамъ очень много пашни, посѣяли они тамъ много ржи и выросли очень хорошія ржи; уже начала того пана зависть разбирать, и ужъ онъ не позволяетъ взять тѣ ржи; самъ панъ послалъ своихъ работниковъ и свезъ тѣ ржи въ свой дворъ и наложилъ большой сарай; тотъ человѣкъ съ этимъ чертенкомъ очень жалѣли своего труда. Этотъ чертенокъ говоритъ тому человѣку: «подожди немного, я еще пойду къ пану и попрошу, чтобы онъ позволилъ хоть одно бремя тѣхъ ржей принести»; тогда тотъ человѣкъ отвѣтилъ этому чертенку: «ну, ладно, иди царь къ пану; если вы выпросите, еще будетъ намъ хорошо». Пошелъ чертенокъ къ пану и просилъ пана: «панъ, мы такъ тяжко трудились, пока мы засѣяли эти ржи, а ты теперь отнялъ отъ насъ; позволь же намъ хоть одно бремя принести». Панъ отвѣтилъ: «неси сколько самъ снесешь!» Пришелъ чертенокъ къ своему человѣку и сказалъ: «ну, покупай хоть де-

[1]) Вм. proces. Разсказчица, неграмотная молодая швея, очень старалась соблюдать всѣ оттѣнки мѣстнаго говора и нѣсколько разъ указывала, что у нихъ говорятъ именно такъ; ни русскаго, ни польскаго языка она не знаетъ.

vinų vervę in nueje tas budelis parnešte tun rugiun; jis pasetise į žardyną ton vervę ir sudėje visus rugius iš tos daržynes, ir atnešens į numus to žmogaus; pamates pons ne imana, kon daryte, kad jau vesą daržynę rugiun išneše. Pons tureje łaba badončius do jaučiu; kur na kas ta galėje pri anun priėte; lipe paleste tus jaučius, kad anon subadytom. Ti jaute aje łaba baubdamis pri to žmogaus; pons myslyje, kad anon subadys unt vytas, ti jaute prieje pri ano, uns pajeme tus jaučius ir uždeje unt tos sava naštas ir pareje pri to žmogous nešens tus visus rugius ir do jaučius ir sake: «žmogau, ar uždirbau aš tau už ton dunas abrakioka, kur aš tava pajėmiau, kur buva girio pasidejęs». «Žmogus atsake: «kik ten ta bovo mona tos dunas maža, aš na galu tik daug nu tavęs prijimte»; tas budelis atsake: «na rupinkis, aš buvau iš pekłas išvaryts del uždirbima tos dunas; kada jau busit kontens mona užderbema, tada aš galėsu-t vel pargrinšte, kur bovis». Žmogus pasakė: «mona na buva tik verta, vo kad munim tik atedude, aš prijėmu». Budelis pasake: «nu gera, su Divu; palėk dabar nu munes spakajnigs ir aš nu taves ir grinšu dabar į pekłą», ir tap pasakęs ir išeje nu to žmogaus.

сять штукъ конопли, а я совью веревку и пойду къ пану принести тѣ ржи». Купили десять штукъ конопли и свили въ одну веревку и ушелъ тотъ чертенокъ принести тѣ ржи; онъ растянулъ у жердей ту веревку и сложилъ на нее всю рожь изъ сарая и принесъ въ домъ этого человѣка; панъ, увидѣвши это, не зналъ, что дѣлать, такъ какъ онъ вынесъ уже всю загородь ржей. Имѣлъ панъ двухъ очень бодливыхъ быковъ, такъ что никто не могъ къ нимъ приблизиться; велѣлъ онъ отпустить тѣхъ быковъ, чтобы они его забодали. Тѣ быки пошли, очень сильно мыча, къ тому человѣку; панъ думалъ, что они его забодаютъ на мѣстѣ, но тѣ быки подошли къ нему, онъ же взялъ ихъ и положилъ на свое бремя и пришелъ къ тому человѣку, неся всѣ тѣ ржи и двухъ быковъ, и сказалъ: «человѣкъ, заработалъ-ли я тебѣ за ту порцію хлѣба, что я взялъ у тебя, когда ты положилъ ее въ лѣсу». Человѣкъ отвѣтилъ: «сколько тамъ было-то хлѣба моего, мало было: я не могу такъ много отъ тебя принять». Тотъ чертенокъ отвѣтилъ: «не безпокойся: я былъ выгнанъ изъ ада, чтобы заработать тебѣ за хлѣбъ; если вы уже довольны моимъ заработкомъ, то я могу снова вернуться, гдѣ былъ». Человѣкъ сказалъ: «мое столько не стоило, но если ты мнѣ столько отдаешь, я принимаю». Чертенокъ сказалъ: «ну, ладно, съ Богомъ! Теперь я тебя оставлю въ покоѣ, и ты меня, и вернусь я теперь въ адъ». И такъ сказавши, ушелъ отъ того человѣка.

IV. Вевержены.

1. Leki vanagas į pakałnelę,
   Toje pakałne tek srovni ope;

   Toje upele suk verpeteles,
   Tame verpete rutų krasele,
2. Toje kraseli sėd jauna mergele,

   Gałvą šukava ir aduksava.
   Nėr mon matušes, krajtela kłote,

1. Летитъ ястребъ въ подгорье,
   Въ томъ подгорьѣ течетъ быстрая рѣка;
   Въ той рѣкѣ вертится водоворотъ,
   Въ томъ водоворотѣ рутовый стулъ,
2. На томъ стулѣ сидитъ юная дѣвица,
   Голову причесываетъ и вздыхаетъ:
   Нѣтъ у меня матушки приданое собрать,

Nėr mon tetusė dalele doute,
3. Nėr mon brolele barvelę pirkte,
Nėr mon seseles vajneka pinte.

Saule unt dungaus krajtela kłoti,
Švejsus meneselis dalelę doute.
4. Aug sodne klevelis
Barvele pirkte,
Svejsa żvajzdele
Vajneka pinte.

Нѣтъ у меня батюшки долю дать,
3. Нѣтъ у меня братца краски купить
Нѣтъ у меня сестрицы вѣнокъ свить;
Солнце на небѣ—приданое собрать,

Свѣтлый мѣсяцъ—долю дать,
4. Растетъ въ саду кленочекъ—
Краски купить,
Свѣтлая звѣздочка—
Вѣнокъ свить.

2. Вар. I. 139.

1. Ak tu, Dėvė brongus,
Kajp tu myli cnatą,
Kureje użłajka
Panystes čistatą.
2. Nės nekałtybę
Dėvas pamylejė;
Vajneka garbes
Ne kałtims żadeja.
3. Nejoke cnata—
Nėr tejp skajstej bałta,
Kajp nekałtybe,
Ir donguj iškėłta.
4. Żyd terp aniułą
Kajp żvajżde švejsybes,
Mejlinga Dėvuj
Sava nekałtybe.
5. Rojaus kvėtkele
Ir panystes stonas,
Lenksmaj gydoj
Akevejzdo pona.
6. Turesi donguj
Aniułu draugystę,
Kurėj uzłajka
Skajščiausę panystę.
7. Żemčiugajs brangejs
Apredys jo kuną,
Svejs jam ant gałvos

Żvajzdeta karuna.
8. Tiktaj milėkiam
Tan Dėvešką cnatą,
Ien użłajkite
Turekiam akatą.
9. Gausi negradą,
Donguj apturesma,
Vejdą, vejdą ir vejdą
Ten Dėva regesma.

1. Ахъ ты Боже дорогой,
Какъ ты любишь добродѣтель,
Тѣхъ, которые сохранили
Чистоту дѣвственности,
2. Ибо непорочность
Богъ полюбилъ,
Вѣнокъ славы
Непорочнымъ обѣщалъ.
3. Никакая добродѣтель
Не была такъ прекрасна,
Какъ непорочность,
Поднятая и на небеса.
4. Цвѣтетъ среди ангеловъ,
Какъ звѣзда свѣтлости,
Милая Богу
Своей непорочностью.
5. Райскій цвѣтъ
Состояніе дѣвственности,
Радостно поетъ
Въ присутствіи Бога.
6. Тѣ будутъ имѣть на небесахъ
Ангельское общество,
Которые выдержали
Чистѣйшую дѣвственность.
7. Дорогими жемчугами
Украсятъ тѣло такого,
Будетъ у него блестѣть на головѣ
Звѣздная корона.
8. Будемъ только любить
Эту Божескую добродѣтель,
Будемъ имѣть желаніе
Сохранить ее.
9. Ты получишь награду:
Мы будемъ ее имѣть на небѣ!
Ликъ, ликъ, ликъ
Божій мы тамъ узримъ.

---

[1]) Это слово, какъ все содержаніе пѣсни, указываетъ на ея книжный источникъ; однако въ Кантичкахъ этой пѣсни нѣтъ

3. Вар. В. 1. Жив. Стар. 1893. IV, 524. Совершенно тождественная послѣдней пѣсня находится также въ сборникѣ Станевича.

Var brolelį i vajską jote,	Гонятъ братца въ войско ѣхать,
Vejna sesele žergą bałnoja,	Одна сестрица коня сѣдлаетъ,
Ontra sesele brolį raudoja,	Другая сестрица братца оплакиваетъ,
Vo ši trečioji visų mažoji	А третья, самая младшая,
Vartus atkele ir palydeje;	Ворота подняла и провожала его;
Jok, jok, broleli,	Поѣзжай, поѣзжай, братецъ,
Jok, bałandeli;	Поѣзжай, голубчикъ;
Kada prijosi	Когда пріѣдешь
Rajtun pułkelį?	Въ полкъ конниковъ?
Jote prijosiu	Ѣхать пріѣду,
Ginte prigisu,	Защитить защищу,
Dėvas be-žina,	Богъ только знаетъ,
Arba sugrišu.	Вернусь ли.

4. Vejname dvare nėks ne galeje ete: badykles vakščioje. Vejns klėriks pakelevis vaižoudamas užvažiava pas tun ponu; anej buva išsidongeni na tolej į keta botą, ir ons prašes į nakvynę, kad prijimtu; ir sake pona, kad na toriam, kon pagułdyte ton pakelevį ir patys dabar tikta vejtas maž toriam, nałajmė musu dvare — badykles vakščio, na-b-galiam ten ba-bute; ons saka: «leskit muni, aš ten nakosu» ir nuvede sługa, įleda anon į stoncyja; ons tureje su savem gromyčes žvakę ir kningas; užsidegęs žvakę, skate kningas lig pat vejnioliktas adynas; vejniolikto adyno pradeje bałsaj žvongejemų aplink palociu ir vesap baldytejs ir tujaus pradeje artej stoncyjas ete ir tujaus atdarė durys ir įejeį stoncyją bjaurio asabo ne žmogaus, ne gyvole ir lenciuga paskou vilkos; ateje pri to klėrika pri ontra stała gała ir stojos, vo ons nusegondes na-b-skate knįngų, tikta składe, vo badykle sake anam: «žinau, ko ejška» ir stoveje, vo ons nėka na sake ir składe lig pat dvilekta adyna pasibengont; pasibengus adyno pragyda gadys, vo badykle tujaus lenciugus vilkdama eje pro durys łauko, vo ons paskou eje vezete su žvakė gromyčes kame ana

Въ одной усадьбѣ никто не могъ ходить: привидѣнія бродили. Одинъ клирикъ-странникъ на пути заѣхалъ къ тѣмъ господамъ; они переселились не далеко въ другой домъ; вотъ онъ сталъ проситься на ночлегъ, чтобы они его приняли; и сказали господа, что мы не имѣемъ, гдѣ положить этого путника и сами теперь совсѣмъ мало мѣста имѣемъ: несчастіе въ нашей усадьбѣ, привидѣнія бродятъ, не можемъ мы тамъ больше быть; онъ говоритъ: «позвольте мнѣ, я тамъ переночую» и привелъ его слуга, впустилъ въ комнату; имѣлъ онъ съ собой святую свѣчу и книги; зажегши свѣчу, читалъ книги до самаго одинадцатаго часа; въ одинадцатомъ часу начались звуки звона вокругъ дворца и всячески начало пугать и вотъ стало приближаться къ комнатѣ и вотъ отворило двери и вошло въ комнату въ отвратительномъ видѣ ни человѣка, на скота и за этимъ влачилась цѣпь; подошло къ тому клерику къ другому концу стола и стало, онъ же испугавшись уже не читалъ книгъ, а только перелистывалъ, привидѣніе же сказало ему: «знаю, чего ищешь» и стояло; онъ же ничего не сказалъ, а все перелистывалъ до самыхъ 12 часовъ. Въ 12 пропѣлъ пѣтухъ, и привидѣніе тотчасъ же пошло, влача цѣпи, черезъ двери вонъ, онъ же пошелъ за нимъ поглядѣть со святой свѣчей,

apsistos; nueje po pałaciaus, apacos sklepo durys dare ir įeje ir tujaus prapoule badykle, vo klėriks atdaręs durys pavezeje ir atrada daug grabun mirusių ponų sudetun; kłaupęs pasimełde ir praše Deva, kad doutu żenę, kon rek padaryte, kad badykles atstotu, ir išgerda bałsą, kad rek doute atmenemus uż dušes; pagriża atgal į stoncyją ir pasimeldęs atgole: nėks daugiau ne-bibade; rytą metą pona sjunte sługas pavezete, ar bėra gyvas anun svets, vo atrade sveką, parsivede pri ponų ir sakė, kap galeje išturete badymus. vo ons papasakojęs, kas dėjos naktį, sake: «kad daugiaus ne-bi-badys. tikta donket didżius atmenemus uż dušes ir parveškit kunegą, kad pošvėstu visus pałocius». Pona padėkavoje uż rodą ir tujaus pavašinę išleda svetį. Unt ryta tujauu parveże konegą, pašventena pałocius, dave atmenemus ir nėks daugiau na-bi-bade ir pona spakajne parsidongenę gyvena.

гдѣ оно остановится; спустилось подъ дворецъ, отворило нижнюю дверь въ погребъ и вошло и тотчасъ же пропало привидѣніе, а клерикъ, отворивши дверь, посмотрѣлъ и нашелъ много сложенныхъ гробовъ умершихъ господъ; ставши на колѣни, онъ помолился и просилъ Бога, чтобы онъ далъ ему знать что нужно сдѣлать, чтобы привидѣніе отстало и услышалъ гласъ, что нужно сдѣлать поминовеніе за души; вернулся онъ назадъ въ комнату и помолившись легъ: больше уже никто не появлялся и не шумѣлъ; на утро госпожа послала слугъ посмотрѣть, живъ ли ихъ гость, и нашли его здоровымъ, привели къ господамъ, и сказалъ онъ какъ смогъ выдержать привидѣніе; разсказавши же, что дѣлалось ночью, онъ сказалъ: «чтобы больше не пугало, сдѣлайте только богатое поминовеніе за души и привезите ксендза, чтобы онъ освятилъ весь дворецъ». Госпожа поблагодарила за совѣтъ и угостивши отпустила гостя. На утро привезли ксендза, освятили дворецъ, сдѣлали поминовеніе и больше уже никто не пугалъ и господа, переселившись домой, жили себѣ спокойно.

V. Кулы.

1. Сказка о глазахъ рака. Вар. XII, 1. и Veckenstedt. «Die Mythen», ч. I. стр. 229.

Ketą kartą pon Dzėjs, sutveręs visokius givolius, įspaude visims akys, ont gała atejęs pri veże tare: «vežali! šeta tau be-leka mažteteles akeles». Vežys atsake: «no, tokes mažas į sobinę įkeškis». Oż ton pou Dzėjs anam patam įspaude į ontrą gałą. ir deł to paleka vežys betoręs ákys sobine [1]).

Однажды Господь Богъ, сотворивши всѣхъ животныхъ, вдавливалъ всѣмъ глаза, наконецъ, придя къ раку, промолвилъ: «ну, рачекъ, тебѣ-то остались совсѣмъ маленькіе глазки!» Ракъ отвѣтилъ: «ну, такіе маленькіе въ задъ себѣ сунь». За это Господь Богъ вдавилъ ему ихъ въ другой конецъ; и вслѣдствіе этого такъ и остался ракъ съ глазами въ заду.

2. Почему дрожатъ листы осины? Вар. М. 14, 117.

Ketą kartą motena Svenčiause bėgdama nu Eroda so sunelo į Egyptą

Однажды Святѣйшая Мать, убѣгая отъ Ирода съ сынкомъ въ Египетъ-землю,

---

[1]) Ср. I. 135, 4: Vežys, vežys.
Tur šikno akys.

żemę, paiłsusi atsistoje po apušes ir iš bajmes drebeje ir nu to łajka pradeje drebete lapa visun apošu.

уставши остановилась подъ осиной и отъ страха дрожала и съ того времени начали дрожать листья всѣхъ осинъ.

3. Vejną kartą gaspadorius nutvere cigoną kamaro be-vagont; gaspadorius kłausė: «ko tu če įjeje?» Cigons sakė: «áma, tevali, mona dontes skaud ir ne-b-żinau, kur aš atejau». Gaspadorius, išvedes łauko iš kamaras, pavadenęs šemyną, ketena įmušte; cigons sake: «ama, tevali; kon darysi, ton darysi, tikt par torą ne mesk». Gaspadorius kopt už čupryną, šemyna už kojas, cigoną drejbt par torą. Cigons atsikelęs: ba-pego tau na sogaute cigoną kamaro, bet sugaukes cigoną łaukuse!» Ton pasakęs pabėga.

Однажды хозяинъ поймалъ за кражей въ коморѣ цыгана; хозяинъ спросилъ: «для чего ты сюда вошолъ?» Цыганъ сказалъ: «ама́, батюшка, зубы у меня болятъ и ужъ самъ не знаю, куда пришелъ». Хозяинъ, выведя его вонъ изъ коморы, позвавши работниковъ, хотѣлъ бить его; цыганъ сказалъ: «ама́, батюшка, что ужъ будешь дѣлать, такъ дѣлай, только черезъ заборъ не бросай». Хозяинъ хвать за чуприну, работники за ноги, цыгана разъ! за заборъ. Цыганъ вставши: «чего ужъ тебѣ было не поймать цыгана въ коморѣ, а ты вотъ въ полѣ его поймай!» Сказавши это, побѣжалъ.

4. Vejną kartą cigons eje vokte mėsos į pakriautę. Prisikrovęs majšą mėsos, noreje išejte łauko, bet napatropeje atdaryte tekroses durys į łauka; atedare durys į trobą. Iejęs į trobą, cigons nusigonda; bet pasimyslijęs, tarė: «ama, teva, ar nori: tau atsjunte bėsas iš pekłas mėsos?» Gaspadorius pażvelgęs ont susipajšuse cigona, sake parsegondęs: «ak su sava mėsa į pekłą, aš nu bėsa nekokiun dovenun ne noro!» Cigons saka: «kad ne nori, ne nori; tad so Dejvo!» Rytą metą pavejze į pakriautę, na-bėra mėsos.

Однажды цыганъ отправился воровать мясо въ амбаръ. Набравши мѣшокъ мяса, хотѣлъ онъ выйти вонъ, но не потрафилъ отворить настоящую дверь на дворъ; отворилъ дверь въ избу. Войдя въ избу, цыганъ испугался; но подумавши, промолвилъ: «ама́, батюшка, хочешь что-ли? тебѣ чертъ изъ пекла мяса прислалъ». Хозяинъ, взглянувши на измазаннаго цыгана, воскликнулъ испугавшись: «пошелъ ты со своимъ мясомъ въ пекло, я отъ бѣса никакихъ подарковъ не хочу». Цыганъ говоритъ: «коли не хочешь, такъ не хочешь; тогда—съ Богомъ!» На утро посмотрѣли въ амбаръ, нѣтъ мяса.

Дѣтскія пѣсенки.

Čiuldiná, muldiná,
Višta pečių kurina,
Gajdys małką sukapoje,
Šou żirgą pabałnojė
Ir išjojo pri ponun,
Gava kroupun, łašiniun.
Vanags vištą peše,
Ont tarełkos neše,
Panę łapę pavadena,
Ont sledoniaus praše.

5. Чюльдина́, мульдина́,
Курица печь топитъ,
Пѣтухъ дровъ собралъ,
Собака коня осѣдлала
И поѣхала къ господамъ,
Добыла крупъ, сала.
Ястребъ курицу ощипалъ,
На тарелкѣ принесъ,
Госпожу лису пригласилъ,
На обѣдъ просилъ.

6. Kejlele, lakštutele,
Kejk to tori vakun?
Do ont souła,
Do posouła,
Do sétove,
Do lópišė;
Do godo, do konego,
Do stałoriu,
Do małoriu,
Šimts małka kerta,
Šesi jaujȩ kule,
Vo aš vejna paniulate
Po zelvetiu kruma;
Na pa krume augau,
Na karklinus gr̃iaužiau,
Pas tetošį augau,
Gryną douną vałgiau;
Na skarotą nešiojau,
Na bagotą norejau,
Marškinelus devejau,
Už vajkele išejau.

6. Трясогузка, пташка,
Сколько у тебя дѣтей?
Два на лавкѣ,
Два подъ лавкой,
Два въ омутѣ,
Два въ люлькѣ,
Два бѣлоруссa, (гуда)два ксендза,
Два столяра,
Два маляра,
Сотня дрова рубитъ,
Шесть въ овинѣ молотятъ,
А я одна паночка
Подъ ивовымъ кустомъ;
Не подъ кустомъ выросла,
Не иву грызла;
У батюшки выросла,
Чистый хлѣбъ кушала;
Не лохмотья носила,
Не богатаго хотѣла,
Рубашки одѣвала,
За парня выходила.

VI. м. Шакиново. Шавельскаго уѣзда.

1. Ape Laumȩ. [1]) Вар. Leskien. «Lixteretauische Volkslieder und Märchen». стр. 79. Schleicher. Lesebuch Латышскій варіантъ въ сказкахъ, переведенныхъ и изданныхъ Трейландомъ. Наконецъ варіантъ ея имѣется и въ недавно вышедшемъ изданіи г. Довойна-Сильвестровича: Podania Žmujzcie» т. I.

Vēną kartą gyvena sodo dve moteriškas. Vēna buva gera, o antra užvydelninka; geroji moteriška buva łabaj bėdna, turėjė sau uždirbti dūną; vēną kartą su sava mažu kudykiu išėja rugiu rišti; dirbdama par kiaurą dieną, užmirša suvisu sava vajką; parėjusi vakare namo nusiganda priminusi, kad vajką palika łauke; «jau dabar», saka «Laumės nusmaugs mano kudikį»; bėg (=почти *бэй*) į łauką nuliudusi, gird pagirė Laumės be-łułūjant: «aã, aã, mano vajks!» Ir bije motyna arčiaus ejt, kad Laumės ne apstotu, krita ir ne gyva; nū ryta atsikėlusi, bėg į pagirį ir atrand po beržą łopšelį pakabytą, o łopšely atrand sava kudykelį skanė be-mektantį, auksu apipiłtą ir gražė paredytą; iš džiaug-

Жили однажды въ селѣ двѣ женщины. Одна была хорошая, а другая завистница; добрая женщина была очень бѣдна, должна была зарабатывать себѣ хлѣбъ; однажды со своимъ маленькимъ ребенкомъ вышла жать рожь; работая цѣлый день, забыла совсѣмъ своего ребенка; придя вечеромъ домой она испугалась, вспомнивши, что оставила ребенка въ полѣ. «Уже теперь», говоритъ она: «Лаума замучитъ моего ребенка»; бѣжитъ въ поле печальная, слышитъ на опушкѣ: Лаумы поютъ: «aá, aá, дитя мое!» И боится мать ближе подойти, чтобы Лаумы ея не окружили, упала на землю и не жива; утромъ поднявшись, бѣжитъ на опушку и находитъ, что подъ березой повѣшена люлька, а въ люлькѣ находитъ своего ребенка сладко спящимъ,

---

[1]) Сказка записана отъ ксендза Рымовича.

sma ne žina, ką daryti; pakvėč susėdę ir parsineš rankůs vajką su turtajs. Susėde iš złostės ko ne sproksta; sułaukė vakarą, parėda savo kudykį gražè ir neš į pagirį; pati palikusi parbėg namó; atsisokusi bėg pakłausytė, kajp Laumės sup jos kudikį ir girda: «aã, aã, meškos vajks». Nekantri myslija deł ko ne liuloj: «aã, aã, mano vajks!» Led tik sułaukė aušros, bėg susėdes kvėsti: «ejkiam, ejkiam: padėk šendiena muno vajką parnešty (=парнешты); Laumes tur but ne mažiaus aukso palika»; atejn į pagirį, rand beržą sułaužytą ir vajką sudraskytą, o žarnas apè medį apvyniotas.

осыпаннымъ золотомъ и прекрасно одѣтымъ; отъ радости не знаетъ, что дѣлать; приглашаетъ сосѣдку и приноситъ на рукахъ ребенка съ богатствами. Сосѣдка отъ злости чуть не лопается; дождалась вечера, прекрасно нарядила своего ребенка и несетъ на опушку, а сама оставивши прибѣгаетъ домой; повертѣвшись бѣжитъ послушать, какъ Лаумы качаютъ ея ребенка и слышитъ: аа́, аа́, медвѣжье дитя». Въ нетерпѣніи она думаетъ, почему не поютъ: аа̀, аа́, мое дитя. Едва только дождалась разсвѣта, бѣжитъ звать сосѣдку: «пойдемъ, пойдемъ: помоги сегодня мнѣ принести ребенка; Лаумы, должно быть, не меньше золота оставили»; приходитъ на опушку, находитъ березу сломанной, а своего ребенка разорваннаго и кишки его намотанными на дерево.

VII [1]). Литературно-литовскій говоръ (за рѣкой Шалтоной по дорогѣ отъ Россіенъ).

1. Kada Diėvas sutverė žvėrius ir jus sulejda į rojų, tada keleta diėnų jis atejdava pas jų pažiurėti jus, ne matė vežį; kłausė, kur jis yr, o jis atsakė jam: «kur tava akys, ar subine, kad ne mataj manes?» Diėvas atsake jam: «tegul tava akys bune te, ne mana».

1. Когда Богъ сотворилъ звѣрей и пустилъ ихъ въ рай, тогда черезъ нѣсколько дней онъ пришелъ къ нимъ посмотрѣть на нихъ и не замѣтилъ рака; спросилъ, гдѣ онъ, тотъ же отвѣтилъ ему: «гдѣ твои глаза, въ заду что-ли, что не видишь меня!» Богъ отвѣтилъ ему: «пусть твои глаза будутъ тамъ, не мои».

2. Iš visų žvėrių, katrus Diėvas sutverė, buvo mandriausiu vežys deł to, kad jis buvo melniku. Melnikavęs kelėtą metu jis pradėja vokti ir tajp jam nesivedė, ir visados jį sugaudava; tada jis atėja pas Diėvą ir prašėjo, kad důtu jam į ušpakalį akys, del to, kad jis ne mata, kajp jį nutver už svetimą dajktą. Diėvas ne iłgaj łaukęs, išėmė akys jo iš kaktos ir įdėja jam į ušpakalį. Turėdams akys užpakale, vežys suvisaj turėja parstot vokti, del to, kad jis ne galėja grejt paejti. Tada jis atėja vel pas Diėvą ir praše, kad Diėvas jam důtu akys ir ušpakale ir priėšaky; ale Diėvas atsake: «nėkam aš ne daviau po ketures akys, ir tu ne gausi».

2. Изъ всѣхъ звѣрей, которыхъ сотворилъ Богъ, всѣхъ мудрѣе былъ ракъ потому, что онъ былъ мельникомъ. Проработавши нѣсколько лѣтъ, онъ принялся воровать и такъ ему не везло, что всегда его ловили; тогда онъ пришелъ къ Богу и просилъ, чтобы онъ далъ ему глаза въ задъ потому, что онъ не видитъ, какъ его хватаютъ за чужую вещь. Богъ, недолго думая, вынулъ его глаза изо лба и вложилъ въ задъ ему. Имѣя глаза въ заду, ракъ долженъ былъ совсѣмъ перестать воровать потому, что онъ не могъ уже быстро ходить. Тогда онъ пришелъ снова къ Богу и просилъ, чтобы Богъ далъ ему глаза и спереди и сзади, но Богъ отвѣтилъ: «никому я не давалъ по четыре глаза, и ты не получишь».

---

[1]) Записано отъ Ивана Чепурнова такъ же, какъ двѣ слѣдующія сказки.

Tada vežys supykęs ant sava sutvertojaus sunešė pri upės visus dajktus, katriė prigulėja pri jo melničės ir, suvertęs jus į upę, pasistatė saumelnyčę murinę (taj yra vurva krante). Praja (=praėja) kelėta diėnų, upė uštvyna ir jo melnyče suvisaj sugriove; o jis, sugavęs viėnas tik girnas, pasilika bėdnas.

Тогда ракъ, разозлившись на своего творца, снесъ къ рѣкѣ всѣ вещи, которыя принадлежали къ мельницѣ, и, сбросивши ихъ въ рѣку, поставилъ себѣ каменную мельницу (это—нора на берегу подъ камнемъ). Прошло нѣсколько дней, рѣка вздулась и его мельница совсѣмъ разрушилась; а онъ, поймавши только жернова, сталъ бѣднякомъ

3. Ape taboką

Diėvas sykį liėpė visums žolėms atejti pas jį ir visas žoles ateja, viena tik taboka pasilika rojuj. Diėvas, ne matydams tabokas, kłausė žoliu, kur pasilika ji, ir kada jis dasižinoja, kad ji ne ateja, liėpe jaj tůjaus pributi ir pakłausė, del ko, ji ne ateja. Tada taboka atsake: del to, kad manį visas mana tavorčkas apspjaude; tada Diėvas vel kłausė: «kodel tavę apspjaude visas žoles» ir taboka atsakė: «del to, kad Adoms su Iėva, kaštavodami smoką visų žolių, atrada manį, kad aš łabaj karti; ir del to manį apspjaude». Tada Diėvas atsakė: «nu šios dienos visi tavę turės ir šenavos: didelis ir mažas». Ale vis visi, kada ruka, spjauda del to, kad visas žoles, kad jos buva rojuj, apspjauda jį.

3. О табакѣ.

Богъ однажды велѣлъ всѣмъ растеніямъ прійти къ нему и всѣ растенія пришли, только одинъ табакъ остался въ раю. Богъ, не видя табака, спросилъ у растеній, гдѣ онъ остался, и когда онъ узналъ, что онъ не пришелъ, велѣлъ ему сейчасъ же прибыть и спросилъ, почему онъ не пришелъ. Тогда табакъ сказалъ, «потому, что меня всѣ мои товарки оплевали». Тогда Богъ снова спросилъ: «почему же тебя оплевали всѣ растенія?» а табакъ отвѣтилъ: «потому, что Адамъ съ Евой, пробуя вкусъ всѣхъ растеній, нашли меня очень горькимъ; и поэтому они меня оплевали». Тогда Богъ отвѣтилъ: «съ этого дня всѣ тебя будутъ держать и почитать: большой и малый». Но все-таки всѣ, когда курятъ, сплевываютъ потому, что всѣ растенія, когда они были въ раю, оплевали его.

4. Вар. I. 5. Bez. 5.

1. Višą amžių ułavojau,
   Ant smerče ne atbojau;
   Kad atėjė ta dienele,
   Kad rejks man numirti.
2. Dirba grabą be durelų,
   Viršuj be langelų,
   Kad vejalis ne įpustu,
   Saulele ne šviėstu.
3. Tevelis su matuše
   I grabą idėjo,
   Brolelis su sėselė
   Manį palydėio.
4. Kaj važiavau par girelę,
   Girele žaliavo,
   Privažiavau į bažnyčę,
   Varpaj suzvanyjo.

1. Весь вѣкъ гуляла,
   О смерти не думала;
   Когда пришелъ тотъ часъ,
   Что придется мнѣ умереть.
2. Дѣлаютъ гробъ безъ дверей,
   Наверху безъ оконъ,
   Чтобы вѣтеръ не дулъ внутрь,
   Солнце не свѣтило.
3. Батюшка съ матушкой
   Въ гробъ положили,
   Братецъ съ сестрицей
   Меня проводили
4. Когда я ѣхалъ черезъ лѣсъ,
   Лѣсъ зеленѣлъ,
   Пріѣхалъ въ церковь,
   Колокола зазвонили.

5. Kunigelis, vargamistra
Manį pakrapino.
Ir nuneše i bažnyčę,
Kunigs mišas laiko.
6. Visas gentys-giminelės
Manes żeławojo;
Kad nuneše ant kapela,
Idėjo į dûbę.
7. Visi žemes po saujelę
Ant manes užbirė.
Visas gentys-gimineles
Namo nuvažiavo;
Oaš viena vargdienele
Zemė palikau.

5. Ксендзъ, органистъ
Меня окропили,
И внесли въ церковь,
Ксендзъ отправляетъ службу.
6. Всѣ родные-родственники
Обо мнѣ пожалѣли,
Когда принесли на кладбище,
Опустили въ могилу.
7. Всѣ по горсточкѣ земли
На меня посыпыли,
Всѣ родные-родственнички
Домой уѣхали,
Я одна несчастная
Въ землѣ осталась.

5. Пословицы. (Patarłes)

Kajp idėsi, tajp rasi.

Kajp pasikłosi, tajp ir miegosi.

Išgraužk, kumaj, kad vajks mirė.

Ne kłausk davyma, ale Diėva padejima.

Suła yr, dûnas nėr; dûna yr, sułos nėr.

Pas mus yr razums, pas durnius pinigaj.

Mandrums gaľvą łauža, utelas pakaušę griauža.

Kas kraštś, tej moda; ka gaľva, tej razums.

Šoki, kajp varle preš dalge.

Какъ положишь, такъ найдешь.

Какъ постелешь, такъ и поспишь.

Выкуси, кумъ, коли дитя умерло (т.е. кума уже не надо).

Не спрашивай о приданомъ, а о Божьемъ согласіи.

Сокъ есть, хлѣба нѣтъ; хлѣбъ есть, сока нѣтъ.

(Березовый сокъ весной.)

У насъ есть разумъ, а у дураковъ деньги.

Мудрость голову ломитъ, а затылокъ вши грызутъ.

Что край, то мода; что голова, то разумъ.

Прыгаешь, какъ лягушка на косу.

Собралъ: *А. Погодинъ.*

ОТДѢЛЪ III.

Критика и Библіографія.

Замѣтки по изученію современной народной пѣсни.

В. Н. Перетцъ. Современная русская народная пѣсня. Сравнительные этюды. С.-Петербургъ. 1893.

Г. Перетцъ, начавшій литературную дѣятельность разборомъ сборника угро-русскихъ пѣсенъ г. Врабля «Русскій Соловей» (Кіевская Старина 1892, № 6) и помѣстившій рядъ замѣтокъ и рецензій въ Живой Старинѣ и Библіографѣ, выпустилъ недавно работу болѣе обширную, посвященную любопытному вопросу изученія современной лирической пѣсни. Вопросъ этотъ разсматривался въ послѣднее время въ цѣломъ рядѣ работъ, изъ которыхъ наиболѣе важны до сихъ поръ: статья Н. И. Костомарова «Великорусская народная пѣсенная поэзія» [1]), Михневича «Извращеніе народнаго пѣснотворчества» [2]), предисловіе къ «Сборнику русскихъ народныхъ лирическихъ пѣсенъ», Лопатина и Прокунина и книжка Львова: «Новое время—новыя пѣсни» (Устюгъ. 1890), современной пѣснѣ посвященъ также рефератъ П. И. Тиховскаго: «Паденіе народной пѣсни» [3]) и книга М. Огіевскаго «Новые элементы въ южно-русскомъ пѣснотворчествѣ». Спб. 1892.

Г. Перетцъ и изслѣдователь, и собиратель народнопѣсеннаго обихода. Это обстоятельство имѣетъ и хорошую, и дурную сторону: ему легче судить о народномъ міровоззрѣніи, нежели человѣку знакомому только съ печатными текстами пѣсенъ, возможно близкое знакомство съ чертами народной символики и даже новыя ея объясненія; но съ другой стороны, онъ скорѣе можетъ увлечься матеріаломъ, имъ самимъ записаннымъ, иногда даже поставить его выше другого подобнаго. Настоящая брошура заключаетъ повидимому только начало изслѣдованій автора въ области, имъ затронутой; три главы ея посвящены разбору трехъ мотивовъ,—притомъ авторъ не держится какой либо системы, а стоитъ въ зависимости отъ матеріала, ему извѣстнаго и взятаго повидимому случайно. Это конечно не недостатокъ; но болѣе систематичное изслѣдованіе несомнѣнно было бы полезнѣе и для самого автора, избавляя его отъ неизбѣжныхъ повтореній, быть можетъ даже вліяя на общую точку зрѣнія на предметъ.

---

[1]) Вѣстн. Евр. 1872, Май.
[2]) Историч. Вѣстн. 1880, т. III, декабрь.
[3]) Извѣстія IX Археологич. съѣзда въ Вильнѣ. Вильна. 1893, № 13, стр. 6—8. См. также ст. Г. И. Успенскаго «Новыя народныя пѣсни» въ «Русск. Вѣдом.» 1889, № 110 и замѣчанія на нее въ «Этногр. Обозр.» 1889, II, 218.

Несомнѣннымъ недостаткомъ предисловія является отсутствіе доказательствъ тѣхъ положеній, на которыхъ авторъ настаиваетъ. Я нахожу, что главныя положенія автора, высказанныя имъ въ предисловіи къ книжкѣ, мало вытекаютъ изъ изученія трехъ пѣсенныхъ мотивовъ; они апріорны, изслѣдованіе ихъ не оправдываетъ. Если бы авторомъ былъ принятъ болѣе широкій кругозоръ, обнимающій возможно большее количество фактовъ и наблюденій надъ ними, точка зрѣнія была бы правильнѣе. Предисловіе г. Перетца довольно обширно и даже «широковѣщательно», давая, впрочемъ, мало фактическихъ поправокъ мнѣній установившихся, но вмѣстѣ съ тѣмъ пытаясь отвергнуть ихъ.

«Какъ при изученіи литературы часто берутъ исключительно произведенія замѣчательныхъ писателей для характеристики идей, господствовавшихъ въ обществѣ въ данную эпоху, такъ зачастую и изслѣдователи въ области народной поэзіи обращаютъ свое вниманіе исключительно на тѣ пѣсенные мотивы, которые представляютъ наибольшій интересъ по своему художественному достоинству, забывая, что подобныя пѣсни уже отжили свой вѣкъ и вытѣсняются новыми. Мы полагаемъ, что при изученіи народной поэзіи важно обращать вниманіе не столько на мотивы, поражающіе чувство изслѣдователя, сколько на имѣющіе наибольшее распространеніе среди цѣлаго народа». Таково главное положеніе автора. Мнѣ кажется, что тутъ смѣшаны двѣ стороны изученія народнаго творчества. Пѣсня есть, во первыхъ, памятникъ художественнаго творчества, во вторыхъ, матеріалъ для характеристики народа. Въ первомъ случаѣ она по преимуществу подлежитъ изученію историка литературы, во второмъ—этнографа. Только какъ матеріалъ чисто этнографическій *всякая* пѣсня заслуживаетъ вниманія. Однако, даже при такой постановкѣ вопроса не зачѣмъ впадать въ крайность: въ тирадѣ г. Перетца необходимо замѣнить: «не столько, сколько» словами: «не только, но и...» А между тѣмъ, авторъ собственно не этнографъ; онъ смотритъ на изученіе пѣсни, какъ памятника литературнаго... Противорѣчіе у него сказывается тотчасъ же, такъ сказать между словомъ и дѣломъ. Авторъ занимается не сбирушками, частушками, фабричными, искаженными и т. п. пѣснями, противъ которыхъ ратуютъ главнымъ образомъ гг. Лопатинъ, Тиховскій и другіе, а мотивами старыми, и н о г д а только измѣнившимися по формѣ, такъ сказать «старыми погудками на новый ладъ». [1]) Провести рѣзкую опредѣленную грань между пѣсней «новой» и «старой», конечно трудно. Романсы распѣвались народомъ еще въ концѣ прошлаго вѣка; по крайней мѣрѣ объ этомъ свидѣтельствуютъ пѣсенники. Впрочемъ, только съ половины текущаго столѣтія они завоевали себѣ широкое мѣсто. Такимъ образомъ, фактъ порчи старой чисто народной пѣсни несомнѣненъ, и эта порча началась давно. Но только въ послѣднія 3—4 десятилѣтія особенно часто и съ каждымъ годомъ все настойчивѣе раздаются голоса о п р е о б л а д а н і и въ народно-пѣсенномъ обиходѣ фабричныхъ и трактирныхъ мотивовъ. Рядомъ съ ними, а также съ искаженными романсами и литературными стихотвореніями идетъ прямо вырожденіе пѣсни, выражающееся въ коротенькихъ запѣвочкахъ, сбирушкахъ,—обрывкахъ старыхъ пѣсенъ, и въ невообразимой путаницѣ стиховъ, образовъ и мотивовъ изъ разныхъ пѣсенъ, причемъ для спаиванія новой пѣсни изъ такихъ безобразныхъ обрывковъ одинаково употребляются и стихи чисто народной пѣсни, и искаженныя литературныя стихотворенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Перетцъ, говоря свои «не столько, сколько», не замѣчаетъ еще и того, что съ его точки зрѣнія изученіе сказки о Бовѣ-королевичѣ для историка литературы важнѣе изученія произведеній Гоголя и гр. Л. Н. Толстого; вѣдь первая куда распространеннѣе. Если же взять даже одно изученіе исключительно этнографическое, то и оно потеряетъ немалую часть своего значенія по подобной односторонности. Неужели же въ самомъ дѣлѣ для этнографа должно отсутствовать чувство художественности?

---

[1]) Подъ новой пѣсней мы разумѣемъ именно пѣсню фабричную, искаженный романсъ, обрывки и искаженія литературной пѣсни, конгломератъ изъ отрывковъ разныхъ пѣсенъ, безсодержательные куплеты въ 4, 3 и 2 стиха и т. п.

Далѣе г. Перетцъ борется такъ сказать съ вѣтряными мельницами. Вопреки его увѣреніямъ, всякій, съ исторической точки зрѣнія, понимаетъ, что современная народная пѣсня явленіе естественное, что положеніе ея переходное. Все это указано и разъяснено гораздо подробнѣе въ предисловіи къ «Сборнику» Лопатина и Прокунина [1]). Вопросъ только въ томъ, чѣмъ закончится такое переходное положеніе. Создастъ ли народъ, «не успѣвшій еще сложить, выработать своей (пѣсни), не осмотрѣвшись, не успѣвъ (sic) еще привыкнуть къ новой цивилизаціи» новую пѣсню (мнѣніе г. Перетца), или замолкнетъ навсегда чисто народная пѣсня, и ее, какъ во многихъ мѣстахъ Зап. Европы, замѣнитъ пѣсня литературнаго характера, созданная личнымъ творчествомъ? Вопросъ конечно спорный.

Называть ли новыя пѣсни и пошлыя искаженія старой пѣсни паденіемъ пѣсни, какъ это принято, или «безотносительнымъ плюсомъ» въ народномъ творчествѣ, какъ настаиваетъ нашъ авторъ, въ сущности неважно. Я укажу только, что мнѣніе г. Перетца объ этомъ безотносительномъ плюсѣ не установившееся. Въ одной своей статьѣ, печатавшейся почти одновременно съ первымъ этюдомъ («Библіографъ», 1892, № 12, стр. 418), онъ между прочимъ говоритъ: «Современное паденіе пѣсни не есть явленіе случайное: оно вызвано рядомъ подготовительныхъ явленій»... Да, и собственно говоря, не г. Перетцу первому принадлежитъ честь восхваленія тѣхъ пѣсенъ, которыя г. Лопатинъ называетъ безобразными. Это мнѣніе высказано еще Г. И. Успенскимъ и г. Львовымъ. [2]) Можно сказать только одно, что даже стоя на точкѣ зрѣнія исторической, мы можемъ объяснить явленіе, но не должны видѣть въ немъ прогрессъ, плюсъ. Развѣ все послѣдующее есть дальнѣйшій ростъ, сравнительно съ предыдущимъ? Напримѣръ, мы въ настоящее время не видимъ талантовъ, сильнѣйшихъ, нежели наши писатели сороковыхъ годовъ, не видимъ въ Россіи изслѣдователей народной поэзіи болѣе глубокихъ, чѣмъ былъ А. А. Потебня. Однако, мы не скажемъ. что новые писатели характеризуютъ прогрессъ въ нашей литературѣ, новые изслѣдователи прогрессъ въ наукѣ; исторически же объяснить эти явленія можно.

Не останавливаясь болѣе подробно на предисловіи г. Перетца, я коснусь только нѣкоторыхъ его мыслей. «Какъ съ перваго взгляда ни странно, пишетъ онъ, но пѣсни Дельвига, Кольцова и другихъ «народныхъ», поэтовъ еще менѣе устойчивы въ народной средѣ, (нежели заимствованныя пѣсни чисто литературнаго характера), хотя мы находимъ ихъ почти во всѣхъ п ѣ с е н н и к а х ъ и христоматіяхъ. Подобное явленіе кажется намъ вполнѣ естественнымъ и понятнымъ: если въ стихотвореніяхъ Пушкина, Лермонтова, даже въ замысловатыхъ куплетахъ новѣйшей оперетки, народный слухъ поражается чѣмъ-то новымъ, невѣданнымъ и потому занимательнымъ, то въ пѣсняхъ Кольцова и другихъ народъ замѣчаетъ лишь подражаніе себѣ и вполнѣ, на нашъ взглядъ, логично предпочитаетъ свою безхитростную родную пѣсню пѣснѣ, быть можетъ въ художественномъ отношеніи прекрасной, но поддѣльной». Желательно но знать, чѣмъ подтвердитъ авторъ свое, такъ категорически высказанное, положеніе. (Не говорю уже о странномъ смѣшеніи поддѣльныхъ пѣсенъ Дельвига и пѣсенъ Кольцова. Откуда извѣстно. что Кольцовъ поддѣлывалъ пѣсни?) Для г. Перетца нѣтъ никакого значенія въ томъ, что пѣсни Кольцова встрѣчаются въ пѣсенникахъ. Если его слова основаны только на личныхъ наблюденіяхъ, то значеніе ихъ конечно весьма слабо, такъ какъ онъ записывалъ пѣсни преимущественно въ одной мѣстности (небольшомъ углу Новгородской губ.), притомъ сравнительно недолгое время. Если судить по сборникамъ пѣсенъ, то мы почти не встрѣтимъ въ нихъ пѣсенъ Кольцова. Это обстоятельство объясняется тѣмъ, что подобныя пѣсни собиратели рѣдко заносятъ въ свои записи. Но вотъ что говоритъ, между прочимъ, г. Студитскій въ предисловіи къ своему сборнику Новгородскихъ пѣсенъ: «Естественно, что нашъ народъ увлекается сочиненіями

[1]) См. напр стр. 26.

[2]) См. еще замѣчанія А. С. Гацискаго въ «Нижег. Сборн.», 1875, т. V, стр. 173—174.

поэтовъ и мало по малу забываетъ созданія своихъ предковъ; такъ теперь уже поютъ пѣсни Кольцова. Въ этомъ я убѣдился еще тогда, когда собиралъ пѣсни Вологодской и Олонецкой губ.» (т. е. за 20 лѣтъ до записей въ Новг. г.) [1]). Одна пѣсня Кольцова даже попала въ сборникъ А. Можаровскаго [2]). Итакъ, есть факты, опровергающіе категорически высказанное положеніе г. Перетца.

Нѣкоторыя сужденія автора темны и запутанны [3]). Какъ, въ самомъ дѣлѣ, разобраться въ слѣдующей тирадѣ? Пѣсни литературнаго происхожденія «поются въ народѣ въ редакціяхъ сравнительно близкихъ къ литературнымъ, съ небольшими варіантами въ отдѣльныхъ словахъ; тема и размѣръ ихъ остаются неприкосновенными. Онѣ не осѣдаютъ прочно въ народной средѣ, не усваиваются органически, а только прилаживаются къ народному вкусу и выраженіямъ и поются въ искаженномъ видѣ, оставаясь чуждыми народу, какъ безобразные наросты носящему ихъ дереву». Гдѣ же, собственно говоря, правда? Если же пѣсни чисто литературнаго склада чужды народу, то само собой разумѣется ближе къ нему пѣсни Кольцова. Нѣсколько иначе, по мнѣнію нашего автора, дѣло обстоитъ съ такъ называемыми странствующими мотивами, которые, по словамъ его, въ большинствѣ случаевъ литературнаго происхожденія. (Но почему различіе въ воспріятіи тѣхъ или другихъ пѣсенъ, одного происхожденія,—невыяснено?). «Въ такой пѣснѣ—говоритъ авторъ—ненародное сравненіе, образъ-символъ неестественный и не гармонирующій съ дальнѣйшимъ развитіемъ темы—все это стирается, а иногда замѣняется (?) новымъ (??); съ другой стороны иногда одинъ намекъ на образъ въ пѣснѣ литературной вызываетъ его развитіе въ народной обработкѣ». Оказывается, что то, что ближе къ народнымъ понятіямъ, то и воспринимается народомъ. Изъ всего этого ясно только одно, какъ мало продумалъ авторъ все имъ написанное.

Я назвалъ предисловіе г. Перетца широковѣщательнымъ. «Мы полагаемъ, между прочимъ говоритъ онъ, что изученіе народныхъ пѣсенъ, какъ самостоятельно развившихся, такъ и считаемыхъ заимствованными изъ литературы, должно быть основано на возможно широкомъ сравненіи, какъ основныхъ мотивовъ, такъ и отдѣльныхъ чертъ... Такимъ образомъ изученіе великорусской пѣсни предполагаетъ параллельное изученіе бѣлорусской, далѣе малорусской...» Новаго тутъ ничего нѣтъ, все это—вещи признанныя давно; г. Перетцъ только идетъ по стопамъ своихъ предшественниковъ. Напрасно также онъ указываетъ на то, что по изученію бытовыхъ и лирическихъ пѣсенъ у насъ сдѣлано мало. «Трудность изученія послѣднихъ пѣсенъ увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что каждому начинающему приходится самому разыскивать необходимое въ массѣ неразобраннаго, неразработаннаго и даже не систематизированнаго матеріала, и такимъ образомъ тратить немало времени на черновую подготовительную работу. Если намъ не удастся въ нашихъ очеркахъ дать прочныхъ обобщеній, то будемъ надѣяться, что собравъ матеріалъ, мы своими сопоставленіями, хотя отчасти, подготовимъ почву для дальнѣйшихъ изслѣдованій». Правда, лирическія народныя пѣсни недостаточно изучены. Но, помимо того, что въ цѣломъ рядѣ новыхъ сборниковъ указаны варіанты, нерѣдко даны любопытныя сближенія, примѣчанія,—помимо всего этого, въ нашей литературѣ есть капитальнѣйшій трудъ Потебни по объясненію малорусскихъ народныхъ пѣсенъ, дающій новымъ изслѣдователямъ и массу систематизированнаго матеріала и точку отправленія при его изученіи... Гораздо лучше было бы, вмѣсто всего этого, указать тутъ

---

1) Ѳ. Студитскій. Народныя пѣсни, собранныя въ Новгородской губ. Спб. 1874 г., стр. 4—5.

2) Святочныя пѣсни, игры и гаданія Казанской губ. Казань. 1873 г. Предисловіе, II и стр. 27.

3) Эту запутанность и неопредѣленность положеній и выраженій нашего автора довольно подробно указалъ уже рецензентъ «Этногр. Обозрѣнія» (1894, кн. XX, № 1, стр. 136—139), отнесшійся въ общемъ къ книгѣ г. Перетца очень сочувственно. Къ сожалѣнію, авторъ упомянутой рецензіи остановился подробно только на предисловіи и не сдѣлалъ никакихъ замѣчаній о большей и важнѣйшей части книги. Соглашаясь со многими его замѣчаніями, я не буду касаться поэтому затронутыхъ имъ вопросовъ.

же сразу, что въ своихъ этюдахъ авторъ имѣетъ хорошихъ предшественниковъ, приведшихъ большую часть сопоставленій, которыя г. Перетцъ дополнилъ сравнительно незначительнымъ количествомъ указаній. Такая оговорка была бы болѣе у мѣста, нежели скромное заявленіе своихъ заслугъ.

Переходя къ первому этюду, посвященному пѣснямъ о постриженіи, спѣшу оговориться, что не имѣю намѣренія дополнять изслѣдованія г. Перетца новыми соображеніями и матеріалами. Я ограничусь лишь разсмотрѣніемъ выводовъ автора и матеріаловъ преимущественно изъ тѣхъ сборниковъ народнаго творчества, которые, судя по ссылкамъ, были въ рукахъ автора.

Передъ нами пѣсня, извѣстная съ двадцатыхъ годовъ XVIII в. и приписываемая преданіемъ царицѣ Евдокіи, постриженной Петромъ I. Содержаніе ея (по варіанту, записанному кн. В. Ѳ. Одоевскимъ):

Возлѣ милаго сижу млада,
Меня милый другъ журитъ-бранитъ,
Въ монастырь итти велитъ.
Постригись, моя немилая,
Посхимись, постылая..
Я поставлю нову келейку
Въ зеленомъ саду подъ яблоней,
Прорублю я три окошечка:
Первое—ко Божьей церкви,
Другое-то—во зеленый садъ,
Третье-то—во чисто поле...
Случилось ѣхать князьямъ-боярамъ».
Они спрашиваютъ: «Что за келейка?...
Отвѣчала имъ монахиня:
«Я пострижена самимъ царемъ,
«Я посхимлена Петромъ Первымъ,
«Чрезъ его змѣю лютую».

По поводу этой пѣсни г. Перетцъ говоритъ: «Хотя при неопредѣленности указанія послѣднихъ стиховъ можно отнести эту пѣсню и къ другимъ лицамъ, постриженнымъ Петромъ, напримѣръ, къ сестрѣ его царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ, однако Безсоновъ ни мало не постѣснялся приписать ее именно царицѣ Евдокіи». Слова эти крайне грубы и крайне несправедливы. Изъ пѣсни ясно видно, что въ ней говорится о постриженіи мужемъ жены; царевну Софью разумѣть здѣсь невозможно ни въ какомъ случаѣ. Кромѣ того, г. Безсоновымъ указано, что извѣстно документально о существованіи этой пѣсни съ именемъ царицы Евдокіи въ началѣ XVIII столѣтія, что она была запрещена при Петрѣ II, что канониръ Носовъ за пѣніе этой пѣсни былъ битъ шпицрутенами. Само собой разумѣется, что никто не станетъ безусловно утверждать, что пѣсня эта должна быть непремѣнно сочинена несчастной царицей. Быть можетъ, она только пріурочена къ имени царицы Евдокіи [1]); но пріуроченіе это сдѣлано такъ удачно, что въ пѣснѣ нѣтъ никакого противорѣчія дѣйствительно бывшему. Извѣстно, что царь дѣйствительно сначала уговаривалъ жену принять монашество и послѣ ея отказа постригъ ее.

При разсмотрѣніи этой пѣсни авторъ исходитъ изъ признака случайнаго для пѣсни о постриженіи, именно изъ способа построенія кельи (съ тремя окнами). Прежде всего

---

1) Сравни слѣдующее замѣчаніе г. Безсонова при приведеніи варіанта этой пѣсни безъ имени: «Вотъ еще ступень дальнѣйшей передѣлки, а можетъ быть первообразъ, къ которому примѣнила свою пѣсню царица». Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ, в. 8, стр. 112.

замѣтимъ, что далеко не всѣ пѣсни о постриженіи говорятъ о трехъ окнахъ: этого мотива не знаютъ: пѣсня о насильственномъ постриженіи дочери матерью противъ желанія отца, записанная г. Перетцемъ, пѣсня царевны Ксеніи, пѣсня постриженной Іоанномъ царицы [1]). Эти пѣсни [2]) авторъ не внесъ въ кругъ своего изслѣдованія, [3]) а между тѣмъ онѣ, отличаясь значительнымъ разнообразіемъ содержанія, показываютъ, что не смотря на довольно обычное явленіе факта постриженія въ древней Руси, народъ умѣлъ создавать по различнымъ поводамъ разнообразныя пѣсни, не довольствуясь, такъ сказать, одной формулой подобной пѣсни и пріуроченіемъ ея только къ извѣстному имени. Съ другой стороны, три окна встрѣчаются и въ пѣсняхъ свадебныхъ—какъ это отмѣтилъ и г. Перетцъ. По моему мнѣнію, три, иногда четыре (по четыремъ сторонамъ свѣта) окна являются въ пѣсняхъ, имѣющихъ отношеніе къ ожиданію, тоскѣ по миломъ, и можетъ быть, изъ пѣсенъ подобнаго содержанія перешли и въ пѣсни о постриженіи. Про дѣвушку, напримѣръ, прошла недобрая слава, что ходила къ милу другу. Родители разгнѣвались.

Что построилъ мнѣ сударь батюшка темницу,
Безъ дверей—то онъ построилъ, безъ окошекъ,
Что одна только у темницы трубица.
И я стану своего батюшку просити:
Прорубн ты мнѣ, сударь-батюшка, три окошка,
Ужъ какъ первое окошко въ чисто поле,
А другое то окошко въ садъ зеленый,
А какъ третье-то окошко на сине море [4]).

На синемъ морѣ плыветъ корабликъ, на немъ дружечекъ; она зоветъ его, машетъ платкомъ, но онъ не слышитъ ея голоса, не видитъ я. Тутъ нѣтъ ни слова о постриженіи.

Другая подобная пѣсня говоритъ также о разлукѣ съ милымъ. Дѣвушка проситъ отца:

Государь мой, батюшка!
Ступай ты ва темнай лѣсъ,
Сруби сырой дубецъ,
Састрой мнѣ горинку,
Горинку новуя,
Съ чятырьмя акнами.
Первая акошка—
На синя моря дарошка;
А другая акошка—
Черезъ зелянъ садъ дарошка;
А третья акошка—
Аткыль солнушка исходя,
А чатвертая акошка—
Атныль милай друхъ приходя,
Онъ подарачикъ приносяя [5])...

Иногда не обозначается число оконъ; напр., въ причитаніи по рекрутѣ говоритъ жена:

И по фатерушкѣ вѣдь буду тутъ похаживать,
Изъ окна въ окно безчастная поглядывать [6])...

---

[1]) Пѣсни Кирѣевскаго, VI, 202—204.

[2]) См. также Русскій Филологическій Вѣстникъ 1881 г., т. V, стр. 260.

[3]) Послѣднія двѣ не упомянуты; первая приведена только въ дополненіе «къ этюду о пѣснякъ, повѣствующихъ о насильственномъ постриженіи», (стр. 17).

[4]) Пѣсни Кирѣевскаго, VIII. 112.—Срвн. пѣсню Вологодск. губ.. записанную Н Иваницкимъ «Вологодск. Сборн.», т. III, 1883, стр. 35—37.

[5]) Халанскій. Народн. пѣсн. Курской губ. Русскій Филологическій Вѣстникъ, 1881, VI, 285.

[6]) Е. Барсовъ. Причитанья Сѣв. края, II, 140.

Часто является одно окно [1]), три или четыре стороны [2]).

Любопытною чертою, общею для многихъ пѣсенъ объ ожиданіи милаго, а также пѣсенъ о постриженіи является синее море, откуда именно должно явиться ожидаемое лицо. Повидимому появленіе его въ пѣсняхъ, говорящихъ о тоскѣ, объ ожиданіи болѣе у мѣста. [3])

Но послѣдуемъ за авторомъ разсматриваемой книжки. Онъ указываетъ на присутствіе трехъ оконъ: 1) въ пѣснѣ о князѣ Василіи (въ которой его молодая вдова идетъ въ монастырь; одно окно выходитъ на сине море, гдѣ утонулъ князь); 2) въ приведенной нами выше пѣснѣ (изъ сборника Кирѣевскаго) объ ожиданіи милаго:; 3) въ пѣснѣ молодца, который желаетъ постричься въ монастырь; 4) въ малорусской пѣснѣ (изъ сборника Чублинскаго, т. V, 806); 5) въ записанной авторомъ пѣснѣ о добровольномъ постриженіи дѣвушки, которой постылъ міръ [4]). Послѣ всего этого слѣдуетъ довольно неожиданное заключеніе [5]): «Изъ ряда приведенныхъ параллелей можно заключить (?), что скорѣе изъ ранѣе существовавшей бытовой пѣсни возникла историческая, чѣмъ наоборотъ. Царицѣ Евдокіи, быть можетъ и принадлежатъ нѣкоторыя частныя измѣненія, но самая пѣсня создалась гораздо раньше, вызванная не однимъ явленіемъ, а цѣлымъ рядомъ постриженій, вошедшихъ въ обыкновеніе. Черты насильственнаго постриженія вѣроятно лишь впослѣдствіи примкнули къ общей схемѣ пѣсни и такъ не надолго (?), что теперь совершенно (?) утратились. Общая же тема—постриженіе въ монашество вслѣдствіе житейскихъ невзгодъ и неудачъ—живетъ и понынѣ въ пѣсенномъ обиходѣ русскаго народа. Въ сборникахъ пѣсенъ другихъ народовъ мы нигдѣ (?) не находимъ подобной пѣсни; отсюда мы должны заключить о ея самобытности на велико-русской (почему же не на общерусской, если авторъ вслѣдъ за И. В. Кирѣевскимъ, приводитъ и малорусскій варіантъ этой пѣсни ?) почвѣ. Что-же касается общаго (?) мѣста, построенія кельи съ тремя окнахи, то оно могло быть по всей вѣроятности заимствовано изъ житія св. Варвары-великомученицы, которое ранѣе, и теперь является любимымъ чтеніемъ народа. Особенно близка къ житію пѣсня, которую мы находимъ у Чулкова». Это заключеніе можетъ вызываетъ недоумѣнія. Итакъ, пѣсни о насильственномъ постриженіи представляютъ, такъ сказать, наслоеніе въ общей первоначальной схемѣ добровольнаго постриженія, притомъ наслоеніе, державшееся недолго. Пѣсни о постриженіи являются ли только въ русской поэзіи? Нѣтъ. Въ сборникѣ нѣмецкихъ народныхъ пѣсенъ Миттлера, на который у г. Перетца есть ссылка на стр. 31, есть цѣлый рядъ пѣсенъ о постриженіи: 5 варіантовъ пѣсни: die Nonne, снова два варіанта подобной пѣсни и 12 варіантовъ пѣсни Klosterleben. [6]) Между русскими пѣснями о постриженіи и нѣмецкими есть много общаго, объясняемаго конечно не заимствованіемъ, а одинаковыми условіями быта. Прежде всего всѣ нѣмецкія пѣсни женскія. Идетъ въ монастырь бѣдная невѣста; ея женихъ слишкомъ поздно рѣшается жениться на ней. Его встрѣчаетъ уже монахиня.

Das Nönnlein kam gegangen
In einem schneeweissem Kleid;
Ihr Haar war abgeschnitten,
Ihr rother Mund war bleich.

---

[1]) Халанскій. Нар. п. Курск. г. Рус. Фил. В. 1882, VII, 81; Е. Барсовъ. Причитанія. II, 119, 168.

[2]) Барсовъ. Причитанья II, 130; I, 103.

[3]) Срвн. еще ст. Е. Передѣльскаго въ «Сборн. матер. для опис. Кавказа», т. III, отд. II, стр. 39.

[4]) Первыя 3 пѣсни указаны П. А. Безсоновымъ.

[5]) Стр. 16.

[6]) Deutsche Volkslieder, Sammlung von F. Mittler, стр. 230, 236, 587.

Или по другому варіанту:

Ihre Wänglein sind verblichen.
Ihr Haar ist abgeschnitten,
Sie hat ein Köpplein auf.

Весьма близокъ къ этимъ стихамъ конецъ пѣсни, записанной г. Перетцемъ [1]):

Папенька идетъ и князя ведетъ;
Князь молодой удивляется;—
Чья это шапочка на столикѣ лежитъ?
Чья это руса коса на гвоздикѣ виситъ?
Чья это монашина хорошая сидитъ?
— Князь молодой, ступай съ Богомъ домой,
Ужъ вѣрно мнѣ, дѣвицѣ, не быть за тобой.

По одному варіанту однако:
Die Nonne stand an der Seit,
Sie hörte die Rede (рыцаря-жениха у воротъ mit Freud,
Den Habit liess sie fallen:
— Gute Nacht, ihr Schwestern alle.
Mit dem Ritter zieh ich fort.

Съ этимъ окончаніемъ можно сопоставить пѣсню изъ «Сборника русскихъ народныхъ пѣсенъ, собранныхъ М. Балакиревымъ» [2]).

Не спасибо тѣ, игумну тебѣ,
Не спасибо тѣ безсовѣстному,
Молодешеньку въ монашенки постригъ...
Не мое дѣло къ обѣднѣ ходить,
Не мое дѣло молебны слухать,
Что мое дѣло скакать да плясать;
Инъ я посохъ-отъ подъ лавку брошу,
Манатеичку на столъ положу,
Подари поди подруженьку мого,
Подари душу молоденькую [3]).

Въ пѣсняхъ, озаглавленныхъ Klosterleben, насильно постригаемая (отцомъ) или постриженная дѣвушка жалуется на свою горькую участь; ея жалобы иногда совпадаютъ съ жалобами царевны Ксеніи:

Es ist kein schwereres Leben,
Als in das Kloster gehn.

Молитвы, поклоны, одиночество, отсутствіе милаго—вотъ что представляетъ монашеская жизнь.

---

[1]) Стр. 18.
[2]) 1891, № 16.
[3]) Сравн. также игровую пѣсню въ сборникѣ Можаровскаго: «Святочн. пѣсни и гаданія Казан. г.» 1873, стр. 67, № 11.

Что пѣсни о постриженіи очень распространены у разныхъ народовъ, это можно было бы знать г. Перетцу хотя бы изъ сборника Pjesnički hornych a dolnych Lužizkich Serbow, wudate wot L. Hawpta a I. E. Smolerja, на который онъ ссылается на стр. 26. Въ примѣчаніи къ пѣснѣ L [1]) указанъ цѣлый рядъ нѣмецкихъ, голландскихъ, датскихъ и шведскихъ пѣсенъ о постриженіи [2]).

Въ сборникѣ пѣсенъ словинскихъ, на который у нашего автора есть ссылка на стр. 42, есть пѣсня Bogu zaručena [3]), содержаніемъ которой повидимому можно объяснить, почему именно мать настаиваетъ на постриженіи дочери:

— Moj lübi Bog predragi,
Kaj pa sem pregeršila,
Kam zütra dušo pistila?
— Ne si ti pregeršila,
Mati je pregeršila,
Kite je na svět rodila.
Kite je na svět rodila,
V minski klošter obecala...

Уже указано было, что 3 окна не составляютъ непремѣннаго аттрибута русскихъ пѣсенъ о постриженіи. Большая натяжка заключается въ сближеніи житія св. Варвары. «Въ житіи св. Варвара приказываетъ мастерамъ прорубить три окна въ строющемся зданіи и затѣмъ, объяснивъ въ честь кого она это сдѣлала, подвергается гоненію и казни, обнаруживъ свою истинную религію». Прежде всего необходимо было бы объяснить, въ какомъ зданіи были прорублены три окна; они явились не въ башнѣ, въ которой спасалась св. Варвара, а въ банѣ. Три окна въ житіи—въ честь св. Троицы. Значеніе же трехъ оконъ въ нашихъ пѣсняхъ совершенно иное. Если такъ, то общаго между житіемъ и пѣснями только внѣшняя черта 3 окна. Если же обратить вниманіе на то, что 3—число эпическое, что окна не играютъ существенной роли въ пѣсняхъ о постриженіи, что въ цѣломъ родѣ подобныхъ пѣсенъ они отсутствуютъ, что они являются притомъ въ разныхъ значеніяхъ, то мнѣ кажется, необходимо признать предположеніе (не выводъ) г. Перетца о связи житія съ пѣснями поспѣшнымъ и недоказаннымъ [4]).

Еще одно замѣчаніе по поводу перваго этюда. На стр. 17 книжки г. Перетца читаемъ: «Образъ заключенной дѣвушки, страдающей отъ своихъ родителей, въ частности отъ отца, перенесенъ былъ (т. е. изъ житія) со всѣми подробностями (??) въ пѣсню и примѣненъ къ невольно постриженной женѣ, точно также какъ пѣсни купальскія, повѣствующія о гибели (?) дѣвушки, послужили основаніемъ пѣсни о царевнѣ Ксеніи Годуновой». Засимъ слѣдуетъ ссылка на «Историческія Очерки» Ѳ. И. Буслаева. Тутъ положительное недоразумѣніе. Ѳ. И. Буслаевъ указываетъ на связь пѣсенъ свадебныхъ съ пѣснью царевны Ксеніи. Миѳическая гибель дѣвушки явилась вслѣдствіе непониманія слѣдующаго мѣста у П. А. Безсонова [5]): «Плачъ Ксеніи по мотивамъ и складу близко сходится съ Купальниками, пѣснями о роковой потерѣ дѣвичьяго вѣнца и счастья подъ наитіемъ Купалы въ Купальскую ночь».

---

[1]) I, стр. 347—348.

[2]) Срвн. также 52 стр. II тома этого изданія: Próznicki serskeho ludu we górejcnych a dolojcnych Lužycach, Grymo. 1843. О не русскихъ пѣсняхъ о постриженіи см. появившуюся позже книги г. Перетца, статью К. Уленбека «Нидерландскія народныя пѣсни»— Живая Старина. 1893, кн. II, стр. 187—190.

[3]) Narodne pesni Ilirske. 1839, I, 63.

[4]) Почему трудно исходить изъ признаковъ, подобныхъ 3 окнамъ, ясно изъ замѣчанія Гильфердинга о мѣстахъ типическихъ и переходныхъ («Онежскія былины», стр. XXVII) и Ровинскаго объ общихъ мѣстахъ въ былинахъ и сказкахъ («Народныя картинки,» V, 103).

[5]) Пѣсни Кирѣевскаго, приложеніе къ вып. VII, стр. 61.

Не задаваясь широкими обобщеніями, важнѣе было бы прослѣдить историческія пѣсни о постриженіи, указать ихъ поэтическія черты, историческую основу и перейти наконецъ къ пѣснямъ болѣе новаго типа, гдѣ постриженіе является уже какъ бы пережиткомъ, отзвукомъ далекаго прошлаго [1]).

Что касается пѣсни о постриженіи дочери матерью [2]), записанной г. Перетцемъ, то вопреки увѣреніямъ нашего автора, она извѣстна въ печати. Не говоря уже объ отрывкѣ ея, находящемся въ «Онежскихъ былинахъ» А. О. Гильфердинга, на что есть указаніе и у Перетца, лучшій варіантъ этой пѣсни, чисто народнаго склада, записанъ въ Терской области. Вотъ его начало:

Да три года дѣвушка
Церковь строила...
Четвертый годъ дѣвушка
Богу молилась...
Какъ батюшкины грѣхи
Всѣ отмолила...
А матушкины грѣхи
Ихъ не отмолила...

— Поѣхалъ мой папенька
За царскимъ сыномъ...
Сударыня-матушка
За игумномъ-попомъ.
Хочетъ меня батюшка
Замужъ отдати...
Сударыня-матушка
Въ черницы постричь... [3])

Мотивъ постриженія за грѣхи матери тотъ же, что и въ приведенной выше словинской пѣснѣ.

Нелишнимъ будетъ также отмѣтить, что по вызову академика Пекарскаго, заинтересовавшагося дѣломъ канонира Носова, А. В. Подсоловъ (изъ Арзамаса) сообщилъ еще одинъ варіантъ пѣсни о царицѣ Евдокіи, впрочемъ, безъ имени послѣдней. Въ этой пѣснѣ говорится, что келейка поставлена

На Суздальской славной дороженькѣ [4]).

Какъ въ первомъ этюдѣ руководителемъ г. Перетца былъ г. Безсоновъ, такъ во второмъ—Потебня Это отразилось и на матеріалѣ изслѣдованія: въ первомъ случаѣ Перетцъ не знаетъ иностранныхъ параллелей для пѣсенъ о постриженіи. Само собой естественно, что Потебня, обстоятельнымъ образомъ знакомый съ разнообразными сборниками пѣсенъ, доставилъ и г. Перетцу возможность имѣть для наблюденій матеріалъ болѣе обильный и разнообразный. Подчеркнуть эту зависимость г. Перетца отъ его предшественниковъ я считаю необходимымъ, потому что читатель, который не найдетъ нужнымъ сравнивать его книжку съ трудами предшествующими, не будетъ въ состояніи ясно представить себѣ самостоятельность наблюденій автора, въ особенности въ виду его предисловія. Безъ

[1]) Изъ такихъ пѣсенъ, сдѣлавшихся уже игровыми, назову указанныя выше изъ сборниковъ Балакирева, Можаровскаго, также № 29 «Крестьян. пѣс. въ с. Никольскомъ, Уфим. г., Пальчикова», пѣсню въ сообщеніи М. И. Семевскаго. «Торопецъ въ 1016—1863» (Зап. И. Рус Геогр. Общ. 1864 г., кн. II, 134); послѣдняя представляетъ уже полное искаженіе. Срвн. также пѣсни въ «Матер. по этногр. Вологодской губ.» Н. А. Иваницкаго. (Изв. Общ. Люб. естест., антр. и этногр «, т. LXIX, стр. 232, 701), въ ст. Е. Передѣльскаго (Сборн. матер. для опис. Кавказа» т. III, отд. II, стр. 39, 84.

[2]) Стр. 17 - 18.

[3]) Е. Бутова. Станица Бороздинская въ Терской обл. «Сборн. матер. для изуч. Кавказа», в. VI, отд. I, 105—108. Также извѣстна и другая пѣсня о добровольномъ постриженіи, записанная г. Перетцемъ (стр. 16). См. Ю. Н. Мельгуновъ. Русскія пѣсни, вып. I. М 1879, № 21 и «Вологодскій Сбор.», т. IV. 1885. стр. 121—122.

[4]) Пекарскій. О пѣснѣ, сложенной на постриженіе царицы Евдокіи. Зап. И. Академіи Наукъ, т. V, кн. II, 203—207. Извѣстно что несчастная царица была пострижена въ Суздальскомъ монастырѣ. Въ пѣснѣ, которую пѣлъ и за которую пострадалъ въ 1729 канониръ Носовъ нѣтъ имени Евдокіи, хотя въ это время она всѣми признавалась за пѣсню несчастной царицы.

оговорокъ авторъ дѣлаетъ ссылки прямо на источники, часто даже не провѣривъ ихъ. Такимъ образомъ онъ пользуется сборникомъ пѣсенъ, собранныхъ Костомаровымъ и Мордовцевой. Конечно, заглянуть въ самый сборникъ, который указанъ Безсоновымъ, г. Перетцъ, повидимому, не потрудился, почему дѣлаетъ невѣрную ссылку на него [1]), а между тѣмъ въ этомъ же сборникѣ, рядомъ съ цитируемой въ первомъ этюдѣ пѣсней о постриженіи, есть пѣсня о мужѣ-разбойникѣ, которая пригодилась бы автору для его третьяго этюда. Во второмъ этюдѣ ссылки на Ербена и Челяковскаго взяты у Сушила (Moravské národni pisně, 1860); вотъ посему ссылки на 1-е изданіе Ербена, причемъ ссылка въ примѣчаніи 6-мъ на стр. 25 невѣрна (какъ и у Сушила): вмѣсто I, 172 нужно I, 186 (№ 137). Впрочемъ, сборникомъ Сушила, независимо отъ ссылокъ на него другихъ, авторъ пользовался внимательно. Вслѣдствіе опечатки въ сборникѣ Гаупта и Смолера, откуда черпаетъ свои свѣдѣнія г. Перетцъ, взявши первое указаніе на этотъ сборникъ у Потебни, [2]) невѣрна ссылка на сборникъ Корытка (не I, 30, а I, 79) [3]). Всѣ ссылки на литовскія пѣсни у Nesselmann'a, въ рѣдкомъ сборникѣ Бржозовскаго, на Юцевича (Ludvika z Pokiewia) взяты у Кольберга: Pieśni ludu litewskiego; въ послѣднемъ изъ трехъ случаевъ, когда пользуется Кольбергомъ г. Перетцъ, знаменитый польскій этнографъ даже не упомянутъ. [4]) Обиліе ссылокъ на разнообразные сборники и труды можетъ удивить читателя; но на самомъ дѣлѣ, большая часть указаній и сопоставленій сдѣлана уже предшественниками г. Перетца. Жаль, что нашъ авторъ не указывалъ каждый разъ, гдѣ было простое заимствованіе; такъ напримѣръ, все примѣчаніе 3 на страницѣ 22, вмѣстѣ съ ссылками на Миклошича и Маценауэра, принадлежитъ дословно Потебнѣ. У Перетца есть ссылка и на Потебню, но въ концѣ его примѣчанія, послѣ указаній на Миклошича, такъ что, судя по этой ссылкѣ, на долю Потебни остается только одно замѣчаніе. Любопытно также, что во второмъ этюдѣ прямо сдѣлана ссылка на Головацкаго [5]):—такъ ссылался Потебня въ своихъ «Объясненіяхъ малорусскихъ и сродныхъ пѣсенъ», а въ третьемъ этюдѣ на «Чтенія въ Общ. Ист. и древностей» [6]). Послѣднее обстоятельство несомнѣнно зависитъ отъ того, что на «Чтенія» ссылались гг. Антоновичъ и Драгомановъ, откуда взята эта ссылка. Только въ одномъ случаѣ [7]) г. Перетцъ сознался, что цитируетъ сборникъ Зѣньковича по Антоновичу и Драгоманову, заставляя такимъ образомъ предполагать, что остальныя цитаты его предшественниковъ, по крайней мѣрѣ, имъ провѣрены...

Во второмъ этюдѣ авторъ разсматриваетъ пѣсни о гибели дѣвушки въ день свадьбы. Прежде всего приводится записанная имъ въ Новгородской губ. пѣсня «Казакъ ходилъ по Дону». Ея содержаніе: Молодецъ спрашиваетъ дѣвушку, отчего она плачетъ.—Въ дѣтствѣ, ей предсказала цыганка, что она потонетъ въ день свадьбы.

---

[1]) Стр. 11.

[2]) Объясненія малорусскихъ и сродныхъ пѣсенъ. Рус. Филолог. Вѣстн. 1882 т. VIII, стр. 223.

[3]) Вообще сборникомъ Корытког. Перетцъ пользовался только по изложенію у Гаупта и Смолера. Отсюда не точный пересказъ. «Танцуя съ нимъ (водянымъ) она проситъ его не кружить ее такъ сильно, но онъ не слушаетъ ея просьбъ, и вотъ она замѣчаетъ, что онъ—водяной» (стр. 28). Но вотъ текстъ этой пѣсни:

Представленіе о плясунѣ—діаволѣ, могущемъ заплѣсать 8о смерти дѣвушку, встрѣчается въ польской сказкѣ «Djabli tanek» (Эрбенъ. Сто славянск. сказокъ, № 40).

Mizika she gre plésat s njim,
On ji stiska roké mozhnò·
Mizika tako pravi, govori:
«Ne stiskaj mi rok tak mozhnó».

On jo stiska zhe dalje bolj,
De ji's sa nohtov kri kaplјá.
Mizika savpije pгemozhno:
«Po-mè je prishel povodnji mósh».

[4]) Стр. 34, примѣчаніе.

[5]) Стр. 25.

[6]) Стр. 44.

[7]) Стр. 38.

— Не плачь, моя милая,
Я построю мость,
Мость чугунный, длинной—
На тысячу версть.
Къ вѣнцу съ тобой поѣдемъ—
Я тѣ коней дамъ:
Впередъ то будетъ двѣсти,
А сто по бокамъ.

Вдругъ поѣздъ скрянулся,
Всѣ конюхи въ рядъ,
Чугунныя плиты
Стучатъ и гремятъ.
Вдругъ конь-то съ подъ невѣсты
Споткнулся, упалъ;
Донъ принялъ невѣсту...

Замѣчаніе автора, что пѣсня эта неизвѣстна по другимъ сборникамъ, положительно невѣрно. Кромѣ сборника Магницкаго (почему указаніе на варіантъ этого сборника попало только въ примѣчаніе?), находимъ 2 варіанта въ сборникѣ архангельскихъ пѣсенъ Ефименко [1]), одинъ варіантъ въ сборникѣ новгородскихъ пѣсенъ г. Студитскаго [2]) и варіантъ въ сборникѣ Е. Передѣльскаго [3]). Вообще, по моему мнѣнію, знакомство г. Перетца даже со сборниками великорусскихъ пѣсенъ довольно слабо. А между тѣмъ онъ нисколько не смущается высказать огульное обвиненіе такого рода: «Это обстоятельство (не нахожденіе нашей пѣсни) вѣроятно объясняется стремленіемъ нашихъ собрателей записывать пѣсни исключительно старинныя; пѣсни же, мало-мальски носящія книжный, литературный оттѣнокъ, хотя бы по языку, совершенно (??) игнорируются ими» [4]). Нѣтъ, это обстоятельство объясняется гораздо проще. При незначительной начитанности и маломъ знакомствѣ со сборниками пѣсенъ авторъ рѣшается громить всѣхъ собирателей пѣсенъ, иногда даже не досказывая и такимъ образомъ искажая чужія мысли. «Иные изъ собирателей, говоритъ онъ, даже высказываютъ мысль, что вовсе не стоитъ, не къ чему записывать современныя пѣсни (какъ напримѣръ г. Лопатинъ въ предисловіи къ своему сборнику)» [5]). Г. Лопатинъ предостерегаетъ начинающихъ собирателей отъ записыванія всего, что ни поется, рекомендуя критическое отношеніе и къ пѣснѣ, и къ пѣвцамъ. Указывая, какъ мало народнаго, и много наноснаго элемента, въ пѣсняхъ новой формаціи г. Лопатинъ говоритъ: «Въ большинствѣ случаевъ въ новомодныхъ пѣсняхъ лежитъ печать арфистокъ, шарманокъ, городскихъ трактировъ, именно всего того, что не имѣетъ ничего общаго съ нравами и бытомъ русскаго народа, коего жизнь совершается въ деревнѣ... Тратить силы и терять время на сохраненіе этихъ новомодныхъ произведеній, не только не стоящихъ вниманія, но часто и просто оскорбляющихъ художественное и даже нравственное чувство, не стоитъ собирателю, когда каждый годъ дорогъ въ интересахъ сохраненія древнихъ народныхъ памятниковъ истинно-народной поэзіи [6]). Если же пѣсни, въ родѣ:

«Вы сестрицы вы подружки,
Вы не дѣлайте того,
Не влюбляйтесь въ одного.
Моя тихая могила
Всю любовь погубила,
Всее дружбу развела.

Я по русски писать не умѣю.
По французски да напишу,
Напишу сестрицѣ я своимъ подружкамъ,
А свое подружкѣ словесно разскажу:
Ахъ въ кого я влюбилась,
Погубилася отъ кого».—

и любопытны, и достойны собиранія, наряду со сбирушками, вертушками и т. п., то записывать ихъ еще будетъ возможность, лишь были бы охотники.

---

[1]) Матеріалы по этногр. русск. населенія Арханг. губ. М. 1878, т. 11, 61, 130—131.
[2]) Народн. пѣсни, собран. въ Новгород. г. СПБ. 1874. Стр. 34—35, № 20.
[3]) Сборникъ матеріаловъ для описанія Кавказа. Т. III, отд. II, стр.
[4]) Стр. 21.
[5]) Стр. 21.
[6]) Предисловіе, стр. 10.

Записанную имъ пѣсню г. Перетцъ сопоставляетъ, пользуясь указаніями Потебни, съ пѣснями сербскою, болгарскою, лужицкою; далѣе, съ нѣмецкою (изъ сборника Кречмара), словинскою и передѣлкою нѣмецкой народной пѣсни у Гердера (по указаніямъ Гаупта и Смолера), съ литовскими пѣснями—по указаніямъ О. Кольберга. Самостоятельными сближеніями этой темы у автора слѣдуетъ признать указаніе на латышскую пѣсню изъ сборника Спрогиса и на нѣмецкую изъ сборника Миттлера.

Судя по нѣкоторымъ книжнымъ оборотамъ, чередующейся риѳмѣ, можно предположить, что записанная г. Перетцемъ пѣсня, подверглась значительному литературному вліянію.

Наиболѣе близкой къ этой пѣснѣ авторъ считаетъ пѣсню лужицкую. Въ ней отецъ рѣшилъ выдать замужъ дочь; на ея просьбы подождать еще годъ онъ не обращаетъ вниманія. И вотъ является водяной, идетъ въ ея комнату и «заставъ ее въ слезахъ, начинаетъ утѣшать и спрашиваетъ»:

«Pše čo ty plačeš, holečo,
Ty moja luba newesta?»
— Káda ja plakać nedyrbju,
Dyž šitky ludžo praja,
Ze sy ty wodnej žony syn.
«Nech woni pšeco praja,
Tola ci hinak nebudže...
Ja ’ču ci dać most twarići,
Wot lutoh’zlota sljebora.
Ja’ču ci daći pšez njon wesć
Ze tsicyćimi wozami
Ze štyrcicimi konjami».
— Da pǒl pam mosta nespšindže,
Da so most poča spadować.

Послѣ этого разсказывается, какъ бѣдная дѣвушка прижила водяному 8 сыновей, какъ отпрашивается у него домой; но за то, что она остается на обѣднѣ до благословенія, онъ на глазахъ матери убиваетъ ея дѣтей и самъ вѣшается на дверяхъ. Подобныя пѣсни есть у нѣмцевъ, словинцевъ. Въ одномъ датскомъ варіантѣ этой пѣсни, переведенномъ Гердеромъ, нѣтъ второй части этой пѣсни—возвращенія дѣвушки на землю и мести водяного. «Это обстоятельство—говоритъ авторъ—даетъ намъ нѣкоторое основаніе предположить, что русская пѣсня нашего собранія заимствована посредствомъ литературы съ Запада... Путь заимствованія представится намъ приблизительно слѣдующимъ: нѣмецкая народная пѣсня подверглась литературной обработкѣ у Гердера, который взялъ тему у народа, близкаго ему по національности; далѣе баллада могла быть перенесена на русскую почву въ переводѣ и, наконецъ, тѣмъ или инымъ путемъ проникнуть въ народъ. Здѣсь мы можемъ обратить вниманіе на круговое движеніе: тема, вышедшая изъ народа, черезъ поэта-романтика снова вернулась къ народу» [1]). Трудно согласиться съ г. Перетцемъ. Не противорѣчитъ ли его заключеніе о кругообращеніи темы тому положенію, что «поддѣльныя» [2]) народныя пѣсни мало прививаются въ народѣ и отличаются весьма малою въ немъ устойчивостью? Если допустить, что въ пѣснѣ русской отразилось вліяніе пѣсни нѣмецкой или славянской, то его можно объяснить и помимо Гердера. Чтобы принять предположеніе г. Перетца, необходимо немалое количество смѣлыхъ домысловъ. Нужно указать русскій переводъ баллады Гердера, способъ, какимъ онъ могъ попасть въ народъ (вмѣсто неяснаго «того или иного пути»), опредѣлить, что именно и почему вошло въ русскую пѣсню.

Необходимо вообще при изученіи пѣсенъ обращать вниманіе не только на черты сходства русскихъ пѣсенъ съ нѣмецкими, но и на черты ихъ различія. Въ основѣ этихъ пѣсенъ лежатъ два различные мотива: бракъ съ милымъ, но несчастный (въ русской пѣснѣ) и бракъ насильный—съ водянымъ (въ п. нѣмецкой, лужицкой и др.). Въ первомъ случаѣ дѣ-

---

[1]) Стр. 33.
[2]) Стр. 32: «Датская пѣсня, переведенная, вѣрнѣе сказать, передѣланная нѣмецкимъ поэтомъ Гердеромъ».

вушка не можетъ соединиться съ любимымъ человѣкомъ и погибаетъ, во второмъ принуждена жить съ чудовищемъ и подчиняться ему. Любопытно обратить вниманіе на роль отца и матери въ пѣсняхъ нерусскихъ. Бракъ съ водянымъ является какъ бы послѣдствіемъ отдѣлаться отъ дѣвушки, или же вслѣдствіе проклятія матери (какъ въ пѣснѣ словинской). Въ первой роли является мать въ свадебныхъ пѣсняхъ чешскихъ и русскихъ: сначала она успокаиваетъ дочь, находящуюся въ страхѣ предъ столь тяжелымъ переворотомъ въ ея жизни, потомъ, не принявши никакихъ предосторожностей при прибытіи жениха, выдаетъ ему дочь, такъ сказать, «головой».

Находящаяся въ сборникѣ Станка Враза словинская пѣсня «Dominkowa Ančika» [1]) совпадаетъ нѣкоторыми чертами съ пѣснями о водяномъ, говорящая о насильномъ бракѣ съ туркомъ. Мужъ не отпускаетъ жену къ матери, пока та не родила сына. Снова проситъ она о свиданіи съ матерью.

— Zdaj ne poideš k materi,
Spustiu te nebòm nič pred,
Da bo sin star sedem lét.
Saj še lepši vidit bo
Ko bo sinik šou z tabo.

Но проходитъ и 7 лѣтъ, и мужъ говоритъ:

— Morem ti povédati,
Vse tolažbe so zdaj preč,
Kez ne poideš nikdar več!
Ančika pade, omedli,
Dušo per ti prič pusti [2]).

Это сопоставленіе любопытно для сужденія о смѣшеніи сюжета чисто миѳическаго съ историческимъ.

Обращаясь къ русской пѣснѣ, разсмотримъ ея особенности и своеобразныя черты. Сопоставимъ начало пѣсни съ малорусской свадебной причетью:

По Дону гуляетъ
Казакъ молодой
Онъ на ворономъ конѣ
Въ сбруѣ златой.
Раскрасавица плачетъ
Надъ быстрой рѣкой.
— О чемъ, Маша, плачешь?
— О чемъ слезы льешь?
— Коня ли тебѣ жалко
— Али збруи золотой?
«Не жалко мнѣ збруи,
«Не жалѣю коня».
— Отца ли тебѣ жалко
— Али матери родной?
«Не жалко мнѣ матери,
«Не жалко отца».
— Братца ль тебѣ жалко,
— Аль сестеръ своихъ?
«Не жалко мнѣ братца,
«Не жалѣю сестеръ
«Растошнехонько жалко,
«Тебя молодца:
«Когда я молода—молодешенька,
«Ребеночкомъ была,
«Мнѣ бѣлая цыганка
«За ручку брала»... [3])

---

[1]) Narodni pěsmi Jlirske, skupio St. Vraz. I, 155 - 157.

[2]) Г. Перетцъ не остановился на нѣкоторыхъ варіантахъ пѣсни «Wassermann» въ цитируемомъ имъ сборникѣ Mittler'a (стр. 443), которые озаглавлены «Die schöne Hannale».

[3]) Ефименко, II, стр. 130—131.

А вотъ пѣсня малорусская [1]):

Війшла молода
Й в свій городчик,
Тай рве бервіночки
Собі на вінчик,
Та жалібненько плаче.
Віходе й до неі
Тай јеі ненько:
— Та чого, ти, сынку, плачеш:
Тай ци жаль тобі
Подвіря мого,
Ци мене старенького?
— Не жаль мені
Ні тебе старенького,
Але жаль мені
За косов росов [2]).

Судя по этому сопоставленію, начало пѣсни чисто народное; къ нему придѣланъ конецъ подъ вліяніемъ какого нибудь литературнаго образца, указать который я не могу.

Можно даже догадываться, гдѣ произошла спайка этихъ мотивовъ: народнаго и литературнаго. Въ варіантѣ Студитскаго читаемъ:

— Мнѣ жаль дружка милого,
Вспокинулъ меня.
Когда я безпечна
Малюткой была,
Тогда же цыганка
За ручку брала... [3])

Я бы не рѣшился на основаніи сближеній, приведенныхъ у г. Перетца, говорить о связи пѣсенъ русской и нѣмецкихъ и о вліяніи послѣднихъ на первую, главнымъ образомъ въ силу различія ихъ сюжетовъ.

Заканчивая разборъ второго этюда, я укажу на одну странность. Что вода символъ любви, мостъ—брака, это мнѣніе высказано давно. Вотъ почему неточно выраженіе: «Игра Мосты и пѣсни къ ней относящіяся еще болѣе подтверждаютъ высказанное нами мнѣніе» [4]). Странно также звучитъ подобная ссылка нашего автора: «Изслѣдуя аналитически рядъ пѣсенъ, мы убѣждаемся въ томъ, что общая схема ихъ слѣдующая: 1) образъ символъ, порою сравненіе, взятое изъ внѣшней природы и 2) объясненіе этого символа бытовыми чертами. Отсюда «зерномъ» пѣсни мы называемъ ту часть ея, изъ которой развивается дальнѣйшее повѣствованіе, т. е. образъ-символъ. Тоже А. Н. Веселовскій..., и подробнѣе наша статья въ журналѣ «Живая Старина» 1892, IV выпускъ [5])». Между тѣмъ въ замѣткѣ г. Перетца, на которую онъ въ данномъ мѣстѣ ссылается, о книгахъ гг. Желобовскаго, Скрынской и Весина—никакихъ дополненій къ замѣчанію А. Н. Веселовскаго нѣтъ.

Что касается третьяго этюда, касающагося пѣсенъ о мужѣ-разбойникѣ, то останавливаться на немъ я не буду. Укажу только, что вслѣдъ за г. Антоновичемъ и Драгомановымъ, нашъ авторъ приводитъ варіанты этой пѣсни изъ сборниковъ Безсонова, Зѣнькевича, Караджича, Жеготы Паули, Ст. Враза, Сумла, Головацкаго, Дешка, Кольберга, дополнивъ ихъ указаніемъ на варіанты сборниковъ Смирнова (рукописнаго), Гера-

---

1) Купчанко. Пѣсни буковин. нар. (Записки Юго-Зап. отд. Геогр. Общ. II, 476).
2) Ср. также Zienkiewicz. Piosenki gminne ludu pińskiego, Kowno, 1851, стр. 54.
3) Студитскій. Новгородскія пѣсни. Спб. 1874, стр. 34—35.
4) Стр. 25.
5) Стр. 6—7.

симова, Носовича, Чубинскаго и Варенцова.[1]) Изъ великорусскихъ пѣсенъ того же содержанія можно было бы указать на пѣсни, находящіяся въ сборникѣ Костомарова и Мордовцевой [2]), Пальчикова [3]), Халанскаго [4]), П. Шейна [5]), Е. Передѣльскаго [6]), П. Кириллова [7]), Н. Иваницкаго [8]) также на бѣлорусскіе варіанты въ сборникахъ Е. Карскаго [9]), Е. Романова [10]). Новыя сближенія, мнѣ кажется, могутъ поколебать сужденіе автора объ этой пѣснѣ. Онъ думаетъ, что «наша пѣсня скорѣе всего можетъ быть пріурочена къ югу (какому югу?); такъ можемъ мы предполагать на основаніи того, что на югѣ у словаковъ и (!) малороссовъ мы находимъ наиболѣе развитые и богатые содержаніемъ варіанты. Слѣдуя отсюда на сѣверъ—въ область, занятую великорусскимъ племенемъ, и далѣе (!) на югъ, къ сербамъ, мы замѣчаемъ, что тема теряетъ многія черты, изложеніе становится блѣднымъ и теряетъ жизненность и драматизмъ» [11]).

Впрочемъ, своимъ сужденіемъ авторъ дорожитъ мало. Онъ не прочь даже отъ предположенія, что наша пѣсня могла быть заимствована у нѣмцевъ [12]). Итакъ окончательнаго сужденія о ней у г. Перетца нѣтъ. Принимать же заимствованіе отъ словаковъ или нѣмцевъ нельзя впрочемъ ранѣе, чѣмъ по выраженному раньше требованію нашего автора не будетъ доказано, «что пѣсня не могла явиться самостоятельно у русскихъ» [13]). А то вѣдь можно впасть въ ошибку г. Жданова «утверждающаго, что пѣсни о злой свекрови заимствованы нами съ запада; точно нигдѣ кромѣ Запада не бываетъ разлада въ семьяхъ» [14]).

Заканчивая мой отзывъ о книжкѣ г. Перетца, я обобщу свои замѣчанія. Работа автора мало продумана. Во многихъ случаяхъ онъ былъ небреженъ въ пользованіи источниками, часто не провѣряя своихъ предшественниковъ и не особенно внимательно просматривая сборники; отсюда вполнѣ естественны пропуски того, что не указано другими. Къ сожалѣнію, ему остались неизвѣстны даже такіе сборники русскихъ пѣсенъ, какъ гг. Халанскаго, Ефименко, Студитскаго, Романова. Что касается методологическихъ пріемовъ автора, то, не смотря на нѣкоторыя вѣрныя по этому поводу замѣчанія въ предисловіи, они не выдерживаютъ критики. Установка такъ называемыхъ «родословныхъ» текстовъ дѣло очень трудное, и иной разъ лучше отъ нея отказаться, какъ и сдѣлалъ, повидимому, авторъ въ послѣднемъ своемъ этюдѣ. Имѣютъ значеніе записанныя авторомъ пѣсни: двѣ перваго мотива, двѣ втораго и одна третьяго. Имѣютъ также значеніе самостоятельныя сближенія автора. При всемъ томъ, признавая за авторомъ нѣкоторую начитанность по предмету, имъ избранному, я полагаю, что отношеніе его къ источникамъ должно было бы быть иное. Ссылки на Потебню, Антоновича и Драгоманова и другихъ у него есть, но онѣ должны быть болѣе опредѣленными, съ указаніемъ всякій

---

[1]) Неправъ поэтому нашъ авторъ, говоря (стр. 35): «Сравнительнымъ изученіемъ пѣсенъ этого рода никто до сихъ поръ не занимался, кромѣ гг. Антоновича и Драгоманова, давшихъ указанія на нѣкоторые варіанты данной темы, что и составляетъ главную цѣнность ихъ труда. Здѣсь сведены извѣстные этимъ ученымъ малорусскіе варіанты изъ печатныхъ сборниковъ Zieńkiewcza, Ż. Pauli и рукописнаго сборника г. Синицкаго». На самомъ дѣлѣ, указаній на варіанты въ трудѣ названныхъ ученыхъ гораздо больше.

[2]) Лѣтоп. рус. литер. и древн. IV, 64.

[3]) Пѣсни Уфимск. губ Спб. 1888, № 48.

[4]) Рус. Филолог. Вѣстн. 1883, т. X, стр. 173.

[5]) Рус. нар. былины. Чтенія въ Общ. Ист. и древн. 1859, кн. III, 154.

[6]) Стан. Темижбекская и пѣсни, поющіяся въ ней. «Сбор. мат. для опис. плем. и мѣстн. Кавказа». III, отд. II, стр. 78.

[7]) Сборн. матер. для опис. Кавказа, т. IV, отд. II, стр. 128.

[8]) Вологодскій Сборникъ, изд. подъ ред. Н. Поліевктова. Т. III. Вологда. 1883, стр. 328—329, №№ XVI и XVII.

[9]) Рус. Фил. Вѣстн. 1884, т. XII, стр. 126.

[10]) Бѣлорусскій сборникъ, в. 1 и 2. Кіевъ. 1885, стр. 105.

[11]) Стр. 46.

[12]) Ibid.

[13]) Стр. 6.

[14]) Ibid.—Отвѣтственность за эти слова всецѣло конечно падаетъ на г. Перетца.

разъ, гдѣ авторъ идетъ самостоятельнымъ путемъ и гдѣ пользуется только работой предшественниковъ. Равнымъ образомъ и согласіе съ мнѣніями установившимися должно быть выражаемо не въ той формѣ, какъ это принято г. Перетцемъ. Авторъ чувствуетъ большую слабость къ цитатамъ, нѣкоторыя изъ нихъ положительно излишни (напримѣръ ссылки на статью Адріанова—стр. 10, почти все примѣч. 3 на стр. 22). Я нахожу, что разобранная мною книжка была напечатана съ ничѣмъ не оправдываемою поспѣшностью. Воспользоваться большимъ количествомъ матеріала, указывать который не входило въ принятую мною задачу, было бы для автора необходимымъ. А для того, чтобы высказывать общія положенія, притомъ противорѣчащія установившимся, обязательно ихъ обосновать. На предисловіе къ книжкѣ мы привыкли смотрѣть какъ на общее сужденіе, вытекающе изъ изслѣдованій автора, и мы вправѣ пенять ему, что предисловіе не оправдывается содержаніемъ его работы.

Написать изслѣдованіе изъ области народной поэзіи и легко, и трудно. Легко—если воспользоваться только работами и сопоставленіями предшественниковъ, нѣсколько только развивъ ихъ сопоставленія и мысли; трудно—если авторъ поставитъ цѣлью продумать всѣ предшествующіе взгляды, дополнить и даже видоизмѣнить ихъ на основаніи матеріала, взятаго въ возможно болѣе широкомъ объемѣ. Если г. Перетцъ согласится со мною, что не все, что накопляется въ черновыхъ бумагахъ изслѣдователя достойно печати, то въ дальнѣйшихъ своихъ работахъ, опубликованіемъ которыхъ онъ спѣшить не будетъ, онъ можетъ дать намъ болѣе самостоятельную и болѣе соотвѣтствующую научнымъ требованіямъ работу.

Я подвергнулъ подробному разбору книгу г. Перетца, съ цѣлью указать на то скромное мѣсто, какое она занимаетъ въ ряду работъ по народной словесности. Притомъ я имѣлъ въ виду двѣ оцѣнки этой книги, данныя самимъ авторомъ ея. «Смѣемъ думать,—писалъ онъ первоначально,—что какъ бы ни были случайны указанія. собранныя нами, они не пройдутъ безъ пользы для сравнительнаго изученія исторіи народной поэзіи, тѣмъ болѣе, что здѣсь даны нами и новыя дополненія къ общеизвѣстному запасу фактовъ» [1]). Но позже, резюмируя одно свое сообщеніе въ «Письмѣ» на имя редактора «Новаго времени», г. Перетцъ заявляетъ: «У насъ много писано о народной пѣснѣ, но никто не рѣшился до сихъ поръ серіозно изучать ее, пользуясь правильнымъ научнымъ методомъ; не сдѣланъ у насъ анализъ ея какъ со стороны формы такъ и содержанія. Для исторіи пѣсни необходимо утвердить и прочно обосновать термины: старинная и новая пѣсня, и потому необходимо заняться изученіемъ пѣсенныхъ сборниковъ прошлаго вѣка... Въ заключеніе я указалъ на необходимость такого сравнительнаго анализа содержанія пѣсенъ, какой сдѣланъ былъ мною относительно трехъ пѣсенныхъ темъ въ моемъ изслѣдованіи: Современная русская народная пѣсня»... [2]) Какъ видно, тутъ дана уже совершенно иная оцѣнка. Она даже сильно меня смущаетъ. Если до сихъ поръ никто научно не изучалъ народной пѣсни, а г. Перетцъ показалъ, какъ слѣдуетъ изучать, анализировать ея содержаніе, то несомнѣнно авторъ полагаетъ въ этомъ изученіи новую эру, со времени выхода его брошуры. Но изслѣдованія Потебни, Веселовскаго, Антоновича?!... Или, быть можетъ, я не понимаю г. Перетца?

Аркадій Лященко.

---

[1]) Соврем. рус. нар. пѣсня. стр. 47.
[2]) Нов. Время. 1894, № 6513, отъ 16 апрѣля.

О трудахъ А. Н. Веселовскаго [1]).

Одна изъ главнѣйшихъ задачъ этнографіи—изученіе народнаго эпоса, народныхъ преданій, пѣсенъ и сказокъ. Эти памятники устной словесности представляютъ незамѣнимое пособіе для ознакомленія съ духовной культурой народа, съ запасомъ его повѣрій, историческихъ воспоминаній, поэтическихъ образовъ, накоплявшихся въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ.

Культура ново-европейскихъ народовъ, въ частности народа русскаго, развивалась подъ разнообразными вліяніями, складывалась изъ разновидныхъ элементовъ. Отзвуки отдаленной обще-арійской эпохи, особенности племенныхъ группъ, воздѣйствіе греко-римской образованности, культурныя теченія, приходившія съ Востока, все это, переплетаясь, входило въ жизнь европейскихъ народовъ и образовало ту пеструю смѣсь, остатки которой дошли до насъ въ видѣ этнографическаго матеріала, отыскиваемаго въ большемъ или меньшемъ обиліи во всѣхъ странахъ нашего культурнаго міра. Чтобы разобраться въ этомъ сложномъ матеріалѣ, чтобы опредѣлить значеніе его составныхъ частей, чтобы опредѣлить слои, накоплявшіеся въ области народнаго вѣрованія и народной поэзіи, нужны обширныя разысканія, основанныя на началахъ строгой исторической и филологической критики. Этнографія соприкасается въ этихъ розысканіяхъ съ исторіей литературы.

Въ нашей ученой литературѣ есть рядъ трудовъ, въ которыхъ памятники народно-поэтическаго преданія разсматриваются въ исключительно историко-критическомъ направленіи. Лучшіе и наиболѣе цѣнные изъ этихъ трудовъ принадлежатъ, безспорно, профессору С.-Петербургскаго университета Александру Николаевичу Веселовскому.

Лѣтопись учено-литературной дѣятельности почтеннаго профессора охватываетъ уже 35 лѣтъ.

Въ I томѣ «Лѣтописей русской литературы и древности», появившемся въ 1859 году, помѣщена была небольшая статья по поводу одного изъ выпусковъ Гауптова журнала: Zeitschrift für deutsches Alterthum (XI Bandes 2 Heft). Подъ статьею подписано было имя молодого автора, впервые выступавшаго въ ученой литературѣ: «А. Веселовскій». Въ упомянутой книжкѣ нѣмецкаго журнала помѣщены были: статья Ригера о Тацитовыхъ Ингевонахъ, Истевонахъ и Герминонахъ, статья В. Гримма объ испанскихъ сказкахъ и др. Въ разборѣ этихъ статей рецензентъ обнаруживалъ такое обширное знакомство съ литературой миѳологическихъ преданій и народныхъ сказокъ и такое умѣнье работать надъ народно-поэтическимъ матеріаломъ, которыя давали основаніе утверждать, что въ лицѣ г. Веселовскаго наша наука пріобрѣтала сильнаго дѣятеля, отъ котораго можно ожидать много цѣнныхъ и важныхъ работъ.

Эти ожиданія сбылись въ полной мѣрѣ. Доказательствомъ служитъ длинный списокъ учено-литературныхъ трудовъ Александра Николаевича. Пересматривая этотъ списокъ, поражаешься прежде всего разнообразіемъ и обширностью его научно-литературной дѣятельности. Начиная съ 1866 года не проходило ни одного года, въ теченіе котораго не

[1]) На основаніи этого отзыва, написаннаго по просьбѣ и порученію медальной Комисіи, А. Н. Веселовскому присуждена Отдѣленіемъ Этнографіи Имп. Русскаго Географическаго Общества Константиновская медаль.

появилось бы нѣсколько работъ г. Веселовскаго. Такая ученая плодовитость представляется тѣмъ болѣе примѣчательной, что въ числѣ этихъ быстро слѣдовавшихъ одинъ за другимъ трудовъ есть нѣсколько такихъ, изъ которыхъ каждый въ отдѣльности могъ бы доставить автору почетную извѣстность: «Вилла Альберти». «Сказанія о Соломонѣ и Морольфѣ», «Кіевскія былины», «Розысканія въ области русскаго духовнаго стиха», «Изъ исторіи романа и повѣсти» и др.

Проф. Буслаевъ, разбирая одну изъ названныхъ работъ,—именно книгу о Соломонѣ и Морольфѣ, называетъ ее «капитальнымъ пріобрѣтеніемъ нашей ученой литературы».—«Всматриваясь въ работы г. Веселовскаго,—писалъ въ 1877 г. покойный академикъ И. И. Срезневскій,—видимъ обширное знакомство съ первичными источниками, частію неизданными или же провѣренными имъ по рукописямъ, разнообразіе сравнительныхъ припоминаній, уясняющихъ сравниваемое, отчетливыя объясненія подробностей данными изъ словесности и языка и научную требовательность изслѣдователя, старающагося сдѣлать выводы, имъ достигаемые, достойными довѣрія самыхъ взыскательныхъ скептиковъ.—И не только въ особыхъ изслѣдованіяхъ, но и въ статьяхъ, написанныхъ по поводу появленія на свѣтъ разныхъ изданій, русскихъ и иностранныхъ, г. Веселовскій постоянно не только затрагивалъ, но и уяснялъ нѣкоторыя изъ задачъ средневѣковой и народной устной словесности».—Срезневскій заканчиваетъ оцѣнку трудовъ А. Н. Веселовскаго словами: «Въ русской научной литературѣ они не замѣнимы». (Сборникъ Отдѣленія Русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ. Т. XVIII, стр. LXIX—LXX).

Приведу еще одинъ отзывъ о трудахъ г. Веселовскаго,—отзывъ историка нашей этнографіи. Подробно разсмотрѣвъ дѣятельность нашего уважаемаго академика, А. Н. Пыпинъ приходитъ къ такому общему выводу.

«Чрезвычайно цѣннымъ качествомъ изслѣдованій г. Веселовскаго является вообще стараніе разъяснять историческій генезисъ преданія съ тѣхъ его формъ, какія только возможно услѣдить или предположить въ древнѣйшую пору, и съ тѣхъ сложныхъ и запутанныхъ развитій, какія испытало оно на пространствѣ стольких вѣковъ, подъ вліяніемъ стольких новыхъ условій народной жизни и народной мысли. Очевидно, что только въ этомъ видѣ и можетъ быть понято соотношеніе древняго преданія и его новѣйшихъ отголосковъ. Объ этомъ догадывались прежніе изслѣдователи, но рѣдко проводили мысль историческаго развитія въ самомъ анализѣ преданія: всего чаще, увлекаемые примѣромъ Гримма, а также не владѣвшіе на первое время достаточнымъ запасомъ сравнительнаго матеріала, они слишкомъ легко переходили отъ очень древняго къ очень новому и, вообще говоря, увидали въ современномъ народномъ міровоззрѣніи гораздо больше остатковъ первобытнаго язычества, чѣмъ было ихъ на самомъ дѣлѣ. Въ розысканіяхъ г. Веселовскаго, напротивъ, едва ли не гораздо сильнѣе и вліятельнѣе въ этомъ смыслѣ является эпоха «двоевѣрія», когда въ старое народное преданіе влился цѣлый потокъ новаго христіанскаго, и особливо популярно-христіанскаго и «отреченнаго» миѳа, который чѣмъ дальше, тѣмъ больше овладѣвалъ и народной вѣрой, и фантазіей. Трудамъ г. Веселовскаго въ особенности принадлежитъ заслуга разъясненія этой критической поры въ развитіи народнаго преданія: не только указано было въ нихъ обширное вліяніе популярныхъ христіанскихъ элементовъ на народное міровоззрѣніе; не только раскрыта была тѣсная связь послѣдняго съ средневѣковымъ двоевѣріемъ вообще, но, что̀ было въ особенности любопытно и исторически важно, сдѣланы намеки на такіе примѣры международнаго культурнаго взаимодѣйствія, о которыхъ не знаетъ писанная исторія, и которые заставляютъ угадывать цѣлую давнюю эпоху народной культурной жизни во времена почти до-историческія». (Исторія Русской Этнографіи. Т. II, стр. 281—282).

Наша Академія Наукъ давно оцѣнила ученыя заслуги проф. Веселовскаго. Въ 1877 году онъ избранъ былъ членомъ Отдѣленія Русскаго Языка и Словесности. Въ настоящее время г. Веселовскій имѣетъ званіе ординарнаго академика.

Богатство литературныхъ данныхъ, собранныхъ въ трудахъ нашего ученаго, талантливая и строго научная разработка этихъ данныхъ, доставили ему широкую извѣстность

и въ западномъ ученомъ мірѣ. Болонскій университетъ почтилъ его докторскимъ дипломомъ. Вѣнская Академія Наукъ избрала его своимъ членомъ-корреспондентомъ. Въ недавнее время русскій академикъ избранъ членомъ-корреспондентомъ Мюнхенской академіи наукъ. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что знакомство западныхъ ученыхъ съ трудами нашего академика облегчалось тѣмъ, что нѣкоторыя его изслѣдованія печатались въ изданіяхъ французскихъ, нѣмецкихъ, итальянскихъ (Romania, Archiv für Slavische Philologie, Russische Revue и др.). Раннія работы г. Веселовскаго написаны были по-итальянски (Novella della figlia del re di Dacia, 1866; Jl. Paradiso degli Arberti. Четыре тома. 1867—1869 г.).

Авторитетную оцѣнку, сдѣланную нѣсколькими учеными учрежденіями, я могу дополнить лишь бѣглымъ обзоромъ литературной дѣятельности А. Н. Веселовскаго.

Труды А. Н. Веселовскаго можно раздѣлить на три отдѣла.

I) Работы по исторіи западно-европейскихъ литературъ. Таковы упомянутыя уже изданія, появившіяся на итальянскомъ языкѣ. За ними идетъ рядъ изслѣдованій, принадлежащихъ русской ученой литературѣ: Данте и символическая поэзія католичества; Вилла Альберти. Новые матеріалы для характеристики литературнаго и общественнаго перелома въ итальянской жизни XIV—XV столѣтій; Джордано Бруно; Наблюденія надъ исторіей нѣкоторыхъ романическихъ сюжетовъ средневѣковой литературы; Раблэ и его романъ, Робертъ Гринъ и его послѣдователи и др. Въ недавнее время г. Веселовскій обогатилъ нашу литературу переводомъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ всемірной литературы, — Декамерона Боккачіо. Переводъ исполненъ съ рѣдкимъ искусствомъ. Дополненіемъ къ переводу служитъ обширное изслѣдованіе о жизни и литературной дѣятельности знаменитаго автора всемірно извѣстныхъ новеллъ: Боккачіо, его среда и сверстники. Вышла пока первая часть его труда. Одновременно съ Декамерономъ, г. Веселовскій напечаталъ другую переводную работу, переносящую насъ изъ Италіи XIV вѣка на другой край европейскаго міра,—въ Исландію XII вѣка. Работа эта: Вѣщаніе Вёльвы (Völuspa) и новѣйшая экзегеза». Здѣсь помѣщенъ русскій переводъ Волюспы, съ обширными примѣчаніями, которымъ приданъ видъ разбора книги Г. Мейера: Völuspa.

Едва ли нужно говорить, что для исполненія всѣхъ этихъ работъ требовалось глубокое знаніе языковъ и литературъ романскихъ и германскихъ народовъ. Для тѣхъ, кто интересуется преимущественно этнографическими вопросами, важно обратить вниманіе на связь этихъ историко-литературныхъ работъ г. Веселовскаго съ розысканіями въ области народно-поэтическихъ преданій. Такъ, названное уже «Вѣщаніе Вёльвы» переноситъ насъ въ самую глубь «двоевѣрія» или «полувѣрія», представляя яркій примѣръ сліянія христіанскихъ преданій съ незабытыми еще образами миѳологическаго эпоса.—Поэма Данте, о которой г. Веселовскій говорилъ въ одной изъ своихъ раннихъ статей, коренится, какъ извѣстно, на почвѣ христіанско-легендарныхъ представленій о загробной жизни,—представленій, накоплявшихся въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ. Разсмотрѣнію этихъ представленій посвящено нѣсколько работъ нашего ученаго: «Безразличные и обоюдные въ житіи Василія Новаго и народной эсхатологіи», «Видѣніе Григорія о послѣднихъ дняхъ», «Эпизоды о раѣ и адѣ въ писаніи Новгородскаго архіепископа Василія» и др.

II) Изданія и изслѣдованія памятниковъ старо-русской письменности: «Новыя отношенія Муромской легенды о Петрѣ и Февроніи и сага о Рагнарѣ Лодброкѣ»; «Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ»; «Отрывки Византійскаго эпоса въ Русскомъ»; «Повѣсть о Дигенисѣ»; «Повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ»; «Jtalienische Mysterien in einem russischen Reisebericht des XV Jahrhunderts»; «Слово о двѣнадцати снахъ Шахайши»; «Изъ исторіи романа и повѣсти» (два тома); очеркъ литературной исторіи старо-русскихъ повѣстей (въ «Исторіи русской словесности», Галахова, изд. 2-е. Не имѣя возможности говорить о всѣхъ этихъ трудахъ, остановлюсь лишь на двухъ изъ нихъ. Книгѣ о Соломонѣ г. Веселовскій далъ еще другое, болѣе общее заглавіе: «Изъ исторіи литературнаго общенія Востока и Запада». Это заглавіе даетъ указаніе на ту историко-литературную задачу, которую поставилъ себѣ авторъ. «Фактъ вліянія восточныхъ представленій на европейскую мысль, говоритъ нашъ ученый,

является общепризнаннымъ. Но для историка онъ остается все еще вопросомъ, пока не раскрыты точнѣе обстоятельства, при которыхъ совершилось это вліяніе, и не одна только возможность, но и пути перехода. На послѣднее требованіе отвѣчали различно: говорили о старыхъ торговыхъ связяхъ, о паломникахъ къ святымъ мѣстамъ Востока, приносившихъ къ намъ заморскія легенды и сказки; о столкновеніи Европы и Азіи въ пору крестовыхъ походовъ; объ испанскихъ арабахъ, вторгшихся клиномъ въ европейскую цивилизацію; наконецъ, о посредствѣ монголовъ... Вопросъ о вліяніи восточныхъ сказаній на повѣствовательную литературу Запада остается по прежнему въ такомъ положеніи: мы признаемъ, что общеніе между Востокомъ и Западомъ было, на это есть историческія данныя; намъ стали извѣстны ряды сказокъ, легендъ и эпическихъ мотивовъ, общихъ той и другой области—и мы заключаемъ, что они—результатъ того же историческаго общенія. Когда и гдѣ оно совершилось—это и есть искомое, которое все еще необходимо опредѣлить... Занятія въ области такъ называемыхъ странствующихъ повѣстей, должны привести къ убѣжденію, что прочные результаты могутъ быть получены здѣсь лишь въ томъ случаѣ, когда изученіе ограничится на первый разъ группой сказаній, гдѣ найдется такая посредствующая форма, облегчающая подлинность историческаго перехода, т. е. группой литературныхъ фактовъ. Литературное вліяніе Востока на Западъ, насколько оно засвидѣтельствовано памятниками, представляется мнѣ единственно существеннымъ—потому что оно и можетъ быть доказано, и должно было быть устойчивѣе. Разсказы паломниковъ и монголовъ-номадовъ мы должны принять на вѣру, тогда какъ не нужно особаго усилія мысли, чтобы понять, почему повѣсти изъ Панчатантры и Семи Мудрецовъ, такъ долго удержались въ народномъ сознаніи Запада. Мы знаемъ, хотя и въ общихъ чертахъ, литературную исторію этихъ сборниковъ, знаемъ, когда европейцы открыли ихъ впервые, какіе съ нихъ сдѣланы были переводы, познакомившіе западное общество съ сюжетами, которые до тѣхъ поръ были ему неизвѣстны. Эта точка зрѣнія на предметъ опредѣлила и выборъ моей темы: «Европейскія повѣсти о Соломонѣ».

Обширная ученость нашего автора дала ему возможность прослѣдить литературную исторію Соломоновой саги отъ ея древнѣйшихъ восточныхъ образцовъ до позднѣйшихъ европейскихъ переработокъ. Общій выводъ, къ которому приходитъ изслѣдователь, таковъ: «Основа этихъ неканоническихъ повѣстей обличаетъ происхожденіе съ дальняго востока: буддійскаго и иранскаго; но въ Европу они проникли уже съ именемъ Соломона, что указываетъ на посредство среды, оставившей на нихъ это библейское имя. Такимъ образомъ, одна посредствующая форма перехода достаточно выяснилась. На этой первой степени стоитъ талмудическая сага о Соломонѣ, перешедшая впослѣдствіи и къ мусульманамъ, и, можетъ быть, другое своеобразное видоизмѣненіе той же саги, которое я гадательно отнесъ на счетъ дуалистическихъ сектъ, проводившихъ въ средневѣковое христіанство религіозныя воззрѣнія и легенды арійскаго Востока. Въ той и другой редакціи, Соломоновская легенда проникла въ христіанскую Европу, вмѣстѣ съ другими статьями такого же двоевѣрнаго характера, и заняла здѣсь мѣсто въ ряду отреченныхъ книгъ. Это—третья ступень перехода. У насъ есть извѣстіе, что въ концѣ V-го вѣка, апокрифъ о Соломонѣ былъ знакомъ на Западѣ, и что противъ него тогда уже возставала римская церковь. Къ южнымъ славянамъ онъ принесенъ былъ, безъ сомнѣнія, изъ Византіи. Другія западныя свидѣтельства отъ X-го вѣка позволяютъ заключить, что уже въ эту пору западная рецензія отличалась особымъ характеромъ, напр., собственныхъ именъ, который потомъ упрочился за ней и составилъ ея отличіе отъ восточной, т. е. византійско-славянской.—Съ X-го вѣка или, вѣрнѣе, съ XI-го мы наблюдаемъ новое явленіе: апокрифическая повѣсть переходитъ въ народъ и народнѣетъ; она даетъ содержаніе повѣстямъ, романамъ и фабльо, и доходитъ до анекдота и прибаутки. Такъ было на Западѣ; но и въ восточной группѣ происходитъ подобное броженіе, хотя мы и не знаемъ, когда оно началось: отреченная статья разбилась на книжную повѣсть, русскую былину, на сербскія и русскія сказки. Это уже послѣдній періодъ развитія, въ которомъ мы довольно ясно продолжаемъ отличать двѣ группы: западную—латинскую и византійскую—славянскую. Обѣ они развиваются своеобразно, иногда далеко расходясь въ своихъ результатахъ, причемъ преимущество вымысла и поэзіи безспорно

принадлежитъ западу; иной разъ онѣ смѣшиваются: западныя повѣсти о Соломонѣ, въ своихъ народныхъ переработкахъ, проникли, можетъ быть, въ XVI и XVII вв., и въ Россію, такъ что позднѣйшія русскія сказанія могли отразить на себѣ слѣды двухъ разновременныхъ вліяній; надъ старой византійской легендой въ нихъ надслоились западные разсказы, юморъ которыхъ заслонилъ серьезное содержаніе ихъ далекаго отреченнаго подлинника» (стр. III—VI).

Трудъ свой по исторіи романа и повѣсти г. Веселовскій называетъ: «Матеріалы и изслѣдованія». Это заглавіе вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію книги. Здѣсь дѣйствительно находимъ цѣлый рядъ литературныхъ текстовъ, ранѣе не изданныхъ. Таковы: Διήγησις καὶ γέννησις καὶ ἡ ζωὴ τοῦ 'Αλεάνρου (по рукописи Вѣнской библіотеки), разсказъ о Таврѣ и Меніи въ древнеславянскомъ житіи св. Панкратія (по рукописи XIII—XIV вв.). Извлеченіе изъ греческаго житія того же святого (по рукописи синодальной библіотеки). Извлеченіе изъ греческаго же житія Ксантиппы, Поликсены и Ревекки (по рукописи синодальной библіотеки), Троянская притча (по рукописи Софійской библіотеки), Повѣсти о Тристанѣ, Бовѣ и Аттилѣ (по рукописи Познанской публичной библіотеки). Изученіе этихъ текстовъ дало возможность изслѣдователю освѣтить многіе темные отдѣлы литературной исторіи нашей старой повѣсти, вліяніе которой отразилось и на народной сказкѣ. Укажу для примѣра на повѣсть о Бовѣ, которая переработалась въ сказку, широко распространенную на Руси. Изслѣдованія г. Веселовскаго показали, что въ старо-русской письменности извѣстны были двѣ редакціи этой повѣсти. Одна изъ этихъ редакцій сохранилась въ бѣлорусскомъ сборникѣ XVI вѣка, принадлежащемъ Познанской библіотекѣ: другая версія извѣетна по нѣсколькимъ великорусссkимъ рукописямъ XVII—XVIII вв. Первая редакція не пользовалась, повидимому, большой распространенностью; вторая редакція пошла, напротивъ, «гулять по лицу русской земли», она живетъ и до сихъ поръ въ формѣ народной сказки. Общій источникъ и той и другой редакціи—сербская письменность, куда повѣсть о Бовѣ проникла изъ итальянской литературы. «Если бѣлорусско-сербскій Бова часто дословно переведенъ съ итальянскаго, извѣстнаго намъ текста, то великорусскій Бова Королевичъ, также перешедшій къ намъ черезъ сербскія руки, представляетъ отличія, не находящіяся ни въ одной итальянской версіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ не принадлежащія русской народной передѣлкѣ. Вѣроятно, не только переводили, но и усвояли, передѣлывая: на почвѣ этого сербскаго усвоенія и выросла наша русская сказка о Бовѣ» (стр. 100).

III) Изслѣдованія народныхъ повѣрій, преданій и пѣсенъ. Исходнымъ пунктомъ этихъ изслѣдованій служатъ обыкновенно данныя, отыскиваемыя въ русской литературѣ, но въ объясненіи этихъ данныхъ развертывается такое богатство сопоставленій, которое свидѣтельствуетъ о томъ, что изслѣдователь одинаково хорошо знакомъ съ нашей народной словесностью и съ народной поэзіей другихъ славянскихъ народовъ, съ средневѣковой литературой Запада и съ византійской письменностью; ему не осталась невѣдомой даже такая малоизвѣстная литература, какъ румынская.

Труды Александра Николаевича по народной словесности можно распредѣлить на три группы.

А) Изслѣдованія памятниковъ русскаго былевого эпоса. Сюда относятся:

аа) Собраніе статей, подъ заглавіемъ: «Кіевскія былины»,—обширный трудъ, въ которомъ разсмотрѣнъ цѣлый рядъ былевыхъ пѣсенъ. Укажу для примѣра на статью объ «Иванѣ гостинномъ сынѣ». Сдѣланное здѣсь сопоставленіе пѣсенъ объ этомъ Иванѣ съ греческой повѣстью о мудромъ старцѣ и съ старо-французскимъ романомъ объ Иракліи (Eracles), имѣетъ рѣшающее значеніе при опредѣленіи состава нашей былины. Указаніе г. Веселовскаго на связь этой былины съ греческой повѣстью, занесено Крумбахеромъ въ его Geschichte der byzantinischen Litteratur, какъ опредѣлено установленный литературный фактъ (стр. 402).

бб) Статьи объ отдѣльныхъ былинахъ: «Былина о Садкѣ», «Красавица въ теремѣ и русская былина о подсолнечномъ царствѣ», «Объ одномъ эпизодѣ въ былинѣ о Святогорѣ» и др. Въ первой изъ этихъ статей находимъ драгоцѣнное указаніе на

родственное нашей былинѣ сказаніе о Садкѣ (Sadoc), занесенное въ старо-французскій романъ о Тристанѣ (Tristan le Léonois). Статья о «Подсолнечномъ царствѣ» даетъ полное разъясненіе состава этой пѣсни, пріуроченной къ имени царя Ивана Васильевича. Умѣстно здѣсь же упомянуть, что преданія о царѣ Иванѣ Грозномъ служатъ предметомъ отдѣльной статьи г. Веселовскаго.

вв) «Мелкія замѣтки къ былинамъ», рядъ небольшихъ статей, помѣщаемыхъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія». Эти мелкія замѣтки имѣютъ однако крупное значеніе. Не перечисляя всѣхъ этихъ замѣтокъ, укажу лишь такія статьи, какъ «Финскіе варіанты былинъ объ Ильѣ Муромцѣ»; «Кто такой Бравлинъ въ житіи св. Стефана Сурожскаго»; «Былины о Ставрѣ Годиновичѣ и пѣсни о дѣвушкѣ воинѣ». Въ этихъ статьяхъ читатель найдетъ и новые литературные факты, и новыя догадки, открывающія просвѣты въ трудно доступные тайники нашего былевого эпоса.

Б) Розысканія, касающіяся народныхъ легендъ и духовныхъ стиховъ. Таковы «Опыты по исторіи развитія христіанской легенды», «Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха». Въ «Опытахъ» раскрывается литературная исторія такихъ распространенныхъ у насъ произведеній, какъ сказаніе о 12 пятницахъ, сонъ Богородицы, епистолія о недѣлѣ. Изъ ряда Разысканій о духовныхъ стихахъ укажу лишь нѣкоторыя, наиболѣе крупныя работы: «Св. Георгій въ легендѣ, пѣснѣ и обрядѣ», «Румынскія, славянскія и греческія коляды», «Генварскія русаліи и готскія игры въ Византіи», «Большой стихъ о Георгіи и сказка объ Ильѣ и Змѣѣ». Помимо цѣлаго содержанія, даже нѣкоторые отдѣлы этихъ разысканій имѣютъ самостоятельное и важное значеніе. Такъ въ статьѣ о колядахъ находимъ обширное изслѣдованіе о скоморохахъ, разъясняющее исторію старо-русскаго скоморошества въ связи съ подобными же явленіями на западѣ и въ Византіи.

В) Статьи о народныхъ вѣрованіяхъ и преданіяхъ. Остановлюсь для примѣра на двухъ статьяхъ: «Дуалистическія повѣрья о мірозданіи» и «Судьба-Доля въ народныхъ представленіяхъ славянъ». Важенъ обширный фактическій матеріалъ, собранный въ этихъ изслѣдованіяхъ; еще важнѣе нѣкоторыя общія соображенія и замѣчанія, касающіяся самаго метода изслѣдованія народно-поэтическаго матеріала. Въ первой изъ указанныхъ работъ авторъ касается важнаго и труднѣйшаго методологическаго вопроса,—вопроса о значеніи такъ называемыхъ «общихъ основъ» и «заимствованій» въ произведеніяхъ народнаго эпоса. «Разборъ легендъ о мірозданіи, говоритъ г. Веселовскій, важенъ мнѣ не только по своимъ результатамъ, еслибы они оказались заслуживающими вниманія, но и по отношенію къ нѣкоторымъ общимъ вопросамъ. Объясняя сходство миѳовъ, сказокъ, эпическихъ сюжетовъ у разныхъ народовъ, изслѣдователи расходятся обыкновенно по двумъ противоположнымъ направленіямъ: сходство либо объясняется изъ общихъ основъ, къ которымъ предположительно возводятся сходныя сказанія, либо гипотезой, что одно изъ нихъ заимствовало свое содержаніе изъ другого. Въ сущности, ни одна изъ этихъ теорій въ отдѣльности не приложима, да онѣ и мыслимы лишь совмѣстно, ибо заимствованіе предполагаетъ въ воспринимающемъ не пустое мѣсто, а встрѣчныя теченія, сходное направленіе мышленія, аналогическіе образы фантазіи. Теорія «заимствованія» вызываетъ, такимъ образомъ, теорію «основъ», и обратно; анализъ каждаго факта изъ области folklore'а долженъ одинаково обращаться на ту и другую сторону вопроса, въ виду возможности, что взаимное передвиженіе миѳа, сказки, пѣсни могло повторяться не однажды и всякій разъ при новыхъ условіяхъ, какъ усвояющей среды, такъ и усваиваемаго матеріала. Германскіе эпическіе мотивы легли въ основу французскихъ Chansons de geste и снова перешли черезъ Рейнъ—поэмами феодальнаго и рыцарскаго пошиба. Вмѣсто этой окраски я предполагаю христіанско-богомильскую въ тѣхъ легендахъ, которыя, направясь съ сѣвера на югъ, снова обратились на сѣверъ, совершивъ одно изъ тѣхъ круговращеній, которыхъ путь трудно услѣдить, но которыя изслѣдователь всегда обязанъ имѣть въ виду, какъ возможныя» (стр. 115—116).

Теоріи общихъ основъ и заимствованій не представляются, такимъ образомъ, исключающими одна другую; отыскивается нѣкоторая высшая точка зрѣнія съ болѣе широкимъ

кругозоромъ, примиряющая крайности одностороннихъ воззрѣній. Въ статьѣ о Долѣ изслѣдователь «пытается внести въ разнообразную смѣсь суевѣрій, выражающихъ понятіе судьбы, идею, историческаго генезиса». Эта идея генезиса даетъ новое освѣщеніе группѣ народно-поэтическихъ представленій, надъ которой работали ранѣе такіе изслѣдователи, какъ Аѳанасьевъ, Потебня, Краусъ.

Коснувшись методологическихъ замѣчаній нашего академика, отмѣчу кстати еще нѣсколько его работъ, интересныхъ по такимъ именно общимъ соображеніямъ и указаніямъ: «О методѣ и задачахъ исторіи литературы, какъ науки», «Сравнительная миѳологія и ея методъ», критическій отчетъ о «Трудахъ этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край», вступительныя главы сочиненія «Изъ исторіи романа и повѣсти».

Присужденіемъ академику Веселовскому высшей награды, медали имени Великаго Князя Константина Николаевича Императорское Русское Географическое Общество выразитъ справедливую признательность къ многолѣтней плодотворной дѣятельности ученаго изслѣдователя, труды котораго давно названы «незамѣнимыми». Труды эти навсегда останутся образцами строго-критическихъ разысканій въ области народовѣдѣнія и исторіи литературы. Русская наука можетъ гордиться богатымъ вкладомъ, который внесенъ уважаемымъ академикомъ въ сокровищницу не только русскаго, но и обще-европейскаго знанія.

И. Н. Ждановъ.

О трудахъ Е. Ѳ. Карскаго.

Литература русской исторической діалектологіи въ 1893 г. обогатилась обширнымъ трудомъ Е. Ѳ. Карскаго: «Къ исторіи звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи», Варшава, 1893 (313 стр.). Онъ содержитъ въ себѣ: 1) обильный матеріалъ, извлеченный изъ старыхъ западно-русскихъ текстовъ и 2) освѣщеніе данныхъ этихъ текстовъ данными современныхъ западно-русскихъ говоровъ. Тексты, которыми воспользовался авторъ: 1) рукописный Ветхій Завѣтъ въ западно-русскомъ переводѣ съ еврейскаго XVI вѣка Виленской Публичной Библіотеки; 2) рукописныя Аристотелевы Врата XVI вѣка той же библіотеки; 3) два рукописныхъ сборника XVI—XVII вв. той же библіотеки; 4) старо-печатный Литовскій Статутъ 1588 г.; 5) старо-печатное Евангеліе Тяпинскаго, второй половины XVI вѣка, и сверхъ того—по печатнымъ изданіямъ—документы разнаго рода XIII—XVI вѣковъ, Лѣтописецъ Переяславскій и др. Данныя, извлеченныя, изъ текстовъ авторомъ, относятся къ области фонетики и морфологіи; сверхъ того, имъ представлены небольшіе списки словъ, показавшихся ему наиболѣе интересными. Освѣщеніе стараго матеріала современными данными сопровождается у автора указаніями на архаичность или новизну явленій и изслѣдованіями историко-лингвистическаго характера. Цѣнность выводовъ не подлежитъ сомнѣнію и теперь едва ли уже можно будетъ спорить о взаимномъ отношеніи языка старыхъ западно-русскихъ текстовъ къ современному бѣлорусскому: такъ убѣдительно доказана авторомъ тѣсная генетическая связь между ними.

Настоящій трудъ Е. Ѳ. Карскаго—не единственный его трудъ, посвященный бѣлорусскому нарѣчію. Ему принадлежитъ другой довольно большой трудъ, первый опытъ научнаго изученія современныхъ бѣлорусскихъ говоровъ: «Обзоръ звуковъ и формъ бѣлорусской рѣчи». М., 1886 (169 стр.), основанный какъ на печатныхъ матеріалахъ, такъ и на собственныхъ наблюденіяхъ автора, природнаго бѣлорусса. Затѣмъ, имъ издано небольшое собраніе бѣлорусскихъ пѣсенъ, записанное имъ самимъ въ разныхъ мѣстностяхъ Бѣлоруссіи съ сохраненіемъ всѣхъ особенностей мѣстныхъ говоровъ (всего 82 №№. «Русскій Филологич. Вѣстникъ» 1884 г. № 3, 1885 г. № 2 1889 г. № 2). Наконецъ, ему принадлежатъ: статья «Два памятника стараго заподно-русскаго нарѣчія: Лютеранскій Катихизисъ 1562 г. и Католическій Катихизисъ 1588 г.» (Журн. М. Нар. Пр. 1893 г. № 9), и брошюра «Къ вопросу о разработкѣ стараго западнорусскаго нарѣчія» Библіографическій очеркъ», Вильна, 1893).

Въ виду обще-признаваемой цѣнности трудовъ Е. Ѳ. Карскаго по бѣлорусскому нарѣчію, энергіи и научныхъ познаній ихъ автора, мнѣ кажется, Отдѣленіе Этнографіи воздало бы ему должное, еслибы присудило ему большую золотую медаль Отдѣленія.

А. И. Соболевскій.

О переводѣ П. С. Попова.

СОЧИНЕНІЯ МЭНЪ-ГУ-Ю-МУ-ЦЗИ.

Въ новѣйшей ученой литературѣ Китая особеннаго вниманія заслуживаетъ сочиненіе Мэнъ-чу-ю-му-цзи, т. е. «Записки о монгольскихъ кочевьяхъ». Оно окончено въ 1859 г. и принадлежитъ кисти двухъ китайскихъ ученыхъ: Чжанъ-му и Хэ-пю-тао. Въ ихъ трудѣ собраны китайскія извѣстія о монголахъ, во всѣхъ отношеніяхъ: историческомъ, археологическомъ, этнографическомъ и статистическомъ; такимъ образомъ онъ представляетъ въ нѣкоторомъ родѣ китайскую энциклопедію о монголахъ. Значеніе «Записокъ» увеличивается еще тѣмъ, что онѣ являются единственнымъ сочиненіемъ подобнаго рода о монголахъ, а потому должны служить настольною книгою для всѣхъ, занимающихся судьбою этого народа. Для насъ же, русскихъ, подобное сочиненіе особенно важно, всѣ наши путешественники будутъ имъ руководствоваться, поэтому выдающіеся наши синологи, — академикъ Васильевъ и покойный архимандритъ Палладій,—давно уже высказывались о необходимости перевода этого сочиненія па русскій языкъ. Въ настоящее время эта задача исполнена. Генеральный консулъ и старшій драгоманъ при нашей дипломатической миссіи въ Пекинѣ, Павелъ Степановичъ Поповъ, извѣстный многими трудами о Китаѣ, особенно лексическими, перевелъ «Записки о монгольскихъ кочевьяхъ» на русскій языкъ и переводъ этотъ предоставилъ въ распоряженіе Отдѣленія Этнографіи. Переводчиковъ съ китайскаго у насъ немного, и мы должны ими дорожить. Въ данномъ же случаѣ мы имѣемъ дѣло съ большимъ трудомъ, какъ по объему, такъ и по исполненію. Ученое сочиненіе, какъ Мэнъ-гу-ю-му-цзи, нельзя переводить механически, пользуясь лишь знаніемъ китайскаго языка, нужно еще дѣлать разныя изысканія, наводить справки, т. е. производить работу невидную для читателя, но необходимую для правильнаго пониманія текста. При этомъ у переводчика составились разныя поясненія и замѣтки, которыми онъ обѣщаетъ подѣлиться въ будущемъ. Для правильнаго пониманія текста переводчикъ исправилъ собственныя имена въ китайской транскрипціи по монгольскому произношенію; жаль только, что не сохранена и китайская транскрипція, которая въ нѣкоторыхъ случаяхъ тоже имѣетъ значеніе.

Въ виду изложенныхъ соображеній, переводъ П. С. Попова «Записокъ о монгольскихъ кочевьяхъ» заслуживаетъ награжденія малою золотою медалью.

Н. И. Веселовскій.

Календарь и памятная книжка Вятской губерніи на 1894 годъ. Изданіе Губернскаго статистическаго комитета.

Книжка эта отличается обиліемъ статей, самыхъ разнообразныхъ по содержанію. Но составители книги, заботясь о количествѣ статей, вносили въ нее иногда статьи, совсѣмъ плохія и никому не нужныя, какъ напр. статьи вятскаго вице-губернатора В. А. Ратькова-Рожнова, снабженныя правда очень звучными заглавіями въ родѣ: Несчастный по недороду хлѣба 1891 годъ и важный по введенію въ губерніи института земскихъ начальниковъ; франко-русскія симпатіи 1893 г. и небывалый восторженный пріемъ нашихъ моряковъ во Франціи.

Во 2-мъ отдѣлѣ (Географія и народное хозяйство) отмѣтимъ двѣ статьи:

1) Краткое обозрѣніе Вятской губерніи за 1816 г. Здѣсь мы видимъ продолженіе статьи, помѣщенной въ календарѣ 1893 г.: Іоганна Фридриха Эрдмана путешествіе по Вятской губерніи лѣтомъ 1816 г. (переводъ съ нѣмецкаго).

2) Занятія женщины-крестьянки Сарапульскаго уѣзда.

Интереснѣе всего составленъ отдѣлъ 3-й, этнографическій, заключающій въ себѣ слѣдующія статьи:

1) Н. П. Штейнфельдъ. Малмыжскіе таборы, ихъ бытъ и современное положеніе.

2) И. Софійскій. О начальномъ образованіи у Вотяковъ и Татаръ Ярославской волости, Слободскаго уѣзда, Вятской губ., и о названіи «Татары».

3) Народныя пѣсни Вятской губерніи (Вятскаго, Орловскаго, Котельническаго, Яранскаго и Нолинскаго уѣздовъ), собранныя С. Скворцовой. Собраніе это не многочисленно, но разнообразно по характеру пѣсенъ. Собирательница старалась сохранять особенности мѣстнаго говора.

4) Н. М. Васнецовъ. Матеріалъ для объяснительнаго областнаго словаря Вятскаго говора. Продолженіе обширнаго труда недавно скончавшагося мѣстнаго дѣятеля. Здѣсь помѣщены слова на букву *з*· Нельзя не пожалѣть, что для работы Н. М Васнецова нашлось въ календарѣ 1894 года только 25 страницъ. Лучше было бы такую скупость выказать по отношенію къ статьямъ г. Ратькова-Рожнова.

Памятная книжка Курской губерніи на 1893 г. Изданіе Курскаго статистическаго комитета. Составлена секретаремъ комитета Т. І. Вержбицкимъ. Съ 7 видами Курска и 1 портретомъ.

Памятная книжка Курской губерніи на 1893 г. состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ: I—обычныя календарныя свѣдѣнія; II—матеріалъ для описанія Курской губерніи; III—статистическія свѣдѣнія о Курской губерніи за 1891 годъ; IV—адресъ-календарь. Скажемъ нѣсколько словъ о содержаніи II отдѣла. Здѣсь помѣщены слѣдующія статьи:

1) А. Гусаковскій. Страничка изъ исторіи Курской гимназіи. Здѣсь передъ нами очеркъ состоянія Курской гимназіи за 1835—42 гг., когда почетнымъ попечителемъ ея былъ П. А. Денисьевъ.

2) А. Танковъ. Александръ Михайловичъ Мизгеръ (1835—1891). Очеркъ жизни и дѣятельности курскаго естествоиспытателя и педагога.

3) Курское нарѣчіе. Краткій очеркъ особенностей курскаго нарѣчія съ приложеніемъ небольшого словарика мѣстныхъ характерныхъ словъ.

4) Описаніе Курскаго намѣстничества изъ древнихъ и новыхъ разныхъ о немъ извѣстій, вкратцѣ собранное Сергѣемъ Ларіоновымъ, того намѣстничества Верхней Расправы прокуроромъ. Перепечатка книги, изданной въ Москвѣ въ 1786 году.

ОТДѢЛЪ IV.

Смѣсь.

Пѣсни Рязанской губерніи.

1. Ни лятай ка, сизъ галубчикъ.

П'утру рана на зарѣ,
Ни садись ка, сизъ галубчикъ,
На мою красну акно̀,
Ни гуртуй ка, сизъ галубчикъ,
Добре́ жалка жалобно̀,
Мнѣ и такъ тошна,
Мнѣ и такъ грустна
Жить дявицы въ тиряму̀,
Ни пущають атецъ, мать
На юлицу пагулять
Съ рябятами паиграть:
Ты н'юмѣишь, разумѣишь
Маладцу на атвѣтъ дать.
Я умѣю, разумѣю,
Сказать миламу н'отвѣтъ:
Мы пайдемъ кась, милый мой,
На широкай на твой дворъ,
Ты вазьми кась, милый мой,
Свой танко̀й бѣло̀й шате́ръ,
Сваво во̀рана коня,
И чаркасская сядло;
Мы поѣдимъ, милый мой,
Ва чисто поля гулять,
Какъ мы станимъ, милый мой,
При дарожкѣ при бальшой,
Мы разстелимъ, милый мой,
Свой танко̀й, бѣло̀й шатеръ,
Ты лажись ка, милый мой,
Я въ галовки паищу
Русы кудри расчашу.
Стала дѣвица искать,
Сталъ малодчикъ засыпать.
Какъ ачнулся, милый мой,
Нѣтъ ни дѣвки, ни каня
Нѣтъ чаркасскяго сядла.

Ляпуновка 1889—91.

---

1. Нисиди дѣвка долга вечиромъ.

Ты ни жги свичу воска ярава,
Ты ни шей, дѣвка, Шимахальскій шолкъ;
Шимахальскій шолкъ съ кораблями шолъ,
Дорагъ купитца,—долга носитца.
Ты ни смѣйся мнѣ, добрый мо̀ладицъ,
Я сама, дѣвка, ни безродная,
У меня, дѣвки, есть атецъ и мать,
Есть два брата бальшѝхъ,

Двѣ сестры миньшѝхъ
Я вилю тибя паймать,
Въ чистомъ поли растирзать:
Я изъ рукъ, изъ ногъ скóмью сдѣлаю,
Я изъ тѣла твоего—пираговъ напику̀,
Я изъ крови твоей—пива наварю,
Я изъ мозга твоево—вина накурю,
Я изъ галавы твоей чару вытачу,
Зазаву я гастей—всю твою радню,
Пасажаю я ихъ на лавочку,
А сама сяду на скаменчку,
Загадаю я имъ три загадачки:
Па милóмъ та я сижу,
Милымъ говорю и пóтчую·
Какъ большая сястра дагадалася:
Я давно табѣ братицъ гаваривала:
Ни хади братицъ позна вечирамъ,
Потиряешь ты сваю буйну гóлаву.

Дер. Чернышевка Даньковск. уѣзда,
Мураевской волости 1885 г.

---

2. На зарѣ была на зóрюшки.

На васходы была кра̀сна солнушка,
У насъ сдѣлалась, братцы, нищастыица,
Бальшая, братцы, бизвримяныца.
Какъ жана-та мужа патѐрила,
Вострымъ ножичкамъ зарѣзала,
Вы халодный пóгрибъ бросила,
Дубавой доской прихопнула,
И правóй нагой притопнула,
А сама пашла вы горинку,
Сѣла подъ красную падъ акошичку,
Падъ хрустальную падъ стикóлицу.
Приходили къ ей два дѣваря:
Ты снаха, ли наша, нивѣстушка,
А и гдѣ жа нашъ бальшóй братъ?
Вы любезные диверечки маи,
Вашъ бальшóй братъ на охóтушки,
За куницами за лисицами,
За бѣлыми за зайцами,
Ты любезная наша нивѣстушка,
Ты скажи ка намъ, ни абманывай,
Съ чиво-жа у тибя, булатный ножъ въ крови?
Вы любезные диверечки маи,
Я сиза̀ голубя зарѣзала,
На нажу̀—та серца вынула.
На нажу серца стрепыхнулся,
А жана шельма ужахну̀лася.

Чернышевка 1885 г.

---

3. Раскухарочка мая,

Мая маладая,
Па садóчку гуляла,
Съ Дону вѣсху слышала:
Всѣмъ учебнымъ палка̀мъ,
Идетъ съ Дону смѣна;
А мому̀-та дружку
Смѣны нѣту.
Жалка; жалка мнѣ таво,
Кто бизъ смѣны служить!
Но жальчѣе мнѣ таво,
Да хто па комъ тужить,
Хто съ кѣмъ разстается:
Разставалась рыбица съ вадóю,
А дириненской мужичокъ
Съ маладóй жанóю.

Чернышевка 1885 г.

---

4. Пò палю па пòлю.

Пташичка лятала,
Думала гадàла,
Пра все размышляла;
Какъ въ Маскву праѣхать,
Въ кàминну прабратца,
Съ мйлымъ повидатца,
Вòвси ни разстатца;—
Степью ѣхать—грязна,
Полемъ ѣхать—пыльна,
Въ Москву ѣхать стыдна:
Москва изукрàшсна,
Улицы въ ей мятены,
Кàмушкамъ кладены,
Клали выкладали
Купцы, да боѝрья.

Чернышевка 1885 г.

---

5. На долинушкѣ выросталъ кустъ малѝнушки.

На куста сидить младъ соловьюшикъ
Онъ ни такъ-та сидить—громка свищить
Ва ниволюшки сидить добрый молодецъ,
Онъ ни такъ-та сидить—слеза плачить
Ужъ и кто жа миня васпаилъ, васкармилъ?
Васкармилъ та миня православный міръ,
Васпаила миня Волга рѣчинька,
Вы̀качала миня лехкая лòтачка.

Чернышевка 1885 г.

---

5. Далина, далинушка.

Далина зиленая,
Раздолья широкая;
Па этой далинушки
Гулялъ добрай моладецъ,
Малодчикъ малодинькій
Сабою хорошенькій,
Аликсѣй сударь Ивановичъ;
Связалъ сваю голаву
Шляпаю пуховаю,
Лентаю шелковаю.
Увидала иво матушка
Съ тирима високава,
Съ падворья широкова.
Дите ли мая дитятка,
Дите-ли мая милая,
Что-же, мая дитятка,
Ни весила ходишь,
Ни радашна гуляишь?
Радимая мая матушка,
Къ чаму-жъ быть виселому:—
Всѣ маи таварищи
Давно пажанились,
А я, добрай моладецъ,
Холастъ ни жанатъ хажу.
Жанѝ, мая дитятка,
Жаню, мая милая,
Вазьму, мая дитятка,
Княгиню, баярыню,
Масковску сударыню.—
Што Натальюшку
Свѣтъ Максимовну.

Грам. 1885—91 г.

---

6. Какъ на той гарѣ калина стаить.

Какъ на той горѣ калина стаить
Какъ на той калинѣ салавей сидить,
Онъ клюеть, клюеть горьку ягаду,
Горьку ягаду все калинушку,
Все калинушку, все малинушку.
Случилóся ѣхать Аликсѣю здѣсь;
Онъ махнулъ плеткаю шалковаю:
Палятн салавей къ малу тестю въ садъ,
Ты и сядь, салавей, сядь на ябланьку,
Ты на ябланьку на кудрявую,
Тываспой, салавей, жалку пѣсинку,
Штобъ нявѣста мая снаряжалася,
Снаряжалася и готовилась—
Чѣмъ паѣздъ дарить,—
Палатенцами шитыми браными,
Шитымъ браными пиряткаными,
А тибя, мой другъ, шалковымъ платкомъ
Шалкавымъ платкомъ, залатымъ кольцомъ.

Грам. 1885—91 г.

---

1. Ни взлѣтывай сакóликъ.

Ни возлетывай саколикъ
Висакимъ висóка,
Ни размахивай крылàми
Ширакимъ ширóка;
Какъ и нашей Прасковьюшки
Ей грустнымъ груснéнька:
Прасилась Прасковья у батюшки
Въ зѐлинъ садикъ пагулять:
Ие батюшка пущаить
Все наказываить:
Ни равно ли, Прасковьюшка,
Сóколъ птица налятить,
За сокаламъ за птицею
Павилъ сударь набѣжить?
Я умѣю, разумѣю,
Какъ мнѣ съ Павламъ гаварить:
При дорожкѣ при бальшой
Мы раскинимъ бѣлъ шатеръ,
Съ варанá каня сиделку
На калѣнки палажу,
Я бѣлóе палатеньце
На калѣнки пастялю:
Ляжь ка, ляжь ка Павилъ сударь,
Я въ галовки пагляжу
Русы кудри расчяшу.

Чернышевка 1885 г.

---

2. Лятѣли голуби чиризъ дворъ.

Лятѣли голуби чиризъ дворъ,
Били крыльями абъ тиремъ
Падали вѣсточку Прасковьюшки:
У Павла ва дворѣ стоить вóранъ конь.
Падъ кавромъ падъ чиркасскимъ подъ сядлóмъ.
У Павла батюшка выспрашиваить:
Куда жъ мая дититка сабралася?
Радимый мой батюшка, вы дароженьку;
Дай ты мнѣ батюшка пóмогу:
Сорокъ чилавѣкъ вирьховыхъ,
Двадцать чиловѣкъ пишкавыхъ,
А семь каретушекъ цугавыхъ.
Первая карета батюшки,
Другая карета матушки,
Остальныя—всиму поѣзду.

Чернышевка.

---

3. Ни виличка статить церковна.

Ни виличка статить цернавна—
Только вилики не пòзваны,
Ни виличка Прасковьюшка,
А вилики не пòхвалы:
Пахвалялася Прасковьюшка,
Шта ни взять жа, ни взяты Павлу
миня;
Я сижу та у батюшки,
У радимай сваѐй матушки,
Я и зà ста замкàми сижу,
Я за двѣсти старажами сижу,
А и Павилъ вазгаваравалъ:
Я замкѝ та мичòмъ пасабью̀,
За сибя Прасковьюшку вазьму

Чернышевка.

---

4. Чиризъ нашъ широкій дворъ.

Чиризъ нашъ широкій дворъ
Пралятатъ ясменъ сакòлъ,
Уранилъ свае пярò,
Съ сваво зòлата крылà
Батюшка увидалъ,
Сударь рòдный усматрѣлъ:
Прасковьюшка падыми,
Радимая сбирягѝ.
Мнѣ, батюшка, нѐкогда,
Сударь родный, нидасугъ:
Падъ акошичкамъ сижу,
Ва бисѣдушку спишу̀,
Ва таку̀ю ва бисѣду
Жанихòвъ вабирàть.
Вабирàла жаниха
Што и Павла маладца:
Павилъ, любчикъ мой,
Палюбился мнѣ разумъ твой,
Палюбился наказался
Весь абычай дарагòй.

Чернышевка.

---

1. Величальныя жениху и невѣстѣ.

Ужъ ты ютица,
Ютка сѣрая;
Златокрылая,
Шатра бѣлова,
Аликсѣива.
Какъ Ликсѣй сударь
Всяю̀ ночь ни спалъ,—
Все канѧ̀ сидлалъ
Са двара съѣждялъ;
Са двара, двара
Са широкава;
На вайну спишилъ
Вайну вàивать,
Горя гàривать,
Дѣвакъ вàбирать.
Ужъ онъ выбралъ сабѣ
Шта ни луччи всѣхъ,—
Маладу̀ жану,
Свѣтъ Натальюшку
Ты Наталья душа,
Маладиая жена,
Ни хади пишкомъ
Ты ко батюшки,
Къ родной матушки:
Запригу я тибѣ
Сани козыри
Сани козыри,
Ваиводыи.
На Ликсѣюшки
Кудри русыя
Па плечахъ лижàть,
Словно жаръ гарѧ̀ть.
Нихто къ кудрюшкамъ
Ни приступитца;
Приступилась къ кудрямъ
Свѣтъ Натальюшка,
Свѣтъ Натальюшка,
Маладая жана,
Брала кудрюшки
На билы̀ руки,
На билы̀ руки,
На златы̀ кòльца.

Деревня Гремячка Данковскаго у. Мураевской волости.

---

2. Саколъ Сакôлавичъ.

Сакôлъ Сакôлавичъ,
Микалай Тимафеевичъ,
Хадилъ па садику,
Гулялъ па зиленаму,
Искалъ сакôлушку
Нашôлъ лебедушку,
Лябедушку бѣлаю,
Акулину Васильвину.
Онъ и взялъ не за ручуньку,
Онъ павêлъ не па садику
Па зилену винаградику,
Онъ и сталъ у ней выспрашивать,
Изъ ума онъ сталъ вывѣдывать:
Ты скажи, скажи, Акулинушка,
Гдѣ же ты росла, гдѣ выросла?
Ты расла ли ва тиинных лисâхъ,
Ва тиинныхъ лѣсâхъ, въ красныхъ винацьяхъ?
Ты глупôй, Миколай сударь,
Я росла та у батюшки,
У радимой свасй матушки.
Ва высокамъ ва терими,
За краснѣми за окôшками,
За хрустальными стякольцами.
Да чиво жа ты, Акулинушка,
Ты чаво жа пила, ѣла?
Я пила, ѣла медъ—сахаръ,
Я насила атласъ, бархатъ.

Гремячко 1885—91.

---

3. Какъ у бéрижка у кàмушка.

Какъ у бêрижка у кàмушка,
Какъ у ключушка, у гарючушка,
Вы калодизи халодная вада,
Вы ручêюшки текучая была,
Якавъ сударь паилъ вôрана каня,
Аграфена воду черьпала,
Пачирьпнула да наставила,
Сы Якавамъ разгаваривала,
Пра старонушку выспрашивала:
Хараша ль ваша старôнушка,
Висяла ль ваша деревнюшка?
Висяла наша диревнюшка,
Хараша наша старонушка,
Какъ на нашой на старонушки
Все сады стаять зиленыи,
Салавьи паютъ виселыи.

Грем. 1885—91.

---

4. Падъ ельничкамъ, ельничкамъ.

Падъ ельничкамъ, ельничкамъ,
Падъ частымъ бярезничкамъ,
Тамъ хадилъ табунъ каней,
Шолкамъ пирипутный,
Сирябромъ вазгнузданный.
Свѣтъ Натальюшка выхаживала,
Да таки рѣчи сгеваривала,
Ужъ и чьи жа эти коня—
Шолкамъ пирипутаны,
Сирябрôмъ возгнузданы?
Эти коники Ляксѣивы,
Што Ляксѣя свѣтъ Иванавича,
Ани рвутца мечутца,
Ка тестиву ка двару́
Ка тещину къ тиряму́.
У тестива у двара̀,
У тещина тирима̀
Прашли три рѣчуньки,
Да три быстрыихъ:
Перва рѣчка—вотачна,
Друга рѣчунька—настоичка
Третья рѣчунька—тякучая вода.

Грем. 1888—91 г.

---

1. Прилятал̀ъ сизо́й галубчикъ.

Прилятал̀ъ сизо́й галубчикъ
Са чисто́ва поля;
Пирядъ нимъ галубушка
Стала гуртаваты:
Свѣтъ ты мой, сизо́й галубчикъ,
Какъ мнѣ съ табой быти,
Куда жъ тибя дѣти,
Куда посадити?
Пасажу те, сизый голубь,
Ва сваю галу́бню,
Накармлю те, сизый голубь,
Ярай пашаницай,
Напаю-те, сизый голубь,
Ключаво́й вадицей

Прихадилъ Микита сударь
Изъ ино́й диревни,
Пирядъ нимъ та свѣтъ Анисья
Стала гаварити:
Другъ ты мой, Микита сударь,
Куда жъ тибя дѣти,
Куда посадити?
Пасажу тя Микитъ—сударь,
Ва сваю святлицу,
Накармлю те, Микитъ сударь,
Всякими закуски,
Напаю те, Микитъ сударь,
Всякими напитки.

1891 г.

---

2. Какъ вы поли, на палѐни.

Какъ вы поли, на палѐни,
На високамъ на кургани
Свяли святы лазо́рливы;
Па тѣмъ святáмъ Стяпанъ гулялъ,
Стяпанъ гулялъ, святы срывалъ,
Сарвалъ святокъ, завилъ вяно́къ,
Тавилши вѣнъ самъ заплакалъ.
Хто-жъ мой вянокъ носить будѐ,
Хто-жъ мине висялѝть будѐ?

Мая мамушка старешунька,
Сястричинька младешунька
Жаню, жаню мая дитятка,
Жаню, жаню мая милая,
Вазьму, вазьму хозяюшку,
Вазьму, вазьму младешуньку,
Ана жъ тибе висялить будѐ,
Ана жъ твой вѣкъ насить будѐ.

Ляпуновка 1889—91.

---

3. Какъ па садику, па садику.

Какъ па садику, па садику,
Пу садику винаградику,
Шъ хадила, тутъ вазгуливала
Маладая вотъ баярыня,
Шта и Марья свѣтъ Яфимовна;
Вдоль па ю́лицѣ мятелица мятеть,
За мятелицей Ягоръ сударь идеть,
За сабою варана каня видеть,
Енъ за павада шолко́вые,

За вядѝлы за сиребряныя,
Свѣтъ Марью́шка, сбиряги маво каня,
Яфимовна маво во́ронава.
Ужъ я похочу—я сбирягу коня,
Я ни по́хочу—ни сбирягу яво́,—
За твою ль грубу досадушку,
Шта ни хадишь, ни гуляишь, милъ, ка мнѣ,
Ни цалуишь, ни милу́ишь. милъ, мине.

Ляпуновка. 1889 - 91 г.

1. Рябина, рябинушка.

Рябина, рябинушка
Зиляна̀ заломлина,
Ва пучки повязана,
На три дарожки разбросана.
Какъ пярвая дарожунька
Калясами укàтана,
А другая дорожунька
Чаботàми убитая,
А трятья дарожунька
За калинкай хажана.
Да ктожъ у насъ съ калинкаю,
Да ктожъ у насъ съ малинкою?
Ягоръ сударь съ калинкаю,
Аленушка съ малинкаю.
Какъ прасилася Аленушка
У сваво у друга милава:
Ужъ ты другъ мой милой,
Серца мая, Ягоръ сударь,
Ты пусти мине на улицу
Ты пусти-кось на широкаю,
На мураву на зяленаю.
Я тогда те пущу
Когда семь сыновъ родишь,
А восьмую дачирю.
Я тогда ужъ стара буду
И пра улицу забуду:
За сибе снаху пущу,
За снохою дочирю,
А за дочирью сама пойду.

Орловка 1889—91.

---

2. Ляталъ сако̀лъ ва вышаньи.

Ляталъ сако̀лъ ва вышаньи
Ляталъ ясменъ въ зяленаемъ,
Пыкалъ сабѣ лябедушку,
Какъ снѣгъ яе бѣлешуньку,
Привелъ къ сваму ка батюшки,
Ка ро̀дной сваей матушки:
Ты сударь ты мой батюшка,
Радная мая матушка,
Мила-ли вамъ нявѣстушка
Люба-ли вамъ галубушка?
Дите ли мая дитятка,
Чадо̀ ты мая милая,
Была-бъ ана табѣ мила,
Была-бъ ана табѣ люба,
А намъ та, мая дитятка,
А намъ ана давно мила́.

Орловка 1889—91.

Наброски изъ міра народной педагогики.

Когда ребенокъ будетъ смыслить, то его начинаютъ гулить: а-гу! а-гу! и причмокиваютъ губами; когда дитя станетъ улыбаться, его вызываютъ къ тому и мимикой и приговоромъ: улыбушки! потомъ просятъ: ручки, ручки! учатъ махать и разводить руками:

Сова летитъ,
Сова летитъ (скороговоркою и машутъ кистями рукъ).
Лунь плыветъ,
Лунь плыветъ (медленно и въ тактъ разводятъ руками).

Какъ скоро у ребенка появляется движеніе въ рукахъ, ему преподаютъ игру Сорока, заключающуюся въ томъ, что указательнымъ пальцемъ правой руки малютки водятъ по ладони лѣвой подъ речитативъ:

Сорока, сорока [1])
Кашу варила,
Гостей манила;
На порогъ поскакивала,
Гостей посматривала.
Гости на дворъ—
Каша на столъ.

Затѣмъ пальцы лѣвой руки—воображаемые гости—перебираются указательнымъ правой: «этому дала, этому дала» и т. д. Когда дѣло доходитъ до мезинца, то онъ оказывается обдѣленнымъ, такъ какъ:

Этому не досталось:
Онъ маленекъ,
Онъ коротенекъ,
По воду не ходитъ,
Онъ дрова не рубитъ.

и сорока: «шу! улетѣла, на головушку сѣла», поднимаютъ обѣ руки на голову подневольнаго лицедѣя.

Къ этому же возрасту относятся игры: «Ладки», «Коза», «Тутушки».

Ладки. Ладонями забавляемаго слегка ударяютъ одна о другую, подпѣвая въ тактъ:

Ладки, ладки!
Гдѣ были?
— У бабки.
Чево пили?
— Бражку.
Чево ѣли?
— Кашку.
Кашку ѣли
Съ сѣмячкомъ,
Погнали насъ
Вѣничкомъ.

---

[1]) Варіантъ: Сорока бѣлобока.

Козу, или—вѣрнѣе—рога козы изображають указательный палецъ и мезинцъ, а безъимянный и средній придерживаютъ большимъ, которая (коза) будто бы:

Коза идетъ,
Рога несетъ.
Кто молоко пьетъ,
Того рогомъ бьетъ.

И бодаютъ ребенка, вызывая смѣхъ [1]).

Прочія забавы, когда ребенокъ начинаетъ ползать и ходить, какъ-то: катаніе на ногахъ (сидящій человѣкъ ставитъ къ себѣ на лапы ногъ малютку, руки его беретъ въ свои и ногами приподнимаетъ послѣдняго), горшки (ношеніе на кордошкахъ), торѣй—совершенствуйся, практикуйся (легкое подергиваніе за волосы на вискахъ), чей носъ? (берутъ ребенка за носъ и спрашиваютъ: чей носъ? дабы получить отвѣтъ объ имени вопрошаемаго, или сознательномъ отвѣтѣ, напримѣръ—мой) не сложны и обходятся безъ припѣвовъ. Къ сожалѣнію, есть не мало забавъ—по простотѣ нравовъ,—грѣшащихъ противъ цензуры.

Даже купанье дѣтей происходитъ подъ приговоръ: Съ гуся вода, съ N худоба.

Подростая, дѣти находятся въ постоянномъ движеніи, но не окрѣпшіе члены слабы и они то и дѣло падаютъ и ушибаются; средствомъ къ успокоенію являются заговоры и отмщеніе: ушибленное мѣсто поглаживается и подувается подъ причитаніе:

У кошки боли,
У собаки боли,
У N заживи.

Предметъ, послужившій причиною ушиба или паденія, совѣтуютъ ребенку побить, плюнуть на него. (Сравн. при крещеніи: дунь, плюнь) [2]).

При дальнѣйшемъ развитіи дѣти усваиваютъ отъ дѣтей же постарше игры и пѣсенки, наичаще съ рѣзкими скачками съ предмета на предметъ, не относящимися одинъ къ другому и словами, не имѣющими никакого значенія. Можетъ быть, неизвѣстные, классическіе авторы ихъ имѣли здѣсь и свою цѣль—заставить поработать молодой мозгъ надъ сокровенностью неизвѣстнаго (изслѣдованіе неизвѣстнаго—въ натурѣ человѣка), разобраться въ таинственныхъ словахъ, смыслъ которыхъ, какъ и все въ открывающемся имъ жизненномъ пути, пока еще сокровененъ; словомъ, дать толчекъ къ развитію мышленія: какъ, кто, что, почему, отъ чего, что, кто это?

И вотъ, какъ бы для наглядности, что житейскій опытъ удовлетворяетъ потребности знающихъ какъ взяться за дѣло, прилагаютъ къ случаю пѣсенку.

Собралась группа дѣтей; одинъ изъ нихъ ѣстъ что-нибудь, у другихъ возникаетъ аппетитъ. Кто пошустрѣе, зажмурилъ глаза, протянулъ къ ядѣщему руку и проситъ:

Крива рука
Пить-ѣсть хочетъ.
Кто подастъ—
Золотой глазъ;
Кто не подастъ—
Коровій глазъ.

Кому же охота имѣть коровій глазъ—лучше подѣлиться.

Желательно поозорничать, но такъ, чтобы не было ни истцовъ, ни отвѣтчиковъ, ссылаться на невмѣняемость.

Зажмуритъ глаза и размахиваетъ палкою, предупреждая: на слѣпого не пенять.

Оказывается, что узнать долго ли до вечера совсѣмъ не трудно. Мальчуганъ беретъ длинную хворостину, толстымъ концомъ утверждаетъ ее на указательномъ пальцѣ, ставитъ отвѣсно и, лавируя, носитъ въ такомъ положеніи ту хворостину, вопрошая:

---

[1]) «Тутушки» помѣщены въ концѣ.
[2]) Пропущенное баюканье см. въ концѣ.

Калачина—малачина,
Долго ли до вечера?

доколѣ не сорвется и по продолжительности эволюцій отгадываетъ—долго, не долго.

Попалась бумажка, гвамотка—по деревенски и рѣзвый уже читаетъ:

Писано—переписано,
Послѣ Ивана Денисова.

Не попъ писалъ—Ермошка,
Коротенька ножка.

Духъ выше матеріи, поэтому знанію на извѣстный случай слова (въ шутку, гдѣ уже видѣнъ скептикъ—кочетиное слово) придается большое значеніе въ особенности съ ублаготвореніемъ, съ ссылкою на авторитетъ.

Заклинаніе дождя:

Дождичекъ, пуще!
Дамъ тебѣ гущи.

Если дождь не нуженъ, то поютъ:

А, дождичекъ, перестань!
Мы поѣдемъ въ Августаль—

Богу молиться,
Христу поклониться.

Игры даже и не дѣтскія часто кончаются ссорами, но ритмическое настроеніе еще не прошло и брань происходитъ пѣсенками, выбираемыми въ критику противника. Вотъ нѣсколько такихъ произведеній.

Рыжій краснаго спросилъ:
—Чѣмъ ты бороду красилъ?
Я не краской, не замазкой—
Такъ отъ Бога зарожденъ,
На постелю положенъ.

Тпру-нды, тпру-нды, мочала.
Куда Груня помчала?
—На лысы-то горы,
Тамъ стоятъ воры;
Воры шелудивы,
Плетутъ хомутины.
Ѣхалъ Гришка господинъ,
Таракашка раздавилъ,
Три алтына заплатилъ.

Чеботарь, мой чеботарь,
Мнѣ саб(п)ожки работай!

Иванъ—болванъ
Молоко болталъ,
Не выболталъ.

Микулушка, Миколай!
Сиди дома, не гуляй:
Твоя жена пышка,
На улицу вышла,
На камешекъ сѣла,
Три лягушки съѣла.

Но вся соль заключается въ руганьѣ женихами и невѣстами:

Тили, тили тилишокъ,
Иванушка-женишокъ!

Тили, тили тѣсто,
Машенька невѣста.

Эгоистическія наклонности тѣмъ болѣе присущи дѣтямъ и они даже укладываясь спать превозносятъ особенность своего положенія, лежащій съ краю говоритъ:

Съ краю—въ раю,
Медъ колупаю,

А находящійся въ серединѣ удостовѣряетъ, что—«въ середкахъ—въ золотыхъ пеленкахъ», или: «къ стѣнкѣ—въ золотой пенкѣ».

Вотъ нѣсколько пѣсенокъ, не имѣющихъ спеціальнаго назначенія.

1.

Заяцъ, мѣсяцъ
Сорвалъ травку,
Положилъ на лавку.
Кто взялъ—не взялъ—
Тотъ будь дуракъ!

2.

Пришла Митрева суббота,
Вамъ кутейникамъ забота:
На могилахъ бабы воятъ,
Кутейники блины ловятъ;
Черезъ семьдесятъ могилъ
Разорвали одинъ блинъ.

3.

Ужъ ты, Сёма, Симіёнъ,
Варилъ кашу съ имбиремъ.
Тетушка Арина
Кушала хвалила.

4.

Сидитъ воронъ на лугу,
Онъ играетъ во трубу.
Труба рѣденька,
Кольцо мѣдненько.
У царева кабака
Рыта яма глубока.
Тамъ мышки дрались;
Они съ рукъ сорвались.
Одна мышка околѣла,
Всему міру надоѣла.
Ѣхалъ Гришка господинъ,
Таракашка раздавилъ,
Восемь гривенъ заплатилъ.
Онъ по гробу катался,
За колъ, за землю хватался.
Жена мужа продала
Вотъ за зайца-бѣгуна,
За медвѣдя плясуна.
Медвѣдь пляшетъ безъ ума.
А татары то бѣгутъ,
Черны варишки несутъ.

5.

Тренька, тренька, балалайка!
Не моя жена Параньк̀а,
Моя Катенька,
Распузатенька.

6.

Андрей-воробей,
Не клюй конопель,
Поклюй песку,
Поточи носку...
—Чики-чики, воробей!
Что ты пива не варишь?
—Жена-курва не велитъ.
—Ты-бы ее тычкомъ.
—Она меня лычкомъ.
—Ты-бы ее топоромъ.
—Она меня помеломъ.

7.

Туру, туру, пастушокъ,
Калиновый падожокъ!
Гдѣ ты зиму зимовалъ?
—У царя въ Москвѣ,
Въ золотой тоскѣ.
—Что царь дѣлатъ?
—Туру ногу пишетъ,
На дѣвицу дышетъ.
Дѣвица, дѣвица!
Сходи по водицу.
—Я волка боюся.
—Волкъ-то на работѣ,
Сова на болотѣ.

8.

Овечушка ялова,
По рѣчушкѣ плавала,
Увидала дьявола.
Сидитъ дьяволъ на леду,
Онъ играетъ во трубу.—
Я у Бога сирота,
Отворяла ворота
Ключикомъ, замочкомъ,
Золотымъ платочкомъ.

1) «Тутушкать» подинимать ребенка на ладонѣ одной руки, придерживая за грудь другою; при чѣмъ припѣваютъ:

А ту-ту, ту-ту!
Не вари кашу круту,
Вари жиденьку,
Корми Митеньку.

или:

Тутушки, Макаръ!
Со подушки упалъ,
А дѣдушка увидалъ,
Макарушку поднималъ.

2) Баюкая дѣтей, припѣваютъ:

А спи, усни,
Угомонъ тебя возми!
У кота, кота
Колыбелька золота,
А у моей Шашеньки
Лучше есть.
Приди котикъ ночевать
Мою Шашеньку катать.

Зашт. г. Починки, Лукояновск. у.,
Нижегородской г.

Ив. Мамакинъ.

Любопытная Находка.

(*Рукописный сборникъ Кирши Данилова, принадлежавшій А. Ѳ. Малиновскому*).

Письмо къ Редактору

М. Г. Совершенно случайно удалось мнѣ сдѣлать небезинтересную находку изъ области нашей старинной народной поэзіи. Это полный списокъ съ нынѣ утраченной рукописи древнихъ россійскихъ стихотвореній Кирши Данилова. Исторія рукописи этихъ стихотвореній разсказана Калайдовичемъ въ предисловіи къ 2-му ихъ изданію 1818 года. Предисловіе это перепечатано 3-мъ изданіемъ коммиссіей печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ. По словамъ Калайдовича, рукопись была списана въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія для Прокофія Акинфіевича Демидова, отъ него перешла къ Н. М. Хозикову, а отъ этого къ Ѳ. П. Ключареву. Этотъ послѣдній поручилъ А. Ѳ. Якубовичу издать лучшія изъ находящихся въ рукописи стихотвореній. Изъ 71 стихотворенія было напечатано въ этомъ первомъ изданіи (1804 года) только 27. Въ 1816 году рукопись перешла въ собственность гр. Н. П. Румянцову, который приказалъ Калайдовичу издать её цѣликомъ. Изданіе это было исполнено въ 1818 году. Калайдовичъ говоритъ, что онъ исключилъ слѣдующіе 9 стихотвореній (ст. XVI предисловія), какъ неприличныя.

1. Сергѣй хорошъ	въ подлинникѣ послѣ	№ 6
2. Агаѳонушка	»	№ 25
3. Во зеленомъ садочкѣ	»	№ 52
4. Охъ горюна! охъ горю хмѣлина!	»	№ 56
5. Теща ты теща моя	»	№ 57
6. Свиньи хрю, поросята хрю	»	№ 59
7. Стать почитать, стать называть	»	№ 59
6. Изъ монастыря Боголюбова, старецъ Игрищище	»	№ 43
8. Голубиная книга сорока пяденъ	»	№ 55.

Кромѣ того Калайдовичъ говоритъ (II стр. предисловія), что рукопись оканчивается началомъ пѣсни о Стенькѣ Разинѣ. Начало это не внесено въ текстъ, а находится въ примѣчаніи къ указанному мѣсту предисловія. Редакція 3-го изданія въ своемъ предисловіи говоритъ, что изданіе перепечатано съ 2-го изданія, и что хотя Калайдовичъ и говоритъ, что рукопись сборника была собственностью гр. Н. П. Румянцова, но въ реэстрѣ рукописей его, поступившихъ въ Румянцевскій Музеумъ, она не значится.

Куда могла дѣваться эта рукопись? Я имѣю основанія предполагать, что найденная мною въ библіотекѣ кн. М. Р. Долгорукова рукопись едва ли не этотъ самый пропавшій подлинникъ.

Однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ гр. Н. П. Румянцова по разысканію и изданію памятниковъ нашей старины былъ А. Ѳ. Малиновскій, членъ Россійской Академіи и съ 1814 года редакторъ «Собранія грамотъ и договоровъ». Упомянутый выше кн. М. Р. Долгоруковъ приходится роднымъ внукомъ (по матери) Малиновскаго и въ его библіотеку поступила большая часть библіотеки и архива Малиновскаго. Часть этого Архива была передана еще матерью кн. Долгорукова (урожденной Малиновской) въ Румянцовскій музей. Затѣмъ, если не ошибаюсь, были напечатаны письма Е. Р. Дашковой къ Малиновскому. Очень вѣроятно, что рукопись стихотвореній Кирши Данилова была взята Малиновскимъ изъ библіотеки Румянцова и затѣмъ у него и оста-

лась. На одной изъ послѣднихъ страницъ рукописи хорошо теперь мнѣ знакомымъ характернымъ почеркомъ Малиновскаго написано. «Получена отъ Калайдовича въ 1818 году». Внѣшній видъ рукописи вполнѣ отвѣчаетъ тому описанію ея, которое дано въ предисловіи Калайдовича. Оканчивается она также началомъ стихотворенія о Стенькѣ Разинѣ, причемъ стихотвореніе это помѣщено на оборотной сторонѣ послѣдняго листа. Если бы это была только точная копія съ рукописи, списанная для Малиновскаго, то по всей вѣроятности послѣдній стихъ недоконченнаго обрывка пришелся бы гдѣ нибудь въ серединѣ страницы.

Есть и еще одно обстоятельство, указывающее на то, что 2-е изданіе стихотвореній сдѣлано именно съ этой рукописи. На поляхъ противъ каждаго изъ нихъ стихотвореній, которыя исключены въ изданіи Калайдовича, неизвѣстнымъ мнѣ почеркомъ, карандашемъ написано «исключить».

Содержаніе пропущенныхъ пѣсенъ представляется мнѣ въ высшей степени цѣннымъ съ точки зрѣнія исторіи нашей народной поэзіи. Калайдовичъ говоритъ по поводу этихъ стихотвореній, что Кирша Даниловъ «цѣлыя семь пѣсенъ пустилъ по тому пути, на коемъ въ послѣдствіи прославился Барковъ». Замѣчаніе это вѣрно по отношенію къ большинству этихъ стихотвореній; они дѣйствительно переполнены нецензурными словами и выраженіями. Мнѣ кажется самое это обстоятельство доказываетъ, что такъ называемая кабацкая не цензурная пѣснь, часто именуемая теперь фабричной, вовсе не представляетъ новаго явленія въ нашей народной поэзіи. Пѣсни такого рода несомнѣнно существовали и прежде и можетъ быть даже очень давно, но только онѣ, какъ плахіе, забыты и исчезли, а перросли ихъ лучшія пѣсни, имѣющія болѣе поэтическихъ достоинствъ. Для удовлетворенія же болѣе низменныхъ проявленій народнаго вкуса, сочинялись и сочиняются новыя пѣсни, носящія уже современный колоритъ, но отличающіяся тѣмъ же неприличіемъ языка и содержанія. Можетъ быть истинно поэтическія, лучшія пѣсни, дошедшія до насъ отъ нашей старины, встрѣчались и прежде такъ же рѣдко, какъ и теперь, и тонули въ массѣ пѣсенъ другаго ничтожнаго содержанія и неприличной формы. При такомъ предположеніи понятнымъ становится и то ожесточенное гоненіе на пѣсни, пѣвцовъ и скомороховъ, которымъ такъ отличались наши духовные писатели стараго времени. Мнѣ удалось пока только бѣгло просмотрѣть эти пропущенныя у Калайдовича пѣсни.

Тамъ есть двѣ интересныя пародіи. Одна на извѣстное и очень распространенное начало былинъ: «Высота ли высота ли поднебесная, глубина ли глубина ли океанъ моря» и т. д. Въ рукописи одно стихотвореніе начинается такъ: «Высота ли высота ли потолочная, глубина ли глубина ли подполочная, широта ли широта ли въ лоханкѣ воды», и т. д. (передаю это начало по памяти). Другая пародія вѣрнѣе шутливое и неприличное описаніе обѣдни. Вообще самыя неприличныя выраженія и поступки приписываются въ этихъ пѣсняхъ духовенству, попамъ, дьяконамъ и дьячкамъ.

Почти всѣ пропущенныя пѣсни принадлежатъ къ очень мало намъ извѣстному роду старинныхъ шуточныхъ пѣсенъ, которыя играли когда то такую большую роль въ развлеченіяхъ нашихъ предковъ, но изъ которыхъ до насъ дошло очень и очень мало.

Н. Чеховъ.

---

[1]) Это письмо было доложено въ октябрскомъ засѣданіи Отдѣленія. Опредѣлено благодарить г. Чехова за интересное сообщеніе и просить, о доставленіи на время, если возможно, Отдѣленію этой рукописи, которой затѣмъ по мнѣнію нѣкоторыхъ членовъ и редакціи всего бы лучше было храниться въ И. Публ. Б-кѣ. *Ред.*

Стран.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ IV.

Смѣсь.

Цѣна 1 р. 50 к.

Г. 4